

Восточный архив

№ 1 (39), 2019

Восточный архив

Издаётся с 1998 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
Свидетельство ПИ № ФС77-32098 от 30 мая 2008 г.

Журнал можно посмотреть на сайте
Института востоковедения РАН

Редакционный совет

В.В. Наумкин – председатель
В.В. Беляков – зам. председателя
Д.Д. Васильев
Р.Г. Пихоя
Н.Г. Романова
М.Р. Рыженков
Т.А. Филиппова

Редколлегия

В.В. Беляков – главный редактор
Н.К. Чарыева – ответственный секретарь
Д.Д. Васильев
Л.В. Зеленина
А.Ш. Кадырбаев

Художественное оформление

С.И. Потабенко

Вёрстка

Г.М. Абишева

Журнал издаётся Институтом востоковедения РАН
Адрес редакции: 103031, Москва, Рождественка, д. 12, комн. 213
E-mail: orientalarchive@yandex.ru

Воспроизведение или распространение полностью или частично текста «Восточного архива» в любой форме и любыми способами не допускается без письменного согласия редколлегии. Всю ответственность за точность и достоверность фактов, цитат и цифр, а также за то, что статьи не содержат данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы. Позиция редакции не обязательно совпадает с мнениями авторов. При цитировании ссылка на журнал «Восточный архив» обязательна.

Подписано в печать 15.03.2019
Объем 12,5 п. л.
Тираж 80 экз.
Отпечатано в издательстве МВА
103031, Москва, Рождественка, 12

Цена в розницу договорная

© Авторы, 2019

© Институт востоковедения РАН, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

Слово редактора	3
Цвижба Л.И. Русско-турецкая война 1877-1878 гг. и участие в ней абхазов.....	4
Лалин П.А. Китайский философ Янь Фу (1854-1921) и его взгляды в области образования	9
Норик Б.В. Дневник полковника В.А. Косаговского. Часть 2	16
Прожогина С.В. Изабелла Эберхардт: с мечтой о братстве... ..	29
Мосаки Н.З. «Письма из Турции» вице-консула в Ване С.П. Олферьева	41
Марахонова С.И. М.Г. Попов (1884-1930): офицер, востоковед, педагог	49
Шмидт В. Южно-Африканский Союз и нацистская Германия: взаимоотношения государств в межвоенный период (1930-е гг.)	60
Беляков В.В. Дипломатический протокол в Египте	67
Кадырбаев А.Ш. Лидер казахов Китая Оспан-батыр и «революция трёх округов» в Восточном Туркестане. 1940–1951 гг.	78
Бухерт В.Г. Ян Хиншун – переводчик «Дао дэ цзин»	89
Хазанов А.М. Освобождение Индией португальской колонии Гоа в 1961 г.	93
Наши авторы	104

Oriental Archive

No. 1 (39), 2019

CONTENTS

Editor's notes	3
Tsvizhba, Larissa. Russian-Turkish War in 1877–1878 and participation of Abkhaz in it	4
Lapin, Pavel. Chinese philosopher Yan Fu (1854–1921) and his views on education	9
Noric, Boris. Colonel Kossagovskiy's Dairy. Part 2	16
Prozhogina, Svetlana. Isabelle Eberhardt: dreaming of brotherhood	29
Mossaki, Nodar. "Letters from Turkey" by vice-consul in Vane Sergey Olferiev	41
Marakhonova, Svetlana. Mikhail Popov (1884–1930): officer, orientalist, educator	49
Schmidt, Waldemar. South African Union and Nazist Germany: relations of the states between World Wars	60
Belyakov, Vladimir. Diplomatic protocol in Egypt	67
Kadyrbaev, Alexander. Leader of Chinese Kazakhs Ospan-Batyr and "revolution of three districts" in Eastern Turkistan. 1940–1951.....	78
Bukhert, Vladimir. Yan Hinshun as a translator of "Dao da tsin"	89
Khazanov, Anatoliy. Liberation by India of Portuguese colony Goa in 1961	93
Contributors	104

СЛОВО РЕДАКТОРА

Дорогие друзья!

Нынешний номер «Восточного архива» отличается от предыдущих. Дело в том, что больше половины материалов посвящены XX веку. Конечно, он нам ближе, да и неисследованных проблем осталось множество. Тем не менее мы традиционно начинаем журнал с изучения более ранних вопросов.

Номер начинается статьёй Л.И. Цвижбы об участии абхазов в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. Автор приводит немало имён абхазов, отличившихся в этой войне, пишет об их вкладе в победу русского оружия. П.А. Лапин переносит нас на восток Азиатского континента. Он рассказывает о китайском философе Янь Фу (1854–1921), известном своими передовыми для того времени взглядами в области образования. Б.В. Норик продолжает публикацию дневника полковника В.А. Косаговского, служившего в конце XIX века в Персии. 22 февраля 1894 г. полковник был назначен Заведующим обучением персидской кавалерии. С.В. Прожогина пишет о нашей удивительной соотечественнице Изабелле Эберхардт. В 1897 г. 20-летней девушкой она переехала в Алжир, приняла ислам и вышла замуж за алжирца. Изабелла писала по-французски для местных журналов, разоблачала безжалостные нравы колонистов, старалась вызвать сострадание к участи угнетённых. Кроме очерка жизни Изабеллы Эберхардт автор публикует и два её рассказа.

Следующие материалы нынешнего номера «Восточного архива» уже полностью посвящены XX веку. Н.З. Мосаки рассказывает об известном русском дипломате Сергее Петровиче Олферьеве, служившем в начале века в Персии и Османской империи. Он оставил интересные записки «В верховьях Тигра», а также немало статей в журнале «Пермский вестник землеустройства». С.И. Марахонova посвящает статью судьбе Михаила Георгиевича Попова – офицера, востоковеда, педагога. В 1930 г. он был приговорён в СССР к высшей мере наказания «за шпионаж в пользу Японии». В 1989 г. М.Г. Попов был реабилитирован. Наш постоянный автор из Германии Вальдемар Шмидт посвящает свою статью взаимоотношениям Южно-Африканского Союза и нацистской Германии в 1930-е годы. К середине XX века относится и подготовленная мной публикация «Дипломатический протокол в Египте». В ту пору посольство в Каире имели лишь Великобритания да ещё Иран, а остальные государства, включая СССР и США – только дипломатические миссии.

Периоду 1940-х годов посвящена статья А.Ш. Кадырбаева о лидере казахов Китая Оспан-батыре и «революции трёх округов» в Восточном Туркестане. Автор рассказывает, как после начала гражданской войны в Китае Оспан-батыр разорвал отношения с СССР и примкнул к Гоминьдану. Это и определило его дальнейшую судьбу. В 1951 г. он был схвачен и расстрелян. В.Г. Бухерт пишет о советском учёном китайского происхождения Ян Хиншуне. Он приехал в Россию в 1916 г. и занимался сначала в основном переводами, а затем исследованием материалистической мысли в древнем Китае. И, наконец, последняя статья номера посвящена не столь уж отдалённой истории. А.М. Хазанов рассказывает о судьбе португальского анклава Гоа в Индии. В декабре 1961 г. индийские войска освободили анклав, положив тем самым начало конца португальской колониальной империи.

Нынешний номер «Восточного архива» более современен, чем предыдущие номера. И это отражает заинтересованность наших авторов – как сотрудников Института востоковедения, так и учёных других научных учреждений.

В.В. Беляков

Л.И. Цвижба

РУССКО-ТУРЕЦКАЯ ВОЙНА 1877–1878 гг. И УЧАСТИЕ В НЕЙ АБХАЗОВ

Русско-турецкая война 1877–1878 гг. имела непосредственное отношение к Абхазии.

Турция, преследуя собственное политическое видение истории народов Кавказа и влияния на них России, умело подыгрывала сложившемуся в начале XIX века столкновению интересов держав в этом регионе. При этом значительная часть народов Кавказа благосклонно относилась к турецкой политике. Как правило, это была знать, которая не принимала российскую власть и её законы и всячески ей противостояла. В то же время не менее представительная часть горских обществ была проводником российской политики в своей этнической среде. Многие горцы служили в регулярных и иррегулярных частях русской армии, принимали участие в военных походах России не только внутри империи, но и за её пределами. Не является исключением и население Абхазского княжества, которое за период с начала вхождения в состав России в 1810 г. и до краха империи было участником политики России в разных её проявлениях.

Политическая ситуация в Абхазии в канун Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. была сложной. В обществе назревало очередное восстание, направленное против усиления репрессивного режима имперской власти после восстания 1866 г. и крестьянской реформы, в результате которой у крестьян «были урезаны лучшие земли» и «переданы привилегированным фамилиям»¹.

Восстание 1866 г. охватило почти всю Абхазию, но было подавлено, и началось массовое переселение абхазов в Турцию. Менее чем за месяц население Абхазии (Сухумский, Бзыбский округа и Цебельда) сдало оружие, после чего до 20 000 человек административным порядком было выселено в

Турцию. «Я испросил высочайшее разрешение на выселение в Турцию части абхазского населения из Цебельды, – писал во всеподданнейшем отчете главнокомандующий Кавказской армией великий князь Михаил Николаевич Романов, – к чему было приступлено в феврале 1867 г. и к июню того же года выселено в Турцию 3 358 семей в числе 19 342 человек», что составило 24% от общей численности населения².

В 1876 г. численность населения Абхазии составляла 78 785 человек, а в канун Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. она достигла 80 000 человек³.

Во время турецких десантов в Абхазии, в частности, высадки в Гудауте в ночь с 30 апреля на 1 мая (Гудаута была обстреляна и сожжена), в числе воинов Турции находились и абхазо-черкесские махаджеры, которые таким образом хотели попасть на свою родину. Численность их доходила, по разным источникам, от 1 000 до 5 000⁴.

Турецкие войска, высадившиеся в Абхазии в конце апреля 1877 г., продержались всего несколько месяцев, но и этого было достаточно, чтобы произвести большие разрушения в Очамчире, Сухуме, Гудауте, Гагре и в других населённых пунктах. Вот как описывал действия турецкой эскадры в Абхазии наместник на Кавказе великий князь Михаил Николаевич в оперативных донесениях императору Александру II: «2 мая. Вчера с 3-х до 6 часов вечера неприятельские суда бомбардировали Очамчиры. Разрушено несколько зданий. Сегодня эскадра из 6 судов держится против Сухума. 3 мая. Со вчерашнего полдня телеграфное сообщение с Сухумом прекратилось. По частным сведениям, со вчерашнего дня 9 турецких судов бомбардируют Сухум. Полгорода сгорело. Попытка десанта блистательно отражена пятью ротами с двумя орудиями. Не-

приятельские суда продолжают стоять под Сухумом»⁵.

Малочисленные гарнизоны на береговой линии не могли противостоять турецкому десанту, но, тем не менее, вскоре началось контрнаступление русских войск при участии местного населения, в том числе милицийских сотен. Это привело к освобождению региона от турецких оккупантов к 20 августа.

В период Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. кавказские иррегулярные части вели боевые действия с противником в составе Ингурского отряда. Среди абхазских формирований, численность которых подтверждена документами, значатся:

1) Самурзаканский конно-иррегулярный полк. В его штате состояло, как следует из месячного рапорта части на 1 июля 1877 г., 720 всадников, а также офицеров, урядников, юнкеров, трубачей – 66 человек;

2) Самурзаканская конная сотня, в которой служили 600 милиционеров; обер-офицеров, юнкеров, урядников 50 человек;

3) в трёх пеших сотнях состояли 570 всадников, а обер-офицеров, урядников, трубачей было 42 человека⁶.

Примеры биографических очерков являются ярким свидетельством прошлых событий и участия в них конкретных людей, показывают социальный состав участников военных походов.

Дослуживший до чина прапорщика милиции Лакербай Сосырка Тлапсович родился в 1842 г., происходил из дворян Сухумского округа. В службу вступил всадником в Самурзаканский конно-иррегулярный полк 1 декабря 1876 г. Принимал участие в походах Самурзаканского конно-иррегулярного полка при отражении турок, высадившихся у г. Сухума, со 2 июня по 21 сентября 1877 г. «За отличия в делах с турками» награжден Знаком отличия Военного ордена 4 ст. № 35885 в ноябре 1877 г. Произведен в юнкера милиции 2 марта 1878 г. По расформировании полка уволен от службы 28 августа 1878 г. В дальнейшем был произведен в прапорщики милиции (19 июля 1896 г.), а также награжден серебряной медалью для

ношения на груди на Андреевской ленте в память священного коронования их императорского величества 14 мая 1896 г. Кроме того, распоряжением Сухумской поземельной комиссии ему отведен земельный надел в 52 десятины⁷.

Маргания Давид Кациевич, капитан. Родился в 1828 г. Происходил из дворян Сухумского округа. Воспитание получил при родителях. Успешно продвигался по службе, участвуя в походах при покорении горцев. В августе 1842 г. произведен в прапорщики милиции, в подпоручики и поручики (за военное отличие) – 22 октября 1852 г., в штабс-капитаны – 30 августа 1870 г.

«За отличие в делах в псхувской экспедиции» награжден орденом Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом 5 октября 1844 г.; «За отличие, оказанное при отражении партии убыхов» – орденом Св. Анны 4 ст. 8 октября 1852 г. Был награжден позже орденом Св. Анны 3 ст. – в октябре 1871 г.

Давид Маргания вступил на службу в Сухумский конно-иррегулярный дивизион 9 ноября 1876 г. в чине штабс-капитана. По расформировании полка переведен в Сухумский конно-иррегулярный полк 15 апреля 1877 г. По упразднении полка зачислен ординарцем при начальнике Ингурского отряда 7 июня 1877 г. Переведен в 1-ю сотню Самурзаканской конно-иррегулярной милиции 23 октября 1877 г. По упразднении милиции оставлен за штатом. «За отличие в делах с турками» произведен в капитаны 15 января 1878 г. «За отличие, оказанное против турок 2 мая 1878 г.» в составе войск Сухумского отряда, награжден орденом Св. Станислава 2 ст. с мечами 30 октября 1879 г.

Более подробная информация об участии Д. Маргания в военных походах выглядит следующим образом: Находился в военных походах: при приведении населения горного общества Псху в покорность в 1843 г. и 1844 г.; в турецкой кампании 1853–1856 гг.; при покорении Западного Кавказа в 1864 г.; «при усмирении возмущившихся абхазов» в 1866 г. В Русско-турецкой войне 1877–1878 гг.: 2 мая – при бомбардировании неприятелем эскадры г. Сухума; ночью, со

2 на 3 мая, в отряде генерал-майора Кравченко против высадившегося неприятельского десанта под Сухумом; 3 мая – в том же составе у Маджарского поста; 6 мая – против высадившихся в Очамчире турок; 7 и 11 мая – в составе отряда полковника Шервашидзе у села Званбай и местечка Дранда. Находясь вновь в отряде П.П. Кравченко, принимал участие в боях у села Александровское, 16 мая – у Богадского моста на р. Кодор; 2 июня – в отряде генерал-майора Я.Х. Алхазова с десантом и группой абхазов на р. Галидзга; 9 июня – у р. Галидзга и сел Поквиш и Илор; с 1 по 3 июля в боях от р. Галидзга до села Меркула; 31 июля при занятии линии р. Кодора; 20 августа при столкновении с противником у р. Келасур и занятии Сухума соединёнными отрядами генерал-лейтенанта П.Д. Бабича, генерал-майора Алхазова и Генерального штаба полковника Шелковникова⁸.

Кроме того, абхазы служили и в других воинских формированиях, о чем свидетельствуют архивные документы, в том числе формулярные, послужные и наградные списки. Например, Анчабадзе Дата Мурзаканович был всадником Кутаисского дворянского конно-иррегулярного №1 дивизиона. «За отличие, оказанное в делах с турками со 2 июня по 21 сентября 1877 г. в составе Ингурского отряда», награждён знаком отличия Военного ордена 4-й ст. №35635. Главнокомандующим Кавказской армией произведён в прапорщики милиции 15 января 1878 г., утверждён в чине 5 сентября 1878 г. Умер Д. Анчабадзе в 1894 г.⁹.

Анчабадзе Хабуг Куджмаханович 1848 г. рождения. Происходил из абхазских князей Сухумского округа. Воспитывался в доме родителей, грамоте не обучался. В службу вступил в Кутаисский конно-иррегулярный полк милиционером в 1878 г. По сформировании Самурзаканского конно-иррегулярного полка переведён в этот полк и зачислен в 5-ю сотню в том же году. За отличия в делах против турок был награждён Золотой медалью с надписью «За храбрость» 14 мая 1878 г. Отчислен от службы по болезни и уволен в отставку 14 мая

1878 г. Позже произведён в следующие чины: в юнкера милиции (17 марта 1894 г.), в прапорщики милиции (19 июля 1896 г.). Награждён медалями: серебряной для ношения на груди на Андреевской ленте в память священного коронования Императорского Величества и тёмно-бронзовой – в память войны с Турцией 1877–1878 гг. (14 мая 1896 г.)¹⁰.

Инал-ипа Александр, происходил из князей. В качестве милиционера состоял проводником при начальнике Сочинского отряда. «За отличия, оказанные в делах против неприятеля во время похода в Абхазию в июле и августе 1877 г.», награждён серебряной медалью с надписью «За храбрость» для ношения на шее приказом военного министра от 11 февраля 1878 г.¹¹.

Дзяпш-ипа Павел Павлович, поручик милиции, происходил из князей Сухумского округа. Получил домашнее воспитание. В службу вступил во 2-й Донской казачий полк всадником 30 октября 1861 г., отчислен от полка 1 апреля 1863 г. и зачислен в Кутаисский конно-иррегулярный полк всадником 18 июля 1863 г., уволен от службы 1 декабря того же года. Вновь зачислен на службу в Мингрельский Его Величества полк унтер-офицером 28 декабря 1863 г., переведён в 74-й пехотный Ставропольский полк 31 марта 1864 г. «За отличие в делах при окончательном покорении Западного Кавказа» награждён Знаком отличия Военного ордена 4 ст. №24454 (14 ноября 1866 г.).

Командирован в распоряжение начальника Сухумского отдела для работ в должности письменного переводчика канцелярии отдела 29 мая 1867 г. Произведён в прапорщики милиции с утверждением в должности письменного переводчика отдела 17 мая 1868 г. Пожалована серебряная медаль «За освобождение зависимых сословий» 9 июня 1872 г. За отличие по службе награждён единовременно 400 руб. 30 августа 1872 г. Произведён в подпоручики милиции 17 ноября 1875 г. «За отличие в делах против турок» – в поручики милиции 19 декабря 1877 г. По случаю преобразования Сухум-

ского отдела в округ остался за штатом 1 июня 1883 г.

Павел Дзяпш-ипа принимал участие в военных походах: в 1861 г. под начальством Эриванского генерал-губернатора Н.П. Коллюбакина, в 1862 г. – в составе Псхувского отряда, в 1864 г. при покорении Западного Кавказа в сражениях и десантах против горцев под начальством командующего войсками в Абхазии генерал-майора П.Н. Шатилова на берегу Чёрного моря. В Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. был в составе войск Сухумского и Ингурского отрядов, а именно: 2 мая 1877 г. при бомбардировке неприятельской эскадрой г. Сухума, 2-3 мая – «ночное дело» отряда генерал-майора П.П. Кравченко под Сухумом с высадившимся неприятельским десантом, 3 мая – у Маджарского поста, 6 мая – при высадке турок в местечке Очамчира, 7 и 11 мая – в бою отряда полковника Шервашидзе около с. Званбай и местечке Дранда; в бою отряда генерал-майора П.П. Кравченко около с. Александровска; 16 мая – в бою отряда подполковника князя Микеладзе с десантом и абхазами на р. Галидзга и кавалерийское дело около села Моква; 13 и 15 июня вновь в бою генерал-майора Я.Х. Алхазова около села Илора и местечка Очамчира; 15 июня – на р. Галидзге около сел Поквеш и Илори. С 1 по 13 июля принимал участие в наступлении того же отряда с боем от р. Галидзга на село Моква; 8 июля – при отражении атаки турок на позиции у р. Моквы, а 10 – при занятии села Меркулы, 31 – при занятии линии р. Кодора, 7 августа – при рекогносцировке генерал-майором Алхазовым турецкой позиции под Сухумом, 28 августа – на р. Келасур и обратное занятие Сухума соединёнными отрядами генерал-лейтенанта П.Д. Бабича, генерал-майора Алхазова и полковника Шелковникова¹².

Капш Алексей, милиционер, состоял проводником при начальнике Сочинского отряда. «За отличия, оказанные в делах против неприятеля во время похода в Абхазию в июле и августе 1877 г.», приказом военного министра от 11 февраля 1878 г. награж-

дён серебряной медалью с надписью «За храбрость» для ношения на шее¹³.

Шервашидзе Михаил Елизбарович родился в 1841 г., происходил из князей. В службу вступил унтер-офицером в 13-й Лейб-гренадерский Эриванский полк 30 июня 1859 г. Произведён в юнкеры 3 октября 1859 г., в прапорщики – 27 октября 1864 г., подпоручики – 5 июля 1869 г., поручики – 17 сентября 1873 г.

«За отличие, оказанное в делах против турок», награждён орденом Св. Анны 3 ст. с мечами и бантом 12 августа 1877 г. За штурм крепости Ардаган – орденом Св. Станислава 3 ст. с мечами и бантом (возможно, в 1877 г.). «За отличие в делах против турок» произведён в штабс-капитаны в 1877 г. Награждён орденом Св. Станислава 2 ст. с мечами в 1879 г. Исключён из списков полка 26 декабря 1879 г. Уволен в отставку 27 ноября 1880 г., при этом награждён чином капитана, мундиром и пенсией по высочайшему повелению от 31 октября 1881 г.

Среди наград М.Е. Шервашидзе были медали: серебряная – «За покорение Западного Кавказа в 1859–1864 гг.», светло-бронзовая – «За кампанию 1877–1878 гг.», крест – «За службу на Кавказе». Он заслужил их, участвуя в походах против черкес и при покорении Западного Кавказа с 8 апреля по 29 мая 1864 г. и в сражениях против турок в 1877–1878 гг. на Кавказском фронте. 23 октября 1877 г. в бою при Деве-Бойну был «контужен ружейною пулею в левую половину черепа выше соединения левой височной кости с теменной стороны». Состоял под покровительством Александровского комитета о раненых – благотворительного учреждения в Российской империи, оказывавшего материальную и другую помощь военным-инвалидам, а также семьям погибших и умерших от ран военным-инвалидов¹⁴.

Реальную численность представителей Абхазии, принимавших участие в Русско-турецкой войне, можно просчитать примерно. К сожалению, у нас нет сведений относительно списочного состава, который по каждому формированию должен быть, но на се-

годняшний день ни один такой документ не обнаружен. Отдельные данные об участии в том или ином походе содержатся в послужных или формулярных списках, если это были офицеры, и такие документы есть. Что касается нижних чинов, то сведения о них можно узнать по награждениям, информация о которых содержится в полковых приказах или в общих списках о награждениях. Эти сведения не лежат на поверхности, и поиски их не всегда бывают успешными...

Примечания

¹ Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия. Сухуми, 1975. С. 300-375.

² Цвижба Л.И. Этно-демографические процессы в Абхазии в XIX веке. Сухум, 2000. С. 78.

³ Там же. С. 81.

⁴ Дзидзария Г.А. Махаджирство и проблемы истории Абхазии. С. 327.

⁵ Цвижба Л.И. Этно-демографические процессы в Абхазии. С. 81.

⁶ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 330. Оп. 21. Д. 437. Л. 1-2.

⁷ Там же. Ф. 330. Оп. 58. Д. 115 (1896 г.). Л. 5-6; Ф. 407. Оп. 1. Д. 955. Л. 229об.-230; Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 496. Оп. 3. Д. 811.

⁸ РГВИА. Ф. 330. Оп. 58. Д. 596. Л. 138-140об.

⁹ Там же. Ф. 330. Оп. 56. Д. 595. Л. 25об.-26; Ф. 407. Оп. 1. Д. 955. Л. 131об.-132; РГИА. Ф. 496. Оп. 3. Д. 811. Л. 411.

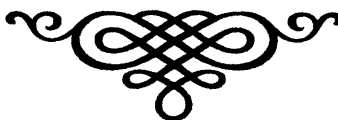
¹⁰ РГВИА. Ф. 330. Оп. 58. Д. 115 (1896 г.). Л. 1-3; Ф. 407. Оп. 1. Д. 955. Л. 228об.-229.

¹¹ Там же. Ф. 330. Оп. 21. Д. 234. Л. 48-48об.

¹² Там же. Ф. 330. Оп. 58. Д. 599 (1890 г.). Л. 75-79об.; Ф. 407. Оп. 1. Д. 955. Л. 14об.-15; РГИА. Ф. 496. Оп. 3. Д. 807. Л. 191об.

¹³ РГВИА. Ф. 330. Оп. 21. Д. 234. Л. 48-48об.

¹⁴ Там же. Ф. 400. Оп. 12. Д. 10723. Л. 5об., 14-14об., 17, 19-21об., 27, 29-30.

П.А. Лапин

КИТАЙСКИЙ ФИЛОСОФ ЯНЬ ФУ (1854–1921) И ЕГО ВЗГЛЯДЫ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ

Во второй половине XIX в. Цинская империя переживала кризис, вызванный поражением в «опиумных войнах» и подписанием серии неравноправных международных договоров, налагавших на маньчжурский двор тяжёлые обязательства. Экспансия европейцев в Китае носила поистине тотальный характер: «на повестке дня стояло не просто военное... завоевание, а существование самих основ китайской государственности, культуры и цивилизации, в том числе и в традиционном их понимании»¹.

По мере включения Китая в систему новых межгосударственных отношений, его очевидной невозможности противостоять мировым державам в Пекине шло глубокое переосмысление дальнейших путей развития империи.

Уже в 1860-х гг. в Китае начало набирать силы реформаторское движение «за освоение заморских дел» (кит.: *Янъу юньдун*, 洋务运动; также называют политикой «самоусиления», кит.: *Цзыцян юньдун*, 自强运动). Теоретические основы его в 1861 г. впервые сформулировал китайский прогрессист Фэн Гуйфэн (кит.: 冯桂芬; 1809–1874) в своём произведении «Протест Цзяо Биньлу», а в 1898 г. в статье «Советы [по поводу] наук» (кит.: *Цюань сюэ пянь*, 劝学篇) в окончательном виде обосновал видный учёный, политический и общественный деятель Чжан Чжидун (кит.: 张之洞; 1837–1909). Главным девизом движения был принцип «Китайское учение – основное, западное учение – прикладное» (кит.: *чжун сюэ вэй ти, сисюэ вэй юн*, 中学为体, 西学为用). То есть реформаторы не отрицали важность достижений китайской традиционной науки, но вместе с тем в практических целях также призывали к изучению и иностранного опыта². В конце 1880-х – на-

чале 1890-х гг. движение критиковали за либеральность взглядов, отсутствие программы всесторонних реформ и симпатию к традиционным устоям китайского общества. Зародилось новое политическое течение, основные идеологи которого Кан Ювэй и Лян Цичао летом 1898 г. при поддержке молодого императора Гуансюй инициировали так называемые реформы «Ста дней» (кит.: *Бай-жи вэйсинь*, 百日维新, также называют *Усюй бяньфа*, 戊戌变法), большая часть которых ввиду своего радикализма впоследствии была отменена³.

Преобразования второй половины XIX в. в Китайской империи свидетельствовали о желании властей наладить системное изучение передового опыта мировых держав в интересах усиления государства, укрепления его позиций на международной арене. Большое внимание при этом уделялось реформированию старой системы образования и обновлению прежней гуманитарной политики, что и должно было обеспечить процесс успешного заимствования западных научных теорий и технологий. Велась разработка новых стандартов обучения, учреждались современные учебные заведения, готовившие специалистов для современных производств⁴, укреплялись академические контакты с зарубежными учебными центрами, куда в образовательных целях на регулярной основе начали командировать молодых китайских подданных⁵.

В китайском обществе шла активная дискуссия о приоритетах национальной образовательной политики. Прогрессисты того времени, особенно те, которые получили западное образование и были знакомы с ситуацией за рубежом, предлагали различные концепции действий государства в этой сфере.

Одним из идеологов реформ в области образования в Китае в конце XIX – начале

XX в. был видный общественный деятель, философ и переводчик Янь Фу (кит.: 严复; 1854–1921).

Янь Фу родился 8 января 1854 г. в уезде Наньтай города Фучжоу провинции Фуцзянь. С малых лет получал классическое образование в конфуцианских школах, однако в 1866 г. после смерти отца был вынужден отказаться от дорогого обучения и отправился в Фучжоу, где поступил в школу при фучжоуской судоверфи, получив полное казённое обеспечение.

Молодой человек старательно учился, постигал до этого незнакомые учебные дисциплины – математику, физику, химию, геологию, астрономию, навигацию. Было нелегко, так как обучение велось на английском языке. После окончания в 1871 г. школы был направлен для прохождения практики на пароход с символическим названием «Яньфу» – «Освоение заморских дел». В 1877 г. в числе наиболее успешных выпускников был командирован в Британию для продолжения обучения в Гринвичском военно-морском колледже. Пребывание в Европе (кратковременно также посещал Францию) оказало большое влияние на мировоззрение Янь Фу, сформировало его общественно-политические взгляды на реформы в Цинской империи.

В 1879 г. Янь Фу вернулся на родину и стал преподавателем в Фучжоуском навигационном училище. Сблизился с лидером реформ Ли Хунчжаном. С 1885 г. трижды предпринимал неудачные попытки сдать государственные экзамены, полагая, что учёная степень придаст ему авторитет в цинском обществе. Активно публиковал свои труды в газетах. Славу политического автора ему принесли вышедшие в 1895 г. в Тяньцзиньской газете «Чжибао» статьи «О стремительности перемен в мире» (кит.: *Лунь ши бянь чжи цзи*, 论世变之亟), «Обращение к источникам могущества» (кит.: *Юань фу*, 原富), «Опровержение Хань [Юя]» (кит.: *Пи хань*, 辟韩) и «Окончательное суждение [о путях] спасения от гибели» (кит.: *Цзю ван цзюэ лунь*, 救亡决论), в которых предлагал конкретные действия по реформированию

государства, в том числе образовательной сферы⁶.

В 1880 г. Янь Фу получил назначение на пост старшего преподавателя (фактически куратора) в открытое видным прогрессистом Ли Хунчжаном (1823–1901) в Тяньцзиньне Бэйяньское военно-морское училище (кит.: *Бэйянь шуйши сюэтан*, 北洋水师学堂), где прослужил до 1898 г. В 1896 г. принимал участие в создании Тяньцзиньской школы русского языка (кит.: *Тяньцзинь эвэнь гуань*, 天津俄文馆)⁷. Параллельно вёл активную общественную работу. В 1897 г. основал газету «Го вэнь бао» (кит.: 国闻报), ставшую одним из главных печатных органов реформаторов. Однако уже на следующий год газета была закрыта в связи с поражением реформ «Ста дней».

Летом 1898 г. Янь Фу направил молодому императору Гуансюй «Послание на Высочайшее имя в десять тысяч иероглифов» (кит.: 上光绪皇帝万言书). Был удостоен аудиенции, в ходе которой рассказал монарху о своих взглядах на политические преобразования в Китае, где первостепенной задачей считал «умственное развитие народа».

В последующие годы Янь Фу работал на различных общественных и преподавательских должностях в Шанхае, Пекине, провинции Аньхой. Одновременно активно занимался переводами иностранной научной литературы и изданием своих трудов, публиковал статьи в местной прессе⁸. Входил в состав государственной экзаменационной комиссии, сформированной Ведомством по делам просвещения (кит.: *Сюэ бу*, 学部) для аттестации китайских студентов, вернувшихся из-за рубежа. В 1909 г. получил почетную высшую учёную степень «цзиньши», которая, правда, уже не давала её обладателям каких-либо служебных преимуществ (старая экзаменационная система была упразднена в 1905 г.). В начале 1912 г. был назначен на должность декана факультета литературы и языка Пекинского университета, но уже осенью того же года ушёл в отставку. Поддерживал реставрацию монархии во главе с Юань Шикаем.

Янь Фу, получивший хорошее образования за рубежом и потом посвятивший многие годы жизни научно-педагогической деятельности, обладал богатым административным опытом, который использовал в интересах проведения реформ в области просвещения.

Многие сложности, с которым сталкивался Китай, Янь Фу связывал с низким интеллектуальным уровнем подданных империи, которые не принимали инициативные властями преобразования, так как не могли оценить их по достоинству. Поэтому главную задачу Янь Фу видел в «укреплении силы народа» (кит.: *гу минь ли*, 鼓民力)⁹, «умственном развитии народа» (кит.: *кай минь чжи*, 开民智)¹⁰, «обновлении нравственности народа» (кит.: *синь минь дэ*, 新民德)¹¹. Эту общую концепцию «спасения нации» Янь Фу изложил в упомянутом выше фундаментальном труде «Обращение к источникам могущества» (1895 г.; в русском переводе — «Источники силы»)¹².

В своём следующем сочинении «О путях спасения от гибели» (1895 г.; кит.: *цзю ван цзюэ лунь*, 救亡决论) он говорил об архаичности китайской системы образования и науки в целом¹³. Янь Фу призывал к осуществлению всеобщих реформ образовательной сферы, «без которых [государство] неминуемо погибнет». Начать эти преобразования он предлагал с отмены системы государственных экзаменов «кэцзюй», проведение которых в течение многих веков «губило государство» и привело к отсутствию «в Поднебесной профессиональных кадров»¹⁴. По мнению философа, старая система государственного образования «сковывает разум» (кит.: *гу чжихуэй*, 锢智慧), «портит умыслы» (кит.: *хуай синьшу*, 坏心术) и «взрачивает праздных людей» (кит.: *цзы ю шоу*, 滋游手). Эти три тезиса мыслитель собирательно охарактеризовал как «три зла» («да хай сань»)¹⁵. Не исключено, что на негативном отношении Янь Фу к традиционной аттестационной практике отразился личный неудачный опыт многократного участия в чиновничьих экзаменах.

Янь Фу подвергал критике традиционные этико-философские учения, под воздействием которых развивалась китайская наука. Она строилась на теоретических размышлениях, готовя, по его мнению, излишне консервативный класс учёных-книжников «да-фу», не способных содействовать преобразованию государства и укреплению его мощи. Осложнялось всё ещё и тем, что зачастую именно эти люди благодаря полученным в ходе экзаменов высоким учёным степеням занимали важные посты в государственном аппарате, перенося консервативный настрой уже в сферу управления империей¹⁶.

Философ призывал к активному изучению передовых западных теорий и технологий, созданию сети современных учебных заведений, введению обязательного базового образования для молодёжи. При этом в качестве примера он приводил не только западные государства, но и Японию, которая успешно внедрила у себя обязательную систему начального образования. В новых учебных учреждениях, по его мнению, важно было поощрять преподавание не только военных или технических дисциплин, обеспечивая укрепление государства в условиях военного противостояния с иностранными державами, но и сельскохозяйственных, коммерческих и педагогических, что было новым для китайской системы образования¹⁷.

Продвигая идею всеобщей доступности обучения в начальных школах, Янь Фу настаивал на необходимости развития женского образования, с чем Китай в целом был знаком в связи с созданием начиная со второй половины XIX в. иностранными религиозными организациями сети женских начальных и средних учебных заведений. Он также поощрял домашнее образование, в том числе женское, которое могли обеспечить своим детям богатые семьи.

Янь Фу отрицал основополагающий принцип реформ: «китайское учение — основное, западное учение — прикладное». Он считал, что «в китайском учении имеются свои практические элементы, а в западном —

свои, оба учения существуют независимо друг от друга, их же объединение ведёт к гибели [обоих учений]»¹⁸.

Не отрицая достижений китайской науки (но не китайской научной методологии), Янь Фу, будучи прогрессистом, выступал за внедрение в Китае западной методологии науки, которая должна включать три элемента, или, как указывал философ, «три уровня». К первому относились логика и математические науки, дававшие инструментарий для осуществления исследования. Ко второму – физико-химические науки, формировавшие основные законы и теоретические обоснования для прикладных наук. К третьему уровню Янь Фу приписывал все прикладные науки (астрономию, географию, биологию, сельское хозяйство, военное дело, фармакологию, минералогию и др.), «нацеленные на изучение конкретных тел»¹⁹. Все три уровня взаимосвязаны, и каждый определяет последующий.

При всей своей новизне научная структура Янь Фу, тем не менее, имела недостаток: она была сконцентрирована на естественных науках, тогда как социально-общественный блок учебных дисциплин оказался выведен за рамки рассмотрения. Применительно к гуманитарным дисциплинам философ предлагал уделять внимание лишь изучению иностранных языков, и то исключительно в утилитарных целях, чтобы лучше усваивать «западные науки».

В рамках разработанной им научной системы Янь Фу предложил определённые методы научного исследования. В основе научного подхода, по его мнению, должна лежать логика, которую учёный называл «законом всех законов, наукой всех наук», а также методы индукции и дедукции²⁰.

Индуктивный подход делится на четыре уровня: наблюдение и эксперимент, посредством которых накапливаются общие знания об исследуемом элементе; формулирование гипотезы путём анализа полученных первичных знаний; продвижение гипотезы; и, наконец, её апробирование и подтверждение опытным путём с целью выявления закономерности²¹. Янь Фу предлагал китай-

скому учёному сообществу западную модель осуществления научных изысканий и формирования науки, в основе которой лежали «наблюдение и эксперимент, подтверждающий верность суждения»²². Такой подход в корне отличался от широко применявшихся в Китае традиционных форм научного изыскания, построенных на заучивании обучающимися значительных объёмов информации и определённых схем без понимания закономерностей и связей между явлениями, что в конечном итоге стопорило накопление научных знаний и делало их весьма архаичными.

По мнению Янь Фу, при научном изыскании важно работать с первоисточником – «читать книги без слов» и «учиться у природы», то есть иметь дело с некими первоначальными элементами²³. Изучение же «природы» по готовым трудам исследователей Янь Фу считал неприемлемым, так как объективное научное разыскание в таких условиях провести было невозможно, поскольку оно осуществлялось бы в рамках заложенной другим учёным модели.

В процессе обучения большое внимание уделялось роли преподавателя, который был обязан вести «наглядное, вовлечённое обучение на основе разработанных учебных пособий»²⁴.

Предлагалось также внедрить во всей империи централизованную систему образования, включавшую три уровня: начальный, средний и высший. К последнему относились бы высшие школы, в которых в течение трёх-четырёх лет велось преподавание общеобразовательных дисциплин, а в последующие несколько лет – специальности²⁵.

В дополнение к общим учебным заведениям важно было открывать современные педагогические училища, которые могли готовить прогрессивных преподавателей для обеспечения нового образовательного процесса. Выпускники этих учебных заведений, по мнению Янь Фу, должны были прежде всего поступать на работу в средние школы. Философ также призывал уделять внимание организации обучения за рубежом. По его мнению, перед командированием за границу

учащиеся были обязаны в течение двух лет изучать иностранный язык (кроме наиболее популярных тогда в империи иностранных языков – английского, французского и немецкого, – Янь Фу также предлагал организовать преподавание русского языка), а на третьем году – основы будущей специальности, которую они намеревались постигать в зарубежном учебном заведении²⁶.

В поздние годы жизни Янь Фу начал возвращаться к идее важности конфуцианской традиции и даже предлагал вновь ввести в качестве обязательных учебных дисциплин в образовательных учреждениях Китая толкование классических этико-философских произведений²⁷.

Янь Фу умер в октябре 1921 г. в возрасте 68 лет во время поездки на свою малую родину, в провинцию Фучжоу²⁸. Видимо, сказалось то, что философ болел астмой, которая усугублялась курением опиума.

Янь Фу по праву считается одним из выдающихся прогрессистов, реформаторов и организаторов образования в Китае в Новое время. Его предложения по преобразованию этой важной сферы жизни государства формировались с учётом опыта, приобретённого во время обучения в Британии и последующей деятельности в качестве политического автора, переводчика и издателя. Работая на различных должностях в учебных заведениях Китая, в том числе в Пекинском университете, он как никто мог видеть недостатки национального образования, инициировать идеи по его модернизации.

Он предлагал создать качественно новую систему образования, объединявшую несколько ступеней и дававшую как общие, так и специальные знания. Важным было и то, что в этих учебных заведениях должна была внедряться европейская методика преподавания, цель которой заключалась в обучении слушателей элементарным методам исследования, привитии практических навыков и умений. Такая методика значительно отличалась от распространённой в Китае формы обучения через заучивание больших объёмов теоретической информации, порой без понимания сути изучаемого предмета.

Конечно, Янь Фу был далеко не единственным представителем прогрессивной части интеллигенции, ратовавшей за перемены в образовательной политике. Но он был одним из немногих, если не единственным, кто смог представить единую концепцию устройства образовательной структуры, реализация которой, по его мнению, могла обеспечить «спасение нации» — «Цзяоюй цзюго» (кит.: 教育救国), о чём он многократно говорил в своих произведениях.

Примечания

¹ Самойлов Н.А. Борьба тенденций в общественно-политической мысли Китая периода политики «самоусиления» // Всемирная история и Восток / Сб. статей. М.: Наука, 1989. С. 118.

² Подробнее об этом см., например: Ли Цзянюань, Ян Лэ. Люэлунь янью юньдун шици чжунго гаодэн цзяоюй чжиду дэ бяньгэ (Анализ эволюции системы высшего образования в Китае в период движения «за освоение заморских дел») // Гаодэн таньсо. 2006, № 6. С. 9.

³ Подробнее об образовательной программе политики «Ста дней» реформ см., например: Ван Фаньчжао. Цзяньмин чжунго цзяоюй ши (Краткая история образования в Китае). Пекин: Бэйцин шифань дасюэ чубаньшэ, 1994. С. 256–258.

⁴ Создавались школы и училища по преподаванию иностранных языков, естественных, технических и гуманитарных наук, было организовано обучение военному делу и кораблестроению. С 1861 по 1894 г. в империи было открыто в общей сложности 24 новых учебных заведения. Подробнее см., например: Пэн Гуанчэн. Цяньтань янью юньдун дэ синчжи (Очерк сущности движения «за освоение заморских дел») // Санься дасюэ сюэбао (жэньвэнь шэхуэй кэсюэ бань). 2009, цз. 31, цзэн кань. С. 116; Чжао Пу-гэн. Янью юньдун юй чжунго цзяоюй цзиньдайхуа (Движение «за освоение заморских дел» и модернизация образования в Китае) // Сучжоу дасюэ сюэбао (чжэсюэ кэсюэ бань). 1999, № 4. С. 95.

⁵ Начиная с командирования в 1872 и 1875 гг. ста двадцати китайских подростков на обучение в США впоследствии до 1895 г. туда и страны Европы (Англию, Францию и Германию) в общей сложности в образовательных целях было

отправлено около 210 учащихся. См.: *Пэн Гуанчэн*. Цяньтань яньгу юньдун дэ синчжи (Очерк сущности движения «за освоение заморских дел») // Санься дасюэ сюэбао (жэньвэнь шэхуэй кэсюэ бань). 2009, цз. 31, цзэн кань. С. 116.

⁶ *Янь Фу* цзопинь цзинсюань (Сборник наиболее важных произведений Янь Фу). Под ред. Сюй Цзухуа. Ухань: Чанцзян вэньи чубаньшэ, 2005. С. 1 (введение).

⁷ *Мяо Ляньшунь*. Лунь Янь Фу дэ цзяоюй сысян (Об образовательных идеях Янь Фу) // Тайюань цзяоюй сюэюань сюэбао. 2003, № 1. С. 19. Видимо, частые контакты в Тяньцзине с россиянами, рассказывавшими Янь Фу о нашем государстве, побудили его подготовить объёмную статью о развитии двусторонних контактов – «О дружеских связях Китая и России» (кит.: *Чжуньэ цзяо и лунь*, 中俄交谊论) (опубликована в январе 1898 г. в газете «Го вэнь бао»). См.: *Янь Фу* цзопинь цзинсюань (Сборник наиболее важных произведений Янь Фу). С. 107–113.

⁸ Подробнее о письменном достоянии Янь Фу см., например: *Янь Фу* цзопинь цзинсюань (Сборник наиболее важных произведений Янь Фу). С. 1–6 (введение).

⁹ «Развитие силы народа» виделось в непосредственном укреплении здоровья населения, популяризации научных, медицинских и санитарных знаний, запрета курения опиума (притом, что сам Янь Фу его курил), отказа от пагубных для общества архаичных традиций и привычек, как, например, бинтование ног у девочек. Подробнее см.: *Дань Юймэй, Чжан Лань*. Янь Фу цзяоюй цзю го сысян цзяньшу (Очерк идей Янь Фу о спасении нации через образование) // Хэбэй гуанбо дяньши дасюэ сюэбао. 2010, № 6. С. 102.

¹⁰ С целью обеспечения «умственного развития народа» рекомендовалось, прежде всего, создать новую систему практического образования, готовившую кадры, наделённые конкретными навыками и умениями. Для этого требовалось отойти от традиционной схоластической формы обучения, предполагавшей бездумное заучивание больших массивов канонических этико-философских писаний китайской древности, не имевших практической отдачи. Подробнее см.: *Дань Юймэй, Чжан Лань*. Янь Фу цзяоюй цзю го сысян цзяньшу (Очерк идей Янь Фу о спасении нации через образование) // Хэбэй гуанбо дяньши дасюэ сюэбао. 2010, № 6. С. 102–103.

¹¹ «Обновление нравственности народа», по мнению Янь Фу, заключалось в распространении

в Китае ценностей западной политической культуры – независимости, демократии, равенства. Предлагалось отказаться от таких традиционных фундаментальных основ существования китайского общества, как «семья», «клан», и на первый план вывести индивида – человека, который определяет своё будущее самостоятельно. Подробнее см.: *Дань Юймэй, Чжан Лань*. Янь Фу цзяоюй цзю го сысян цзяньшу (Очерк идей Янь Фу о спасении нации через образование) // Хэбэй гуанбо дяньши дасюэ сюэбао. 2010, № 6. С. 103.

¹² Духовная культура Китая: Энциклопедия в 5 т. Т. 1. Философия / Под ред. М.Л. Титаренко, А.И. Кобзева, А.Е. Лукьянова. Москва: Восточная литература, 2006. С. 644.

¹³ Чжунго цзиньдай цзяоюй ши цзыляо хуэйбянь. Усюй шици цзяоюй (Сборник материалов по истории образования в Китае в Новое время. Образование периода политики «самоусиления»). Шанхай: Шанхай цзяоюй чубаньшэ, 2007. С. 3–17.

¹⁴ Там же. С. 3.

¹⁵ Там же. С. 3–5.

¹⁶ Там же. С. 7.

¹⁷ Там же. С. 12.

¹⁸ Чжунго цзиньдай цзяоюй вэньсюань (Избранные произведения по образованию в Китае в Новое время). Пекин: Жэньминь цзяоюй чубаньшэ, 1983. С. 218.

¹⁹ *Ню Цзиньчэн*. Янь Фу кэсюэ цзяоюй сысян таньвэй (Очерк научно-образовательных взглядов Янь Фу) // Цзянсу гаоцзяо. 2012, № 5. С. 6.

²⁰ Цитата дана по работе: *Ню Цзиньчэн*. Янь Фу кэсюэ цзяоюй сысян таньвэй (Очерк научно-образовательных взглядов Янь Фу) // Цзянсу гаоцзяо. 2012, № 5. С. 6.

²¹ *Янь Фу*. Мин сюэ цяньтань (Общие разговоры о логике). Пекин: Шаньгу иньшугуань, 1981. С. 67–74.

²² *Ню Цзиньчэн*. Янь Фу кэсюэ цзяоюй сысян таньвэй (Очерк научно-образовательных взглядов Янь Фу) // Цзянсу гаоцзяо. 2012, № 5. С. 7.

²³ *Ван Сяньмин*. Янь Фу сюэшу вэньхуа сюйби (Заметки Янь Фу по искусству и культуре). Пекин: Чжунго цинянь чубаньшэ, 1999. С. 166–169.

²⁴ *Ню Цзиньчэн*. Янь Фу кэсюэ цзяоюй сысян таньвэй (Очерк научно-образовательных взглядов Янь Фу) // Цзянсу гаоцзяо. 2012, № 5. С. 7.

²⁵ *Лу Юнькунь*. Шэхуэй цзюбянь юй гуйфань чунцзянь. Янь Фу вэньсюань (Глобальные общественные изменения и упорядочение воссозда-

ния. Избранные произведения Янь Фу). Шанхай: Шанхай юаньдун чубаньшэ, 1996. С. 519–520.

²⁶ Чжунго сяньдай сюэшу цзиндянь. Янь Фу цзюань (Китайская современная научная классика. Янь Фу). Под ред. Лю Мэнси. Шицзячжуан: Хэбэй цзяоюй чубаньшэ, 1996. С. 628.

²⁷ Подробнее о жизни и деятельности Янь Фу см., например: *Го Вэйдун*. Янь Фу юй цзинши дасюэтан цытуй ян цзяоси шицзянь (Янь Фу и инцидент с увольнением иностранных преподавателей из Пекинского университета) // *Фуцзянь луньтань*. Жэньвэн шэхуэй кэсюэ бань. 2009, № 6. С. 89–92; *Ли Хоуфэн*. Янь Фу дэ цзяоюй

шэнья (Путь образования Янь Фу) // *Шисюэ юэкань*. 2000, № 1. С. 54–62; *Цянь Люйчжэсоу, Хэ Гуйчунь*. Янь Фу няньбяо ([Биографическая] схема Янь Фу) // *Фуцзянь шифань дасюэ сюэбао* (чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань). 1984, № 4. С. 115–136, 138; *Чэнь Пинъюань*. Чидао лэ шисы нянь дэ жэньмин. Янь Фу юй бэйцзин дасюэ (Назначение с опозданием на 14 лет. Янь Фу и Пекинский университет) // *Кайфан шидай*. 1998, № 3. С. 43–49.

²⁸ *Цянь Люйчжэсоу, Хэ Гуйчунь*. Янь Фу няньбяо ([Биографическая] схема Янь Фу) // *Фуцзянь шифань дасюэ сюэбао* (чжэсюэ шэхуэй кэсюэ бань). 1984, № 4. С. 134.

Б.В. Норик

ДНЕВНИК В.А. КОСАГОВСКОГО ЗА 1894–1895 годы

Избранные отрывки. Часть 2

1 января 1895 г. Молебн. Эмир-Туманская лента. Представление *сартитов*¹ Посланнику. Визиты. Закуска персидским офицерам. Тосты и речи. Оставил Мамед-хана² и Мамед-Багир-хана³. Продолжение с Сушковым, Орановским, Мартирос-ханом⁴ и Татос-ханом⁵ – выпил немного и я. Отругал Мартирос-хана за заговор с Шукрулла-ханом⁶ – обида <нрзб>, обещание подать рапорт. Обида Орановского – Сушков заявил, что Орановский готов подать рапорт об отчислении, если я нахожу, что он не умеет ездить по-казацки (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 217. Л. 203).

5 января 1895.

Его Высочеству

№ 2

Рапорт⁷

Ввиду предстоящего приезда русского чрезвычайного посольства покорнейше прошу Ваше Высочество не отказать почтить меня теперь же предписанием, от каких именно частей будут выставлены: 1^е Почётный караул, 2^е Часовые у внешнего входа, 3^е Внутренние часовые, 4^е Ординарцы и посыльные, 5^е Конвой при выездах в город, 6^е Две будки у наружных дверей помещения, предназначенного Его Превосходительству Чрезвычайному Послу, 7^е Музыка при Почётном карауле (л. 10).

Заведующий обучением

Персидской кавалерии

«5» января 1895 г.

№ 2

Тегеран (Персия)

بريگاد سواره قزاق

اعلیحضرت قویشوکت اقدس همایون شاهنشاهی روحنا فداه

نمره ۲

بتاریخ یوم ۲۱ شهر رجب

سنه ۱۳۱۲

طهران

بحضور مبارک حضرت اشرف اسعد ارفع والا شاهنشاهزاده اعظم آقای نایب السلطنه امیر کبیر و وزیر جنگ روحنا فداه معروض میدارد

از آنجاییکه ورود جناب سفیر مخصوص دولت <...> روسیه بدار الخلافه خیلی نزدیک شده در کمال افتخار و مباهات استدعا از حضور مبارک حضرت اشرف اسعد ارفع والا مینمایم دستخط مبارک شرف صدور یابد از کدام یک از دسته جات عساکر ساخلو دار الخلافه معین خواهند فرمود برای انجام فقرات تشریفات و احترامات نظامی ذیل در حق سفیر مذکور در فوق

فقره اول قراولدن گارد خوئور

فقره دوم قراولدن دم درب خارجی عمارت سفیر

فقره سوم قراولدن داخلی عمارت و منزل سفیر

فقره چهارم اردونانس ها و ارسال و مرسول ها

فقره پنجم دسته سواران برای همراهی سفیر در حرکات ایشان در شهر

فقره ششم دو قراولخانه چوبی دم درب منزلی که برای سفیر معین و مقرر خواهد شد

فقره هفتم دسته موزیک که باید همراه قراولدن گارد خوئور

فرمانده بريگاد کلنل کاساگوفسکی

(л. 9)

Colonel Kossagovsky⁸

9 января. Представление Велиахду⁹ – ханский приём. Простудилась половина офицеров – ожидали во дворце.

10 января. Пешее учение – Сушков первый раз командовал. Наиб-эс-Сальтанэ расспрашивал про приём Велиахда – я вскользь ответил.

Явился из Петербурга Аман-Олла-Мирза¹⁰ – в восторге от поездки в Петербург. Ему дали Станислава 2ой степени со звездой, а главное, Русский Император подал ему руку.

Какая разница между приёмом Русского Императора и Персидского Велиахда! Наиб-эс-Сальтанэ говорил Мартирос-хану: «Пусть полковник не обижается – это ведь лур» (в смысле – мужик, необразованный). Я просил не раздувать этой истории, уверяя всех и каждого, что я вовсе не обиделся.

11 января. Почтовый день. Сушков, Орановский и «Сартип» Гейзлер¹¹ играли в винт¹² (л. 11).

13¹³ – Запрос Посланника при рапорте ротмистра Бельгарда и его докладной записке. Я ездил объясняться и решил написать о Бельгарде рапорт, его выгораживающий.

15 – Написал рапорт № 2 Посланнику и письмо Бельгарду. Вечеринка у Орановского. Графиня D'Arlôt. С графиней D'Arlôt ездил за m-me Morel¹⁴ и привёз её к Орановскому.

17 – Целых два дня рапорт писал и переделывал. Посланник опять просил за Рафаловича. Я согласился.

18 – Вечер с танцами. Морель привёл Орановский. Графиня в восторге, что я согласился хлопотать за Бельгарда. Утром послал посланнику свой рапорт №3 относительно Рафаловича. На вечеринке был Посланник и благодарил за рапорт. Ужин, танцы после 12-ти часов. Все пьяны. <...>

29 – Неджеф-Кули-хан принёс почётную саблю подьесаулу Рафаловичу, Льва и Солнца 2ой степени Сушкову и Орановскому. Воскресенье – к Посланнику приглашены на обед все русские офицеры, кроме меня.

30 – Салям¹⁵. Оттуда к Рабино¹⁶, затем к «Сартипу», у которого урезали. <...> (л. 18об).

از قزوین به اداره تلگرافی دولت علیه ایران

نمره ۲۴، عدد کلمات ۲۵

حضور امیر الامراء النظام پالکونیک فرمانده بریگاد جناب مستطاب سفیر کبیر دو شنبه حرکت می نمایند یک ساعت بعد از

ظهر چهار شنبه وارد خواهد شد محمد باقر بتاریخ ۱۵ شهر شعبان سنه ۱۳۱۲¹⁷

Из Казвина

Господину Командиру Казачьей Его Величества Шаха бригады

Его Высокопревосходительство Посол в понедельник выезжает в час пополудни в среду прибудут.

Мамед-Багир

30 января [18]95 г.

(л. 13)

Астрабад ответ казачьему *векилю* Али-беку на № 3 от 12 зихадже¹⁸: *мир-пяндж* Сафар-Али-Ага! *Векиль* Али-бек за нахальное письмо разжалывается в рядовые, смените его и возьмите в лагерь.

Полковник Косаговский¹⁹ (л. 14).

Сих пернатых осмотр²⁰ может быть только при закрытых дверях. Это желание моего повелителя. В. А.²¹ (л. 15)

Ведомость

о состоянии денежных сумм

Казачьей Его Величества Шаха бригады

к 9^{мв} января 1895 года

Наименование капиталов	Всего					В том числе									
						документами					деньгами				
	т.	кр.	ш.	р.	к.	т.	к.	ш.	р.	к.	т.	кр.	ш.	р.	к.
Хозяйственной суммы	1021	4	14	...		39	1	14	...	...	982	3			
Переходящей	...	...	...	<u>80</u> 274	51	...	...	...	...	...	81	...	...	<u>80</u> 274	51
Всего	1021	4	14	<u>80</u> 274	51	39	1	14			982	3		<u>80</u> 274	51

Список лиц, коим выданы деньги по документам на обороте сего представляется (л. 16 об).

Кому выданы	Сумма		
	т	кр.	ш.
Векиль Баши Гвардейского эскадрона Лутф Али... из бератной суммы	24	1	14
Бригадному доктору авансом на расходы по лазарету	15		
Всего	39	1	14

(л. 16)

Казачья Его Величества Шаха бригада

Его Высочеству принцу Наibu-эс-Сальтанэ
Военному Министру

№

Февраль 1892.

г. Тегеран

Рапорт²²

Поскольку текущий бюджетный год подходит к концу, по поводу бюджета нового года нахожу необходимым представить Вашему Высочеству некоторые весьма важные и весьма существенные соображения и покорнейше прошу Ваше Высочество, обратив внимание на излагаемые при сём соображения, соблаговолить утвердить некоторые перемены в нижепоименованных статьях бюджета бригады.

Настоящий бюджет бригады по всем статьям приблизительно сообразен и подходящ с действительными расходами, т. е. при благоприятных обстоятельствах можно будет как-нибудь свести концы с концами, но по статье жалованья персидских чинов бригады и по фуражной статье нет никакой возможности обойтись без особых добавочных средств.

1) По статье жалованья персидских чинов бригады Правительство уже несколько лет как отпускает непреложно одну и ту же сумму в 30654 туманов 4 кран, между тем как за последний год число офицеров бригады почти удвоилось, и кроме того, большинство чинов произведены в высшие чины и вследствие этого многим из этих произведённых приходилось прибав-(л. 17)-лять и к окладам их годового жалованья, так что в текущем году годовой расход по статье жалованья вместо 30654 туманов 4 кран, отпускаемых Правительством, дошёл до 33228 туманов 5 кран, т. е. на 2574 туманов 1 кран больше, чем Правительство отпускает по бюджету, и при всём том не все чины получают жалованье, соответствующее настоящему их чину, и если выдавать жалованье всем чинам бригады по настоящим их чинам,

то сумма годового жалованья чинов бригады дойдёт до 41112 туманов 8 кран, т. е. на 10458 туманов 4 кран больше, чем Правительство отпускает по бюджету. Для большей наглядности представляю при сём именные списки всех чинов бригады с обозначением против имён каждого годовых окладов, как получаемых ими теперь, так и следуемых им по настоящим их чинам. На 3^й же полк /^хмухаджиров Правительство со всеми довольствиями и жалованьем отпускает 24976 туманов 6 кран 10 <шай>, между тем как и из этого полка многие из чинов произведены в высшие чины, и по настоящим чинам следует добавлять к бюджету этого полка 3055 туманов. Значит, для уравнивания окладов по настоящим чинам потребуются прибавка к бюджету 13513 туманов 4 кран/

2) По настоящему бюджету бригады Правительство на фуражное довольство каждой лошади отпускает по 2 тумана в месяц, т. е. 24 тумана в год, между тем как уже несколько лет горький опыт показывает, что содержание лошади при самых благоприятных обстоятельствах обходится не менее 25–30 кран, а в нынешнем году доходит даже до 45 кран в месяц, и как предшественник мой, так и я принуждены были, конечно, с разрешения Вашего Высочества, держать в отпусках часть людей, дабы экономией из фуража отпускных пополнить недостаток по статье фуража. А потому покорнейше прошу Ваше Высочество, дабы к 2^м туманам, отпускаемым теперь на содержание каждой лошади, добавлено было, по крайней мере, по 5 кран на каждую лошадь в месяц (л. 17 об).

1 февраля²³. Приезд Куропаткина²⁴. Встреча бригады у караулки, затем – у Асп-Диванэ. Проезд через город. Представление во дворце Сепасалара²⁵. Вечером обед у Куропаткина. Азис-Султан²⁶. Церемониальный марш от Караул-хане. Куропаткин зорко следил за задней шеренгой – не только ли что нанятые это люди, как у гулямов²⁷?

2 февраля. Завтрак у Куропаткина. Обед у Бюцова: пошлость Куропаткина относительно сына Бюцова, 8^м летнего виртуоза²⁸.

3 февраля. Утром 10 лошадей от бригады под свиту Куропаткина. Торжественное представление Шаху верительных грамот. Мы проводили до ворот дворца. Вечер у Садр-Азама²⁹. Пошлость Куропаткина – в каждом слове, в каждом движении проявляется выскочка из мрәзи. Его слова: «Юный Император рассматривает Его Величество Шаха как соседа и старинного друга»³⁰ возмутили до глубины души всех присутствующих, особенно же Садр-Азама и Бюцова. Впечатление, произведённое как поведением Куропаткина, так равно и всей его свиты, было тяжкое, подавляющее. Назначением такого неподходящего Посла Новый Русский Император на первых же шагах дискредитировал себя (л. 18).

4 <февраля>. Суббота. Обед у меня³¹ – перепились (л. 21).

Список³²

чинам бригады, командированным в Решт на встречу Его Высокопревосходительства Господина Чрезвычайного Российско-Императорского Посла генерал-лейтенанта Куропаткина.

Офицеры:

Командир Конвоя *сарханг* Мамед-Багир Хан (полковник)

<2.> *Наиб* 2го ранга 1го полка принц Мамед Али-Мирза (поручик)

<3.> *Наиб* 2го ранга 2го полка Риза-Хан (который говорит по-русски) (поручик)

4. *Наиб* 2го ранга 3го полка Мамед Ага (Боюк Ага) (поручик)

Нижние чины:

1^й полк

Векиль раст Кахраман-хан

Векиль раст Али-Аскер-бек

Векиль раст Нур Мамед-бек

Векиль раст Ибадула-бек³³

Казак Ибрагим-бек Малик Мамед
Казак Ибрагим-бек Шафи
Казак Гусейн-бек Измаил-бек³⁴
Казак Гасан-бек³⁵
Казак Мехр Али-бек
10. Казак Мирза-Абуль-Касым
Казак Гулям-бек
Казак Мирза Абас³⁶
Казак Риза-хан
2^й полк
*Сарджуга*³⁷ Мамед-Багир-бек
Казак Ибад-Олла-Хан
Казак Гусейн-бек
Казак Араб Али-бек
Казак Ходжа Мурад-бек
Казак Орудж-бек
20. Казак Юсуф Али-бек
Казак Фарадж-бек Баба-бек
Казак Мирза Мамед Али
Казак Рашид-бек
Гвардейский эскадрон
Векиль баши Али Кока
Векиль баши Мамед-бек (л. 19)
Векиль раст Али Акбер-бек
Векиль баши Ганифе-бек
3^й полк
Сарджуга Садык-бек
Сарджуга Джафар-бек
30. *Сарджуга* Мамед Таги-бек
Сарджуга Гусейн-Ага
Казак Абас Кули-Ага
Казак Али Аскер-бек
Казак Шейх-Али-бек
Казак Ибрагим Ага
Казак Мамед-Багир-бек
Казак Гедает-бек³⁸
Казак Али-Акбар-бек
Казак Мамед Али-бек
40. Казак Мустафи-Кули-бек

Список

Состоящих на ординарческой службе при Его Высочайшему Императорскому Послу Господине генерал-лейтенанте Куропаткине в Тегеране:

Офицеры:

Начальник команды *наиб-сарханг* Ага-бек (подполковник)

Гвардейского эскадрона *наиб* 1го ранга Измаил-бек (штабс-капитан)

Гвардейского эскадрона *наиб* 1го ранга Паша-Ага (штабс-капитан)

2го полка *наиб* 2 ранга Гусейн-хан (поручик)

Нижние чины:

Гвардейского эскадрона:

Векиль баши Назар Али-бек

Векиль раст Гусейн-хан

Векиль чап Мугб³⁹ Али-бек

Векиль чап Самад-бек

2^й полк:

Векиль баши 2го эскадрона Шир Али-бек (л. 19об.)

3^й Полк:

Векиль раст 1го эскадрона Абуль Касым-бек

Сарджуга 1го эскадрона Гасан⁴⁰ Ага

Сарджуга 1го эскадрона Шафи-хан

Пеших казаков:

1^й полк 1го эскадрона Гасан-бек Касым

2^й полк 1го эскадрона Казым-бек⁴¹ Надр Али

7го февраля 1895 г.

Начальник Штаба Казачьей Его Величества Шаха бригады *мир-пяндж* (генерал 1го класса) Мартирос-хан Давыд-хан.

Командир Гвардейского эскадрона Казачьей Его Величества Шаха бригады *сартин доюм* (генерал 2го класса) Мамед-Багир-хан.

Командир Конно-Казачьей артиллерийской батареи *сартин доюм* (генерал 2го класса) Мамед-хан.

Командир 1го эскадрона 1го Казачьего полка Его Величества Шаха *сарханг* (полковник) Гулям Риза-хан (л. 20).

Генерал-адъютант Его Высочества принца Наиба-эс-Сальтанэ, Военного Министра, Амир Туман Абас-Кули-хан Ихтимад⁴² Низам⁴³.

Австрийский инструктор *сартин доюм* (генерал 2го класса) Мотес (л. 20об.).

7 <февраля>. Телеграмма об аттестации ротмистра Бельгарда.

8 <февраля>. Аттестация и мой рапорт генералу Зеленому №4. Обед у министра юстиции (л. 21).

/Мальчишка бросил мне в лицо палку – я в *андерун* Садр-Азама... Наконец, разыскали отца мальчика (мастера у Балока), который нашёл сына; Али Акпер⁴⁴ отодрал его – будет помнить приезд русского генерала и русского полковника (л. 21)./

9 <февраля>. Четверг. Смотр⁴⁵. Завтрак. Шифрованная телеграмма. Брань Тютрюмова. Вечером обед у английского Посланника <...> (л. 21).

10 <февраля>. Пятница. Разговор с Куропаткиным о моих отношениях к Миссии, о военной агентуре и возможности похода в Астрабад⁴⁶ (л. 21).

10 <февраля>. Целый вечер говорил с Куропаткиным с глазу на глаз насчёт моего положения здесь, насчёт отношений Посланника к Бельгарду и ко мне и насчёт того, что Посланник провалил военную агентуру⁴⁷ (л. 27).

11 февраля. Суббота. Утром снаряжали <...> для обратного конвоирования генерала Куропаткина (л. 21).

/11 <февраля>. Обед у Посланника, на который не явились кавалергарды и Попов, так как нарезались у Сушкова и Орановского, у которых была и D'Arlôt. Я же с доктором Пясецким⁴⁸ ездил на Доушан-тепе⁴⁹ – осматривали дворец Шаха и зверинец⁵⁰ (л. 21об.)./

12 <февраля>. Раут у Посланника. Набросился на меня за то, что вздумал ходатайствовать о награждении русских офицеров, а равно Мартирос-хана и проч. Я жестоко обозлился⁵¹ (л. 21об.).

13 <февраля>. Утром Монтазем-эд-Доулэ⁵² – орден Медресе⁵³. Завтрак у Наиба-эс-Сальтанэ. Наиб-эс-Сальтанэ про меня Куропаткину, что я обелил его лицо⁵⁴. Смотр казармы⁵⁵. Максуд Векиль-эд-Доулэ. Проливной дождь. Мартирос-хана просили не приходить по случаю недостатка мест. Никому в Тегеране не разрешено надевать зелёных лент вплоть до отъезда из Тегерана генерала Куропаткина, ибо ему пожалована зелёная лента⁵⁶. /Садр-Азам подарил Попову⁵⁷ лошадь⁵⁸, которую пришлось экстренно отправить в Казвин с приказным Таманского полка и двумя нашими казаками при всём казённом снаряжении – попоны, недоуздки и проч. Вечером прощальный обед у Куропаткина. Посл<анник>, Бат<юшков>, Григ<орович>: держите русское знамя так же высоко, как до сих пор – настоящий русский военный представитель (л. 21об.).

14 <февраля>. Отъезд Куропаткина. Дипломаты хотели в каретах, я настоял – верхом⁵⁹. Прощание: Посланника обнял и поцеловал, мне – «отец-командир! Вы завоевали моё сердце»⁶⁰ (л. 21об.).

Примечания

¹ Генералов.

² Разговорная форма от «Мухаммад-хан» / «Мохаммад-хан». Его чин и должность см. ниже, л. 20.

³ Разговорная форма от «Мухаммад / Мохаммад-Бакер». Его чин и должность см. ниже, л. 20.

⁴ Мартирос-хан был важнейшей фигурой в Казачьей бригаде, немало способствовавшей проведению русских интересов в Персии. В январе 1906 г. в своём «Обзоре причин, вызвавших исключительность современного положения русских инструкторов в Тегеране», составленном по заданию Н.С. Ермолова, В.А. Косаговский даёт Мартирос-хану такую характеристику: «Со времени первого “Заведывающего обучением Персидской кавалерии” полковника Домантовича в течение 25-ти лет начальником Штаба Персидской казачьей бригады состоял некий Мартирос-хан. Происходя из наиболее уважаемых исфаганских (Ново-Джультинских) армян-заложников, он был определён в Москву в Лазаревский институт восточных языков, где окончил курс первым. Ныне Мартирос-хан – полный генерал, имеет Св. Станислава 1 ст. Благодарный за блестящее образование, данное ему Россией, Мартирос-хан, человек очень умный и опытный, был незаменим для целого ряда командиров бригады. Будучи по существу добрым человеком, Мартирос-хан по отношению к тем из них, которые относились к нему хорошо, был привязан всею душою. Положение Мартирос-хана было совершенно исключительное: мусульмане не любят и не доверяют армянам, поэтому армяне в Персии не могут встать слишком близко – ни к народу, ни к войску, ни к престолу. Допустив даже со стороны Мартирос-хана злую волю, он никогда не мог бы сделаться опасным по своему влиянию на бригаду, сложившемуся за многолетнее его пребывание в ней. Мартирос-хан держался командирами бригады – и только. Его, как персидско-подданного армянина, Персидское правительство в любой момент, да ещё и в те времена, могло стереть с лица земли. А мусульмане, как бы они лично его ни уважали, всегда видели в нём всё-таки армянина – не больше. И если бывший Атабек (Амин-эс-Султан) и сам Шах сравнительно и благоволили к Мартирос-хану, осыпая его знаками отличий и крупными материальными наградами за его недюжинные услуги, то главным образом потому, что сами они хорошо относились к русскому командиру бригады, т.е., так сказать, рефлексом. Положение командира бригады до 1903 года было настолько высоко, что о каком бы то ни было соперничестве не могло быть и речи. Сам Мартирос-хан понимал это более, чем кто бы то ни было другой, и всеми своими помыслами держался за русских командиров бригады: через Мартирос-хана нам всё было известно, во всём мы были предупреждены, всегда могли принимать своевременные меры. И обратно, замыслы командиров бригады для персов в большинстве случаев оставались непроницаемыми. В 1903 году полковник Чернозубов в день своего вступления в командование бригадою отстранил Мартирос-хана и назначил вместо него начальником Штаба бригады принца Аман-Олла-Мирзу, одного из персидских генералов, служивших в бригаде» (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 321. Л. 18–19). Далее Косаговский выражает удивление, что Мартирос-хан, на которого опирались все командиры бригады, начиная с 1878 г., в 1903 г. вдруг стал очень опасным, при том что было достаточно только слова командира бригады, и его уничтожили бы – что и доказал Чернозубов. Теперь же ситуация поменялась: персидское правительство знает много, а русские – мало. Косаговский пишет о том, что Мартирос-хан умел гасить ан-

тироссийские слухи и настроения, что особенно пригодились бы в 1905–1906 гг., когда в Персию активно проникали слухи о бунтах в русских войсках (Там же. Л. 22–24). Мартирос-хан умер 11 декабря 1905 г. (АВ ИВР РАН. Ф. 30. Оп. 1. Ед. хр. 43. Л. 33).

⁵ *Мир-пандж* Татос-хан Бегумов был фуражиром Казачьей бригады и одним из близких помощников В.А. Косаговского. Последний состоял с ним в переписке и после своего отъезда из Персии. Сыновья Татос-хана, Даниэль и Леон, также служили в Бригаде.

⁶ Возможно, имеется в виду письмоводитель 2-го полка мирза Шукрулла-хан, находившийся на службе в Бригаде с 15 ноября 1879 г. (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 172. Л. 1).

⁷ Рапорт представляет собой черновой вариант приведённого ниже рапорта на персидском языке. Можно ожидать, что чистового варианта этого документа не существует, так как он носит рабочий характер, и основным здесь является персидский вариант, подготовленный на основе этого черновика Мартирос-ханом.

⁸ Полный перевод рапорта:

«Конная казачья бригада. Его Императорскому Высочеству, Августейшему, Могущественному и Благочестивейшему, да будет жизнь наша жертвой за него. Номер 2. Дня 21-го месяца раджаба года 1312. Тегеран.

Его Милости Его Благоднейшему, Счастливейшему и Высочайшему из Высоких Высочеству, Высокопочтимейшему из шахиншахских отпрысков, господину Наibu ас-Салтане (= Наместник власти), Великому Амиру и Военному Министру, да будет жизнь наша жертвой за него, имею доложить <следующее>.

Ввиду того, что прибытие во Дворец Царства Тегеран Его Превосходительства Чрезвычайного Посла <нрзб> Государства Российского весьма приблизилось, имею честь просить у Вашей Милости Вашего Благоднейшего, Счастливейшего и Высочайшего из Высоких Высочества издать собственноручный благословенный и благородный указ о том, какие из военных частей гарнизона Дворца Царства будут назначены для выполнения нижеследующих пунктов надлежащего дипломатического протокола и военных почестей в отношении вышеупомянутого Посла:

Пункт 1. Почётный караул

Пункт 2. Караул при входе в резиденцию Посла

Пункт 3. Внутренний караул в резиденции и апартаментах Посла

Пункт 4. Ординарцы и посыльные

Пункт 5. Конная часть для сопровождения Посла во время его перемещений по городу

Пункт 6. Две деревянные караульные будки у дверей отведённых Послу апартаментов

Пункт 7. Военный оркестр, долженствующий сопровождать Почётный караул

Командующий бригадой, полковник Косаговский»

⁹ Валиахд / Валиахд – титул, который традиционно носил наследник престола, утверждаемый, согласно Туркманчайскому мирному договору 1828 г., Россией. В ту пору его носил второй сын Насер ад-Дин-шаха Музаффар ад-Дин, занимавший, как это было принято, пост губернатора Азербайджана с резиденцией в Табризе (см., например: Всеподданнейший отчёт Генерал-Лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения ВЫСОЧАЙШЕ возложенного на него чрезвычайного поручения // Добавления к Сборнику материалов по Азии. № 6. СПб., 1902. С. 20-21; Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. Очерки в рассказах Мисль-Рустема. СПб., 1897. С. 66-67).

¹⁰ Аманулла / Аманаллах-мирза (امان الله ميرزا) (1869–1912) был сыном Джахангир-мирзы и внуком Сайфуллы-мирзы, 42-го сына Фатх-‘Али-шаха Каджара. Окончил пехотное отделение академии «Дар ал-фунун» и поступил офицером в Казачью бригаду. С 1883 по 1886 г. работал переводчиком русского языка в Управлении печати (*Эдаре-йе энтеба‘ат*) и Управлении переводов (*Дар ат-тарджуме*). В 1906 г. был отчислен из Бригады. С 1909 г. состоял на должности главнокомандующего армией Азербайджана (*Бамдад М. Шарх-е хол-е реджал-е Иран дар карн-е 12 ва 13 ва 14-е хеджри*. Т. 1. С. 164-165). В 1906 г. В.А. Косаговский даёт ему такую характеристику: «Аман-Олла-Мирза обладает блестящей наружностью, говорит по-французски, понатёрся в Европе, очаровал бывшего посланника господина Власова и полковника Чернозубова. Аман-Олла-Мирза родом Каджар – синоним вероломства (ныне царствующая в Персии династия из племени Каджаров считается узурпаторами, так как законными царями признаются только сейиды – потомки пророка Магомета), племянник теперешнего Атабека, а следовательно и военного министра, родного брата Атабека, и двоюродный брат того са-

мого 25-летнего Амир-хана Сардара, которому, по донесению полковника Чернозубова, Атабек намеревается подчинить Казачью бригаду, и в то же время внук Шаха» (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 321. Л. 20).

¹¹ Г.С. Гейзлер был телеграфистом Российской Миссии в Тегеране и числился по почтово-телеграфному ведомству. По словам С.В. Чиркина, прибывшего в Тегеран в 1903 г., на тот момент Гейзлер находился в Персии уже более 30 лет, в течение которых ни разу не выезжал в Россию (наш автор говорит о 17 годах на 1895 г. – см. «19 февраля»). Прозвище «сартип» («генерал») закрепилось за ним, видимо, из-за манеры одеваться на военный лад – французы и бельгийцы иногда называли его «*mon general*» (Чиркин С.В. Двадцать лет службы на Востоке: Записки царского дипломата. М., 2006. С. 62-63). Ввиду сказанного прозвище Гейзлера, не будучи его подлинным званием, пишется в нашем издании с прописной буквы (как это иногда делал автор «Дневника») и заключается в кавычки.

¹² Род карточной игры.

¹³ Судя по всему, записки на л. 18об. относятся именно к январю.

¹⁴ Куропаткин в числе «представителей Персидского правительства», явившихся к нему на яхту в Раште, называет состоящего на персидской службе бельгийского доктора Мореля (Куропаткин А.Н. Отчёт. С. 2).

¹⁵ То есть «шахский парадный приём». Описание см., например: *Мисль-Рустем*. С. 74-80.

¹⁶ Директор Английского банка в Тегеране.

¹⁷ Перевод телеграммы: «Из Казвина в Телеграфное Агентство высокого государства Иран.

Номер 24. Количество слов 25.

Амиру амиров войска полковнику командующему бригадой Его высокопревосходительство Посол в понедельник выезжают в час по полудни в среду придут

Мухаммад-Бакер /печатать 13 отделения тегеранского телеграфа/

Числа 15 месяца ша'бана года 1312/11 февраля 1895 г. (т.е. 30 января по старому стилю. – Б.Н.).

Телеграмма записана на стандартном телеграфном бланке, в верхней части которого расположен государственный герб – лев с мечом в правой лапе и солнце в дубовых и оливковых ветках. Официальный перевод на русский язык написан простым карандашом.

¹⁸ Искажённое от *зи хиджжа*, *зу-л-хиджжа* (последний месяц мусульманского лунного календаря).

¹⁹ Текст на л. 14 представляет собой текст телеграммы, писанный каллиграфическим почерком, не принадлежащим автору Дневника. Последний только подписал этот документ.

²⁰ Видимо, речь идёт об осмотре зверинца (см.: 11 февраля, л. 21об.).

²¹ Текст писан почерком, не похожим на почерк автора Дневника.

²² Черновой текст настоящего рапорта писан рукой Мартирос-хана.

²³ Л. 21: **1 февраля. Среда. Приезд Куропаткина. Встреча.**

²⁴ Над этими словами имеется приписка «и бригада в порядке, и лошадь прекр<асна> – потому что сам к<оманди>р молодец».

²⁵ В тексте *Саахесаляра*.

²⁶ Гулам-Али-хан Азиз ас-Султан (род. ок. 1879 г. – ум. 1939 г.) был племянником одной из любимых жён Насер ад-Дин-шаха, Амин-е Акдас Гаруси. Имел прозвище «Малиджак» или «Малиджак-е доввом», т.е. «Малиджак Второй» (его отец, Мирза Мухаммад-хан Амин-е Хакан, имел прозвище «Малиджак-е аваль», т.е. «Малиджак Первый», а его младший брат, Гулам-Хусейн-хан, — «Малиджак-е севвом», т.е. «Малиджак Третий»). Прозвище происходит от слова *малич* (по-курдски «воробей») – именно так в присутствии шаха мальчик называл воробья (по-персидски *гонджешик*). Шах любил Азиз ас-Султана больше собственных детей (например, на шахских приёмах он занимал место перед Наибом ас-Салтане) и выдал за него свою дочь Ахтар ад-Доуле. Подобное предпочтение шаха и избалованность Азиз ас-Султана (с десятилетнего возраста носившего звание *сартипа*, т.е. генерала) вызывали всеобщую ненависть к последнему, поэтому, как и следовало ожидать, после убийства Насер ад-Дин-шаха в 1896 г. он потерял все свои преимущества и умер в бедности (подробнее см.: *Бамдад*, 3. С. 20-50; *Мисль-Рустем*. С. 62).

А.Н. Куропаткин даёт ему такую характеристику: «Представился и 17-летний любимец Шаха, его зять, Азис-султан. Вчера (т.е. 1 февраля. – Б.Н.) за обедом он говорил мало, заикался и имел довольно глупый вид. Приносил показать свои ружья. Хотел показать и свою лошадь на охоте. Сегодня в мун-

дире генерала, весь усыпанный алмазами. Он сказал несколько в<есьма> неглупых вещей. Так, узнав, что большинство моих крестов получены за военные отличия, он высказался, что надеется таких не иметь, ибо получить их можно только на войне, а война – бедствие. Сказал также о великом миротворце нашем, покойном Государе, что он дал пример, которому должны следовать все государи. Вероятно, мальчик выучил эти мысли, но если они его собственные, то он содержательнее, чем представляется по наружности» (РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Ед. хр. 1850. Л. 58–59). В опубликованном Отчёте А.Н. Куропаткин только констатирует факт визита к нему Азиз ас-султана (*Куропаткин А.Н.* Отчёт. С. 8).

²⁷ Сам Куропаткин описал это так: «Сегодня состоялся весьма торжественный въезд нашего посольства в Тегеран. Весь церемониал, изложенный письменно, был выполнен, и кроме войск, назначенных на церемониале, Шах выслал навстречу мне свою любимую, отборную действительно, Казачью бригаду с батареей. Пропустил её церемониальным маршем. Прошли хорошо. Масса отличных лошадей. Люди сидят браво. Командир бригады полковник Генерального Штаба Косаговский, молодец. Огромного роста, красавец. Несколько русских офицеров хорошо, кажется, <нрзб>. Урядники тоже. Поручик Орановский, командир батареи, весьма лихо провёл её мимо нас карьером. <...> Начальства персидского масса. Много генералов. Капельмейстер и переводчик, тоже генералы. Почётные войска <нрзб> особенно какая-то дворцовая гвардия в серых мундирах с глупыми касками на головах имели шутовской вид» (РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Ед. хр. 1850. Л. 53об.–54об. Ср.: *Куропаткин А.Н.* Отчёт. С. 7).

²⁸ Сам Куропаткин сделал под 2 февраля следующую запись: «Всё утро с 11 часов представлялись разные персидские власти и сановники. Говорились нужные и ненужные вещи. Представился и 17-летний любимец Шаха его зять, Азиз-султан... [эту часть текста см. примеч. 27. – *Б.Н.*] Нашим старшим дворецким служил двоюродный брат Шаха. Скромный. Садим его с нами за стол. Прибавлю для характеристики, что вчера за обедом за стол с нами уселся по приглашению *михмондара* придворный капельмейстер в затасканной форме, француз, чином генерал персидской службы. Просим, чтобы впредь к столу лица допускались только с моего ведома. Сейчас еду к Бюцову составлять проект речи к Шаху на завтра. Затем будем обедать у Бюцова» (РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Ед. хр. 1850. Л. 58–60. Ср.: *Куропаткин А.Н.* Отчёт. С. 8).

²⁹ До этого Куропаткин провёл официальные встречи с принцами Наибом ас-Салтане и Музаффар ад-Дином, состоявшиеся по окончании аудиенции у шаха. О приёме Куропаткин пишет следующее: «Вечером обедали у Садразама. Роскошно выстроенный в отдельном доме. Построен два-три года тому назад. Родственником Садразама. Отец его был тоже Садразамом. Дед был лакей Шаха. Богач. Кажется, у него на откупе у Шаха все таможни. Военный министр говорил своему папе, что Садразам его обманывает и что он может приискать лицо, которое даст вдвое.

Приглашены все русские члены миссии, все офицеры бригады. Все персидские сановники, имеющие русские ордена. Очень представительное собрание. 50-60 приглашённых. Роскошно сервированный обед. Масса блюд, хорошие вина. Хорошая музыка (Казачьей бригады). При луне и пр. всё производило внешнее сильное впечатление. Прибавлю, что речь на французском языке не прекращалась.

Но тут же прорывалась и Персия во всей её неприглядной действительности.

Садразам посадил меня с правой стороны себя, а с левой – Бюцова. Против сидел брат Шаха, жалкая маленькая фигурка в потасканном платье с испуганными глазами, подозрительная и злая, но не глупая. Этот брат Шаха, кажется, два-три года тому назад написал нашему Государю письмо, в котором просил защитить его от брата, указывал, что он почти голодает. Несколько далее сидел юноша Азис Султан, любимец, фаворит Шаха. Тоже в ленте. Не ел, а жрал подаваемые ему блюда.

Во время обеда я успел поговорить с Садразамом. Добился обещания принять меры к исправлению Мешедской (Мешхедской. – *Б.Н.*) дороги. Садразам сказал коротенькую речь. О дружбе России и Персии. О высоком покровительстве России. О том, что моя миссия – новый знак расположения России. Провозгласил здоровье Государя. Речь по-персидски переводилась по-французски. Крикнул ура. Музыка играла “Боже, царя храни”.

Ответил, симпровизировав две коротеньких речи: одну за здоровье Шаха, другую, после тоста за моё здоровье, за здоровье Садразама. Говорил, что в письме, мною привезённом, наш Государь называет Шаха своим другом и добрым соседом. <...> 50 лет мирного царствования. Дай Бог ещё много лет царствовать ко благу своих подданных и на поддержание дружбы с Персией. <...>. О Садразаме

сказал: Здоровье верного слуги своего государя, здоровье точного исполнителя всех предначертаний Его Величества Шаха. Здоровье патриота своей родины. Здоровье человека, так много сделавшего к поддержанию и скреплению дружественных отношений Персии к России. Здоровье нашего благодушного хозяина, Его Светлости Садразама. Затем было выпито здоровье Бюцова, Садразама и здоровье брата Шаха много» (РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Ед. хр. 1850. Л. 67об.–70. Ср.: *Куропаткин А.Н.* Отчёт. С. 11-12).

³⁰ Согласно «Всепопданейшему отчёту», Куропаткин встречался с Императором 23 декабря 1894 г., а по его дневниковым записям – 10 января. Николай II велел Куропаткину «передать Шаху поклон и заявить ему, что ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО предполагаете по прежнему поддерживать дружественные отношения с Персиею, но что сохранение таковых отношений будет зависеть от действий самого Шаха» (*Куропаткин А.Н.* Отчёт. С. 1). В своём «Дневнике» Куропаткин отмечает, что Император велел ему поблагодарить Насер ад-Дин-шаха за внимание, выказанное им во время болезни и после кончины Александра III, а также предоставил ему возможность самому решать, о чём говорить (РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Ед. хр. 1848. Л. 70об.–72об.). Вероятно, слова, вызвавшие всеобщее негодование, попадают в последнюю категорию. В своей ответной речи шах, в частности, заметил, что «помнит его, Никола. Он держал его ещё маленького на руках» (РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Ед. хр. 1848. Л. 73об.). Эти слова, разумеется, во «Всепопданейший отчёт» не попали (см.: *Куропаткин.* Отчёт. С. 9). Более того, нет этого и в другом «Дневнике» Куропаткина, более подробно освещающем его визит в Персию. Здесь, между прочим, Куропаткин отмечает, что речь его была приготовлена накануне, 2 февраля, совместно с посланником Бюцовым (РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Ед. хр. 1850. Л. 60–62). При этом на приёме у Садра-Азама Куропаткин говорит, что эти слова имеются в письме Императора, привезённом им для шаха (РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Ед. хр. 1850. Л. 69об. Ср.: *Куропаткин А.Н.* Отчёт. С. 12).

³¹ В своём «Дневнике» Куропаткин относит это событие к периоду с 5 по 8 февраля (РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Ед. хр. 1850. Л. 74).

³² Текст писан рукой Мартирос-хана. Имеются приписки простым карандашом, сделанные В.А. Косаговым.

³³ Напротив этих четырёх имён имеется приписка почерком В. А. Косаговского *П.П. Артамонов – про персидских иомудов.*

³⁴ Точнее – Хусейн-бек Исма‘ил-бек (حسين بيك اسماعيل بيك).

³⁵ Точнее – Хасан-бек (حسن بيك).

³⁶ Имя пишется с двумя «б» – Аббас / ‘Аббас (عباس).

³⁷ Сверху почерком В.А. Косаговского простым карандашом приписано *Ефрейтор.*

³⁸ Хидайат / Хедайат-бек (هدایت بيك).

³⁹ Скорее всего, имеется в виду «Муhibб».

⁴⁰ Хасан (حسن).

⁴¹ Казим / Казем-бек (كاظم بيك). Не путать с Касым / Касим (قاسم بيك).

⁴² Искажённое от *И‘тимад* (اعتماد).

⁴³ Далее карандашом рукой В. А. Косаговского приписано (*окончил в Сан-Суре*).

⁴⁴ Акбар (اکبر).

⁴⁵ В своём «Дневнике» Куропаткин освещает это событие гораздо подробнее, чем во «Всепопданейшем отчёте»: «По приказанию шаха сегодня мне на смотр был выведен весь Тегеранский гарнизон. Меня встретил по прибытию верхом сам Шах, Наибуc Салтане, он же и военный министр. После приветствия я просил его считать меня в своей свите и дать возможность видеть войска. Он ответил, что сегодня я старший, и что мне будут отдаваться все почести. Действительно, подъехал ко мне с рапортом и затем рядом с сыном Шаха мы начали объезд.

Войска стояли на 4-х фасах большой площади. Было выставлено: 7 полков пехоты, 2 батареи пеших, одна горная, милиция, дворцовая стража конная и пешая, бригада казаков с батареею. Общее количество войск было внушительным. Одеты порядочно. Формы самые разнообразные. Есть большинство красивых мундиров, есть серые (полк *махсус* с глупыми касками), синяя, черная. Наружный вид солдат и выправка плохи, но материал <нрзб> хорош. Офицеры очень плохи. Вооружено довольно хорошо, большей частью Верндля, скорострельные. Состав полков большей частью батальоны. По 4 роты в батальоне слабого состава от 60-75 человек в каждой. Почти в каждом полку – хор музыки, но плохой. Когда я прибыл, музыка всюду играла “Боже, царя храни”.

При объезде частей войска Наибус-Салтане называл каждую часть, а командиры её салютовали. Все войска при объезде держали на караул, по-нашему. В строю масса отличных лошадей. Большей частью ротные командиры сидели верхом. Войска были выстроены и выравнены хорошо. Наиболее хорошим был из пехоты в Гвардейском полку, где нам показывали казармы и особенно в личной гвардии Шаха (одна рота). Из конницы хороший вид в Казачьей бригаде, из артиллерии – в Конной батарее. Отлично тоже по наружному виду и прекрасным лошадям выглядели: гулямы Шаха, несколько сот человек, и милиция шахсевенская и луристанская.

Лучше всех прошла церемониальным маршем гвардейская рота: молодцы и завидная выправка. Порядочно шли гвардейский полк, казармы которого мы осматривали, полк *махсус* (внизу под (х): «*махсус*» в переводе: «особенный, специальный, собственный (Шаха)»), полк Мунтазимуд-Доуле. Шли, в общем, плохо, без выправки, частью не в ногу, одни махали руками, другие нет. Хороши <й> большой шаг. Интервалы правильные. Пехотные командиры сидели на конях разнообразно. Некоторые держали ноги слишком вперед. При первой роте вторых батальон несли знамена, чаще их вёз конный.

Артиллерии проходило три батареи: одна медная нарезная, заряжаемая с казны, одна медная нарезная, заряжаемая с дула, одна горная на вьюках. Батареи съезжены и выучены не достаточно. Вьючка горной батареи не хорошо соображена. Орудия лежат поперёк спины мулов.

Наибус Салтане уклонился от учения пехоты, прося ограничиться объездом и церемониальным маршем.

Затем училась бригада с конной артиллерией. Училась шаблонно, но довольно лихо. Разница с нашими учениями получалась лишь потому, что в Персидской бригаде <нрзб> сотни и большое число знамён, значков. Переменив направление, перестроения, атаки, слушали голос, сигналы и знаки саблею хорошо. Батарея выносилась лихо, и тотчас же без всякой прицелки давали залпы. <...>. Церемониальным маршем прошли хорошо. Заезжали Коссаговский, Орановский и русские офицеры молодцами.

Смотрели казармы, но лишь <нрзб>. Пили чай.

Наибус Сальтане передал: Офицеры слабы. Мундир. Одежда слишком разнообразна. Каски глупы. Калибры артиллерии разнообразны. Из гулямов надо половину начать обучать строю. В общем похвалил» (РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Ед. хр. 1850. Л. 88–92. Ср.: Куропаткин А.Н. Отчёт. С. 16–17).

⁴⁶ В соответствии с отчётом Куропаткина, на 10 февраля был назначен торжественный завтрак у Наиб ас-Салтане, который по инициативе генерала был отложен в связи со смертью *худжжат али-ислама* (Куропаткин А.Н. Отчёт. С. 17).

⁴⁷ Из содержания беседы Куропаткин упоминает только рассказ Косаговского о волнениях в Тегеране, последовавших вслед за отменой табачной монополии. По его мнению, эти сведения нуждаются в проверке (РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Ед. хр. 1850. Л. 107об.–108об.).

⁴⁸ Коллежский советник Павел Яковлевич Пясецкий (1846 – после 1919) – выпускник медицинского факультета Московского университета 1866 г. С 1872 по 1883 г. служил военным врачом. В 1874–1875 гг. принял участие в экспедиции капитана Ю.А. Сосновского в Китай, где собрал огромный этнографический материал, а также значительные ботанические и зоологические коллекции. Его отчёт об экспедиции был переведён на основные европейские языки. После отставки много путешествовал – в том числе, входил в состав чрезвычайного посольства А.Н. Куропаткина в Тегеран (см.: Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 года: Библиографический словарь. М., 2005. С. 199–200; Куропаткин А.Н. Отчёт. С. 1).

⁴⁹ Доушан-тепе (دوشان تپه) – район, располагавшийся к востоку от старого Тегерана и ограниченный Куха-йе се пайе и Каср-е Фирузе. По преданию, в этой местности водилось множество зайцев (тюрк. *даушан*), в связи с чем она и получила своё наименование «Заячий холм». Здесь расположены месторождения железа и свинца. В 1852–1853 г. по приказу Насер ад-Дин-шаха на холме был разбит сад. Впоследствии был построен дворец. В Даушан-тепе проводились скачки, здесь любил охотиться шах. Позднее там располагался военный аэродром. Такое же название носили ворота в Тегеране (располагавшиеся на «юго-восточной» линии тегеранских ворот), через которые шла дорога в эту местность (Даушан-тепе // *Деххудо*, 'Али Акбар. Лугат-наме / Ревайат-е севвом. Энтешарат-е Данешгах-е Техран, 2006 (CD version); *Шахиди-Мазандарани* Х. Саргозашт-е Техран. Тегеран, 1383/2004. С. 212, 306–319).

⁵⁰ Согласно отчёту Куропаткина, на 11 февраля была запланирована соколиная охота и завтрак в загородном дворце шаха по приглашению 'Азиз-Султана, любимого зятя верховного правителя. Однако в связи с кончиной известного *худжжат ал-ислама* из Самарры российский посол решил отложить этот и другие визиты и торжества. (Куропаткин А.Н. Отчёт. С. 17). Из сообщения Косаговского неясно, участвовал ли Куропаткин в увеселительных мероприятиях, однако несомненно, что всех остальных траур не коснулся.

⁵¹ По словам Куропаткина, 12 февраля предполагался торжественный обед у министра народного просвещения Амир-хана Сардара, от которого он отказался из-за траура по поводу смерти *худжжат ал-ислама* (Куропаткин А.Н. Отчёт. С. 17).

⁵² Мирза Карим-хан Арджуманди Фирузкухи Мунтазем ад-Доуле был правителем области Фирузкух. С 1886 г. занимал должность начальника военной школы «Насерийе» в Тегеране (поначалу в чине *сартин-е авваль*, а в 1890–1891 г. ему был присвоен чин *амир-е туман*) (Бамдад, 3. С. 175-176. В данном справочнике дата отставки с должности начальника школы «Насерийе» – 1310 г. х. – неверна, поскольку этот год соответствует 1892/1893 гг. н.э., а визит А.Н. Куропаткина во вверенную ему школу состоялся 6 февраля 1895 г.).

А.Н. Куропаткин сообщает, что Мунтазим ад-Доуле командовал тремя полками, а также, что он был человек «весьма симпатичный и добродушный, хотя и ограниченный. Жил семь лет в Европе, любит её и жалеет, что не там и теперь... Он не пользуется влиянием в правящих персидских сферах, но по своим качествам составляет приятное исключение Персии» (Куропаткин А.Н. Отчёт. С. 25).

⁵³ Имеется в виду золотой знак «За учёность» 2-й степени, датированный 29 ша'бана 1312/13 февраля 1895 г. (АВ ИВР РАН. Ф. 30. Оп. 1. Ед. хр. 44. Л. 93).

⁵⁴ Фраза представляет собой кальку с персидского выражения *ру-йе кяс-и ро сефид кярдан* (روی کسی را سفید کردن), «оправдывать ч-л. доверие / надежды». Здесь имеет значение «не подвели, спасли» (ср.: *ру-йе кяс-и ро сийах кярдан* (روی کسی را سیاه کردن), «не оправдать ч-л. доверия; опозорить»). Об этом Наиб ас-Салтане говорил Куропаткину 3 февраля во время их встречи после окончания аудиенции шаха (РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Ед. хр. 1850. Л. 66).

⁵⁵ А.Н. Куропаткин описывает это так: «Гвардейская Казарма полка в 500 человек. Все солдаты из Азербейджана. Наружный вид бравый, хотя у многих совсем не солдатский. Все сидели в конторках сводчатых по 20 человек в каждой. Тесно, но опрятно. Насчитал 380 человек в 6 ротах. Пространства достаточно лишь для одной роты. Ученье по тревоге. Вышли гуськом вокруг двора. Играли «Боже, царя храни». Показывали лазарет. Три больных. Везде чисто. Кухонь не показывали. Всё приновлено для наружного показа» (РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Ед. хр. 1850. Л. 75об.–76. См. и ср.: Куропаткин А.Н. Отчёт. С. 13).

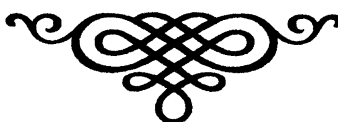
⁵⁶ Лента ордена Льва и Солнца для иностранцев была зелёного цвета (Потрашков С.В. Ордена и медали стран мира. М., 2007. С. 158-159).

⁵⁷ Подъесаул Попов – личный адъютант Куропаткина (Куропаткин А.Н. Отчёт. С. 1).

⁵⁸ Куропаткин сообщает, что шах подарил ему прекрасного арабского скакуна (Куропаткин А.Н. Отчёт. С. 14). Об этом Косаговский ничего не пишет.

⁵⁹ См.: Куропаткин А.Н. Отчёт. С. 18-19.

⁶⁰ Надо сказать, что при всём своём скептическом отношении к генералу Куропаткину В.А. Косаговский считает его визит удачным для себя: «В феврале 1895 года приезжал в Тегеран, в качестве Чрезвычайного Посла, генерал Куропаткин. Персидская казачья бригада представилась ему в блестящем виде. Но важнее всего то, что генерал Куропаткин правильно оценил моё исключительное, неестественно тяжкое положение /¹при завистливо-враждебном отношении ко мне “Российской Императорской Миссии”/ и нравственно поддержал меня» (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 217. Л. 204).

С.В. Прожогина

РУССКАЯ АЛЖИРКА ИЗАБЕЛЛА ЭБЕРХАРДТ: С МЕЧТОЙ О БРАТСТВЕ

В конце 1990-х гг. Париж захлестнули волна беженцев из Северной Африки и Ближнего Востока, настроения растущего непонимания усиления культурной разности, конфессионального различия в обществе. В это время возникает и встречающая волна научных – и социологических, и политологических, и культурологических – исследований о неизбежности общественных процессов взаимодействия Востока и Запада, а также и острых, конфликтных ситуаций, нередко сопровождающихся вспышками и терроризма, и крайне-правых тенденций антиинтеграционного характера. Последние стали ярко заметны в Европе в целом в борьбе с «мультикультурализмом», а во Франции – особенно, где издавна, ещё со времен Французской революции 1789 г. права конфессиональных и других этно-национальных меньшинств были и остаются весьма ограниченными.

Но именно на фоне всего происходящего (а в Алжире в 1990-е гг. шла гражданская война, и алжирцев-эмигрантов в стране становилось всё больше) появляется объёмная (более тысячи страниц!), весьма впечатляющая литературная антология, созданная в духовном центре Парижа, в главном университете Франции, – в Сорбонне. Книга была составлена известным профессором Ги Дюга и названа им «Алжир. Мечта о Братстве»¹.

Эта книга вобрала в себя примеры творчества выдающихся французских и алжирских писателей, ратовавших ещё в колониальную эпоху и позже, в эпоху борьбы за национальную независимость Алжира, за диалог цивилизаций, за несомненность пользы усвоения лучших традиций разных национальных культур, за важность взаимопонимания и дружбы народов. Они выступали за то, чтобы на земле людей не было угнетения человека человеком, не было ко-

лонизаторов и колонизованных, за то, чтобы исчезли ненависть и недоверие к «чужому», чтобы в понятие «своё» влились концепты не присвоения или захвата, но усвоения и обретения полноты и цельности достижений «другого». Мечта о Братстве на примерах, собранных в антологии, как написано во введении, – это прежде всего обращение к современному поколению, послание «людей доброй воли» к тем, кому не безразличны мир и покой на Земле.

В книге много имён, известных всем, в том числе и нашему читателю. О них написано немало трудов зарубежных и отечественных исследователей колониальной и постколониальной литературы французов, живших в Алжире, а также алжирцев, ставших классиками новой национальной литературы, возникшей в стране в 40–50-х гг. XX века. Это и Эммануэль Роблес, и Жан Пеллегри, и Жюль Руа, и Робэр Рандо, и Абделькадер Фикри, и Мулуд Ферауи, и Жан Амруш, и Мулуд Маммери, и Мохаммед Диб². Но открывает книгу имя Изабеллы Эберхардт, чьи русские корни и русское гражданство, сохранявшееся на протяжении всей её жизни, делают особенно значимым Антологию, названную «Мечтой о Братстве».

Это имя в целом значимо не только для тех, кого интересует история литературы арабских стран, где в Магрибе возникло литературное франкоязычие. Ведь и Алжир, и Марокко, и Тунис долго были французскими колониями; Алжир, к примеру, с 1830 по 1962 год. Оно остаётся важным для всех, кому небезразличны проблемы возможности реальной «встречи» разных цивилизаций, компромисса «своего» и «чужого», желания выйти за пределы узко понятой культурной самодостаточности, самобытности, национальной самоидентификации, либо даже культурного превосходства. И особая от-

крытость к диалогу, ненависть к угнетению одного народа другим, щедрость души и способность (а по тем временам – даже и отвага) пробуждения к жизни тех, кого многие жившие в Алжире европейцы считали «автохтонами – дикарями», превратили имя Изабеллы Эберхардт в легенду, бывшую, однако, реальностью её короткой и мятежной жизни.

Она родилась 17 февраля 1877 г. в Женеве, где лечилась её мать, Натали Мордэ, вдова генерала русской армии, занимавшего важные посты в Российской империи. Изабелла – её дочь от второго, гражданского мужа, учителя её сыновей. Дочь при рождении была зарегистрирована на девичью фамилию матери, дабы избежать огласки отцовства простого «наставника» своих детей. Незаконнорожденность Изабеллы приведёт со временем к трудностям получения доли наследства генерала и его семьи, к финансовым и психологическим проблемам общения с братьями по матери.

Но пока Изабелла росла в этой семье, она получила прекрасное образование, ко-

торое дал ей именно её настоящий отец, сохранивший в семье русский язык и обучивший всех детей и французскому, и итальянскому, и немецкому, принятым в Швейцарии. При этом он не пускал дочь в школу, не очень доверяя «западной свободе» женщин, но разрешал ей прогулки по городу только в «мужском платье», переодетой в мальчика. Однако «простой семейный учитель» научил свою дочь и латыни, и греческому. Он даже прочитал вместе с ней Коран на классическом литературном арабском языке.

«Господин Трофимовский», как называли его в доме, настолько увлёкся мусульманской цивилизацией, что решил принять ислам. Этому ни мать, ни дочь не были удивлены, более того, Изабелла продолжала упорно заниматься арабским языком. А в 1888 г., когда девочке исполнилось одиннадцать, её старший брат по матери вступил во французский Иностранный легион и был направлен на военную службу в Алжир. С тех пор юная Изабелла ещё больше стала интересоваться Востоком. Но только в 20 лет, в 1897 г., когда её мать решила навесить сына в Алжире, она вместе с ней поехала в г. Аннабу, где тот служил.

Мать Изабеллы вскоре скончалась и была похоронена под арабским именем на мусульманском кладбище города – переправлять её тело в Швейцарию было очень дорого. Вскоре после смерти матери Изабелла, оставшаяся в Алжире, сама приняла, как и её отец, ислам. Она встала на сторону «местных жителей», сострадая им и поддерживая их сопротивление власти французов. Через два года в Женеве умер её отец. Служивший в Алжире брат, закончив воинскую карьеру, женился на француженке и уехал во Францию. Изабелла сочла, что она окончательно освободилась от семейных привязанностей (другой её брат покончил с собой ещё в Швейцарии). Вскоре она вышла замуж за алжирского солдата Слимана Эхни. Отныне она живёт в гуще арабского общества, пользуясь свободой, которую ей ещё с детства давала привычка носить мужское платье. Она одевается как бедуин, ска-

чет на лошади, посещает алжирскую глубинку, говорит только по-арабски и даже вступает в контакт с представителями тайного суфийского братства, которое активно помогает беднейшим слоям колонизованных алжирцев. Арабам было даже лестно, что европейская женщина называет себя Махмуд, они удивлялись её храбрости и неподдельной вере в их Священное писание...

Изабелла занималась журналистикой и писательством, сотрудничая с разными выходившими в то время в Алжире и издаваемыми европейцами газетами и «толстыми» журналами. Она публикует свои наблюдения, заметки о жизни страны, повести и новеллы. Они были не просто увлекательны и интересны для всех, порой они соответствовали уже возникавшим в колониальном обществе тенденциям отделения колониальной культуры от метрополии, где в то время царил дух шовинизма.

Однако небольшие заработки писательским талантом Изабеллы не позволяли её семье избавиться от нищеты, в которой жили алжирцы, в среде которых она в основном существовала и бедность с которыми разделяла. Глинобитная хижина, которую они вдвоем с мужем построили в местечке Аин-Сефра, внезапно была разрушена бурным наводнением: в 1904 г. здесь произошло редкое явление, когда растаял снег в горах и мутные воды забушевали в давно пересохшем русле местной реки. Изабелла погибла под балками своей хижины, и тело её унес стремительный поток... Муж сумел как-то чудом выбраться на берег, но прожил недолго и умер в 1907 г.

Короткая жизнь Изабеллы (всего 27 лет!) отмечена её неистовым энтузиазмом, презрением к опасности, ненавистью к национализму и шовинизму. Она преодолевала «границы дозволенного» в контексте колониализма, её творчество было сопряжено с искренностью души, сострадавшей угнетённым. Неслучайно именно эта фигура стала символом «Мечты о Братстве» и началом, как это отмечено в Антологии, процесса, который со временем приобрёл спе-

цифический характер в литературном франкоязычии Магриба в целом, а в литературе Алжира особенно – в его поэзии, прозе и драматургии, ставших неотъемлемой частью мирового литературного процесса.

Конечно, творчество Изабеллы Эберхардт, её сотрудничество с литературными кругами колониальной интеллигенции Алжира и связи со зревшим уже тогда в стране сопротивлением раздражали и возмущали колониальную администрацию. Об Изабелле и её странных нравах ходило немало слухов. Её часто преследовали, особенно когда она живописала ту нищету, в которой живут арабы и берберы в сельской местности, в горах. Но её призывы понять и помочь угнетённым поддерживали пусть тогда ещё немногие, но уже пополнявшие свои ряды «люди доброй воли» – те европейцы, жившие или родившиеся в Алжире, которые впоследствии встанут на сторону движения за предоставление независимости Алжиру. Особенно впечатляла повесть Изабеллы Эберхардт «Под игом» («Sous le joug»), напечатанная в 1902 г. в журнале «La grande France» («Большая Франция»), издававшемся в Алжире, столице страны, которую метрополия просто считала одним из своих «департаментов». Писательница разоблачала безжалостные нравы колонистов, не считавшихся с особым укладом жизни завоеванных народов, населявших Алжир, стараясь вызвать сострадание к участи угнетённых. Эта её повесть, как и другие рассказы и новеллы, опубликованные во франко-алжирском журнале «Акбар», стали откровением для многих французов, живших как в колонизованной ими стране, так и в самой метрополии.

Эти произведения оказались практически первыми художественными свидетельствами, исполненными реализма на грани с документалистикой, чем колониальная литература в целом не отличалась ранее, увлекаясь «экзотизмом» или романтизмом показа чего-то необычного, неведомого европейцам. Поэтому не удивительно, что колониальные власти пристально следили

за всеми передвижениями Эберхардт по Алжиру и за её публикациями, стремясь всячески порочить её жизнь и творчество. Но Изабелла, словно предчувствуя рождение новой и «смелой» литературы, открыто и бесстрашно встречала все вызовы своих недоброжелателей, часто оскорблявших её за брак с алжирцем, её принятие новой веры и даже требовавших высылки её из страны.

Но «люди доброй воли», последующие поколения алжирских деятелей культуры не забыли художественное наследие «русской алжирки», принявшей ислам и призывавшей к братству и взаимопониманию разных народов. Они, если использовать выражение известного алжирского писателя и публициста Жана Амруша (1906–1962), чья берберская семья была в своё время христианизирована, могли бы сказать, что руководствуются той формулой сосуществования европейцев, арабов, берберов и других народов в Алжире, где уравниваются зависимости французской и алжирской цивилизаций: «Алжир – это разум моей души, а Франция – душа моего разума».

Примечательным было и то, что новая литература Алжира, расцветшая уже в эпоху колониальную, начинала формулировать свои свидетельства о колониализме и доказательства самобытности и самостоятельности своей страны на языке французском. Ставший теперь классиком алжирской литературы Катеб Ясин (1929–1989), автор уникального романа «Неджма» (1954 г.), определил это другой формулой, утверждавшей возможность жизни как «выхваченного оружия из рук врага».

Но и сегодня, уже после вспышки гражданской войны в Алжире, боровшемся с нашествием исламского интегризма, вытеснявшего и истреблявшего «западное влияние» на арабов и берберов, отряд «людей доброй воли», стремящихся к взаимодействию, взаимопониманию и уважению разных народов и их культур, следует напутствию зачинателей движения к диалогу цивилизаций, протеста против угнетения и неравноправия, борцов за истинные Справедли-

вость, Равенство и Братство. Среди них одной из первых была «русская алжирка» Изабелла Эберхардт.

И сегодня во Франции, где снова обостряется негативное отношение к североафриканцам, прибывающим в страну (почти ежедневно по несколько сот человек, а за последние годы – до 1 миллиона!) есть и те, кто прекрасно понимает, что повседневная жизнь в смешанном обществе, поликультурном, полиэтническом, — это неизбежность процесса глобализации. Среди них живет дух Изабеллы Эберхардт, призывавшей лелеять «мечту о Братстве». Возможно, именно эта мечта, этот в те далекие времена её короткой жизни почти невозможный романтизм порыва её души, запечатлённой в публикуемых ниже новеллах, останется яркой вспышкой света надежды человечества сохранить «Землю людей» (как сказал бы Сент Экзюпери) в целостности в огромном и грозном океане нашей бушующей жизни.

Изабелла Эберхардт

ДРУГ*

Они служили в одном подразделении: Луи Ломбар – обозным солдатом и Дахман Бу Саид – стрелком. Жили по соседству. Они прибыли в Эль-Уэд почти в одно и то же время, и оба чувствовали себя здесь чужаками, жили тоскливо среди этих бескрайних горячих песков, уходящих куда-то за пылающий горизонт. Ломбару было особенно плохо – ведь он был горец из Юры... С тех пор как он попал на службу в армию и покинул Францию, он постоянно испытывал какой-то кошмар, который только усиливался по мере того, как окружающая его реальность становилась всё более странной и всё менее понятной ему. Он жил, словно в застывших декорациях песчаных дюн, окруживших единственный городок с

* L'ami, впервые опубликовано в «L'Akhbar» 7/VIII-1905.

тысячью серых куполов, испытывая тоску, близкую к отчаянию. Оно тяготило его душу бывшего крестьянина. А родина была так далеко, что казалась потерянной навсегда. И глаза его не видели вокруг ничего привычного, знакомого, и взгляд не мог отдохнуть на этом унылом, однообразном пейзаже... И обозному солдату приходилось словно брести по этой новой жизни, как в глухом лесу, и сердце его сжималось от боли и отчаяния. Он даже плакал иногда по ночам, думая о ферме, где вырос, о своих стариках-родителях, которых оставил.

Бу Саид родился на берегу моря, в Боне. Он тоже привык к зелени садов, раскинувшихся в долине у подножия гор. Его отец был довольно состоятельным землевладельцем и дал сыну начальное образование во франко-арабской школе при мечети. Но, повзрослев, Дахман Бу Саид стал искать приключений и покинул родительский дом, записавшись в армию. Однако и для него приказ служить в далеком городке посреди пустыни оказался тягостной ссылкой. Он тоже испытывал какое-то тревожное состояние души, словно пустыня давила и сжимала её...

Хотя он и был мусульманином, но люди, жившие на юге его страны, были совсем не те, что арабы, которые жили на её севере. И он, Бу Саид, их даже опасался. Особенно стрелков, которых знал по службе в армии. И он жил замкнуто, одиноко, не желая быть таким же беспощадным и жестоким, как его сослуживцы. Некоторых из них ему доводилось встречать ещё в детстве: они, мальчишками, были чистильщиками обуви в Боне или носильщиками...

И он сблизился с французом, обозным солдатом. Поначалу оба даже не разговаривали друг с другом. Но как-то вечером, когда Ломбар повел на водопой лошадь майора, та взбрыкнула и отбросила солдата, он упал на землю. Бу Саид увидел это и поспешил на помощь, укротив расквирепевшее животное.

Ломбар, высокий блондин, хотя ещё и совсем молодой, привык посматривать на окружающих его здесь людей искоса и с недоверием, хотя и был со всеми честен. Он взглянул на подоспевшего ему на помощь Бу Саида, на его орлиный профиль, на его почти чёрное от загара лицо, и тот вызвал у него симпатию.

– Спасибо, – сказал ему Луи. – Помоги мне отвести эту ненормальную лошадь в конюшню, – попросил он Бу Саида. Француз впервые обратился к арабу. Люди, говорившие на непонятном ему языке, непохожие на его соотечественников, носившие какие-то странные одежды, не только были чуждыми ему, но даже пугали его.

– Ты приехал из Франции? – спросил его Бу Саид, когда они шли рядом.

– Ну, конечно... А ты – отсюда родом?

– О нет! Я из Бона, из прекрасного края, где цветут деревья, где родники бьют прямо из гор... Не то, что здесь!

– Да уж. Проклятое место. Нет ничего хуже...

Ломбар не осознавал этого, но он испытал удовольствие, узнав, что Бу Саид был родом не из той ужасной местности, где они служили в армии. И это заставило его разговориться с арабом. И с тех пор, встречаясь, они болтали, хотя между ними и лежала пропасть, разделявшая два народа. Но вскоре они стали друзьями. Ведь Луи был тоже одинок и не водился со своими соотечественниками, служившими санитарями, вполне счастливыми и не мучившимися тоской по родине...

А те из французов, что родились в Алжире, вообще смеялись над ним, потому что у него был низкий солдатский статус, почти лакейский, как говорили они. А Луи не любил их местное арго, какой-то «циничный» французский, как казалось ему... И он предпочёл общество вполне серьезного и мыслящего парня, араба. Таким казался ему Бу Саид.

...Когда им нечего было делать, они встречались в маленькой комнате Лом-

бара; штопая своё поизносившееся бельё, расспрашивали друг друга о том, как жили раньше. Они пытались воссоздать в своих рассказах образ родных краёв, которые, быть может, и не увидят никогда больше... И утешали друг друга в своём житье-бытье «изгнанников», чужаков, пленников пустыни, повествованиями о вещах и людях, которых любили раньше...

Почти целый месяц Луи не осмеливался выйти за пределы военной крепости; узкие улочки городка, по которым ходили арабы, не казались ему надёжными. Да и куда бы он пошёл? Но вот однажды вечером Бу Саид, и сам уставший от их «заточения», предложил Луи показать ему городок. И они вышли на улицу. Поначалу Луи шёл за Бу Саидом оглядываясь, с опаской. Его ноги увязали в почти белом песке, таком мелком, что казалось, что его просеяли сквозь сито. Но постепенно он привыкал к местности, и кое-что даже вызывало у него любопытство. И хотя он умел только писать и читать, теперь оказалось, что его ум просыпался от долгой спячки...

По улицам, когда уже был поздний вечер и опускалась ночь, медленной походкой шли арабы, набросив на лоб капюшоны своих бурнусов, перебирая длинные чётки, висевшие на шее, шли, добираясь до своих таинственных домов с куполообразными крышами. Или присаживались за столики мавританских кофеен, или просто опускались на циновки, лежащие на полу. Кто-то из них обменялся коротким приветствием с Бу Саидом.

– Что он тебе сказал? – спросил заинтересованный Луи.

– Просто поприветствовал меня.

– Так ты знал его раньше?

– Нет. Просто в нашей религии так принято. Приветствовать друг друга, даже если мы незнакомы.

– Это хорошо. Вежливо. Но скажи, пожалуйста, а зачем женщины здесь закрывают лицо и почему вообще редко встречаются на улицах?

– Это не входит в привычки арабских женщин, часто выходить из дома. Но если ты хочешь видеть лица арабов, я могу тебе показать их. Пойдём! Эх, если бы можно было оказаться в Телле, там ты бы смог увидеть настоящих красоток!

– А где этот Телль?

– Это на севере. Там, куда ты прибыл на своём корабле, когда пересёк море...

– Да, это было бы шикарно!

Ночь уже совсем окутала городок, и он опустел. Ломбар и Бу Саид вышли на песчаную дорогу, ведущую к Туггурту. Они дошли до дома где-то на юго-западной окраине городка, почти на границе с пустыней. Двери его были открыты, внутри всё гудело от шума. Там на лавках сидели стрелки, они выпивали и спорили. Взгляд солдата остановился на каких-то странных фигурах, закутанных, словно призраки, в белые покрывала, но с открытыми, тёмными от загара татуированными лицами. Кто-то из них выпивал вместе со стрелками, а другие танцевали, смешно подрагивая всем телом...

Одна из них сидела на полу «по-турецки», била в барабан и пела глубоким, низким голосом какую-то жалобную монотонную песню, печаль которой совсем не совпадала с атмосферой, царившей в этом доме...

– Они не очень-то красивы, эти женщины, – сказал Бу Саид. – Но что делать? Других здесь нет. А встретиться с кем-то, не имея друзей в городе, невозможно...

Одна из танцовщиц, покачивая бедрами, обернутыми чем-то красным, подошла и села рядом с Луи Ломбаром. Взяла его за руку. Она заговорила на смеси арабского и французского, Луи едва понимал её. От её одежды исходил сильный запах каких-то духов, чем-то напоминающих запах корицы, смешанной с мускусом. Луи смотрел на неё с любопытством и одновременно со страхом, будто перед ним было какое-то человеческое существо непонятного

вида. Однако к этому ощущению при­мешивалось и чувственное притяжение к женщине... Ломбар и Бу Саид много выпили в тот вечер и надолго задержа­лись в этом заведении, называвшемся «Таверной Бен диф Аллаха»...

Иногда Ломбар и Бу Саид приходи­ли отдохнуть и полежать на песке, чистом и мягком, как ковер, на вершину большой серой дюны, которая возвы­шалась над Эль-Уэдом. Оттуда открывался вид на бесконечную дорогу в пустыне и печальные маленькие горо­дишки, расположенные вокруг Эль-Уэда, где бродили среди руин чёрные козы, да виднелись купола крыш оста­вшихся там домов.

С вершины дюны можно было ви­деть и причудливую игру солнечных лучей на песке, и вереницы женщин, возвращавшихся с водой от источника, согнувшихся под тяжестью кожаных вёдер, которые они несли на голове, несмотря на старания не потерять гра­циозность. У некоторых были и глиня­ные кувшины.

...Однажды Бу Саид окликнул Лом­бара при вечерней раздаче почты:

– Я получил письмо!

– Я тоже.

Дождавшись, пока все офицеры разойдутся по квартирам со своими вест­ями из дома, они пошли в комнатку Ломбара и там, усевшись на кровать и распечатав конверты, обменялись но­востями. Родовались, как дети. И в их разговоре французские имена родст­венников смешивались с арабскими. У Ломбара кузина Жанна вышла замуж за сына Бессона, державшего площадку для игры в тяжелые металлические шары в Коппонэксе, а у Бу Саида брат Али женился на дочери Си Хаджа Таха­ра, продавца лошадей из Морриса... Купил двух коров, дела его наладились, и старики-родители были довольны... Бу Саиду, как и Луи, так хотелось пови­дать «своих»! Луи ещё рассказал, что из письма он узнал, что Франсуаза, дочка Мушэ, человека весьма состоя­тельного, передаёт ему привет и ждёт

не дожждётся, когда окончится его служ­ба в армии...

Бу Саид ещё раз перечитывал своё письмо, и Луи, склонив голову на его плечо, увидел красивые, каллиграфи­ческие арабские буквы, заполнившие, словно рисунок, всю согнутую пополам страницу.

– И как только ты разбираешь всё то, что здесь написано?! – с удивлени­ем воскликнул он. – Просто непостижи­мо, честное слово!

...Вечера, когда приходила почта, были почти праздничными для двух солдат, и они читали и перечитывали полученные письма, бесконечно ком­ментировали их и объясняли друг другу известия из родных краев.

В конечном счете они всё узнали о семьях, в которых выросли, их интере­совали все новости, они знали, кто из их родственников где живёт, и можно было уже подумать, что и тот, и другой солдат провёл свое детство и юность на родине другого... Они уже даже пред­полагали, кто какой ответ получит на свои письма к родным, и обязательно просили друг друга передать привет от себя родственникам и знакомым...

...Пришла зима. Странная, печаль­ная и тревожная. Под огромным хму­рым небом дюны казались зловещими, ветер беспрестанно гудел, собирая се­рый песок вокруг крепостных стен. Бы­ло холодно, и теперь друзья редко про­гуливались. Они предпочли встречать­ся у Луи, – его комнатка была про­сторнее и теплее, чем у Бу Саида. Там стояла кровать, стол и деревянная ска­мейка. На стене, на гвозде висел рюк­зак обозного солдата, а рядом с ним, тоже на гвозде, – ружье со штыком. Бу Саид считал себя более опытным, слу­жил уже не первый год и давал много советов своему товарищу. Он даже по­могал ему по хозяйству: стирал бельё, побелил стены, вырезал картинки из журналов и развесил их, потом даже приспособил в комнате Луи какое-то арабское зеркало... Над столом водру­жил рога газели, стащив их у какого-то

офицера, приволок выделанные из кожи амулеты и стрелы, выточенные из камня, туарегов, раскрашенные в разные цвета... Словом, украсил всем этим жилище, которое, в общем, служило им обоим. Бывая редко у себя, Бу Саид даже приносил с собой матрас, когда не ночевал в своей комнате.

– У нас стало так красиво! – любил он повторять с гордостью, и Ломбар соглашался с ним, глядя на то, как изменилась его комнатка.

Постепенно связав себя крепкой дружбой, излечившись от тоски, которая было охватила их в ссылке на эту далёкую землю, они почувствовали себя счастливее. И те долгие месяцы, которые им обоим ещё предстояло здесь провести, уже не пугали их больше. Они не любили даже говорить о том, как тоскуют по родным краям, в которые, быть может, им и не удастся больше вернуться...

Товарищи – и соотечественники Луи, и европейцы из Алжира, – все стали презирать его: ведь он стал другом «туземца», «козла», «дикаря», как называли колонизаторы алжирцев. И когда европейцы насмеялись над Ломбаром, глядя на него свысока, высокий блондин из Юры пожимал плечами и отвечал на насмешки:

– А что вы хотите? Чтоб было мне хуже? А если мне нравится ходить и дружить с арабом?! Вам-то что до этого? Живите, как хотите! Мне наплевать на вас!

Однажды он даже ударом кулака свалил с ног одного из насмеявшихся над ним и оскорблявших его. И с тех пор никто больше не задевал Ломбара. Его оставили в покое, довольствуясь презрительными улыбочками при виде его, когда он шёл рядом с арабским стрелком...

У Бу Саида были тоже проблемы с его арабскими соотечественниками. Он часто спорил с теми, кто критиковал его дружбу с «руми» (французом), который, как они полагали, ничему хорошему Бу Саида не научит... Будет толь-

ко его поучать и командовать им, как все здешние французы...

...А друзья, зная теперь городок за пределами крепости, посещали там своих хорошеньких темнокожих подружек с бархатными глазами. Они оба были не искушены в любви, имели простое обхождение с людьми, да и манеры их были похожи, и удовольствия, которые получали они от своей простой и незатейливой жизни. Хотя Бу Саид приносил в свои любовные увлечения больше страсти и серьёзности, что немало удивляло Луи, считавшего их встречи с женщинами простой забавой... Ведь они были так ещё молоды, и любовное времяпрепровождение было не столь существенно... Луи считал, что до «серьёзного» увлечения, которое обязательно должно закончиться свадьбой, ещё далеко. Вот тогда и можно будет говорить о «настоящей любви». И его удивляло, что Бу Саид страстно увлекался красотками, а потом с лёгкостью оставлял их и занимался другими, забывая о ревности... Луи, глядя на него, разумно рассуждал, что у каждой страны есть свои особенности, и разные люди живут по-разному...

...Два месяца уже прошло с того времени, как Луи и Бу Саид стали друзьями. И им обоим хотелось, чтоб их дружба длилась вечно. Но к концу зимы Бу Саид, у которого были слабые легкие, заболел. Он сильно простудился, но не хотел лечиться, хотя у него уже поднялась высокая температура. Его всё-таки уложили в госпиталь. Майор считал, что он обречён. Ломбар был сильно огорчён и всё свободное время проводил у постели больного, ухаживая за ним. Ужасная тоска овладела обозным солдатом при мысли, что Бу Саид не поправится. Умрёт. Значит, Господь Бог не милостив и к нему, наконец-то обретшему своего единственного друга!

Несколько дней Бу Саид был в бреду, без сознания. Но однажды вечером вдруг пришел в себя. Санитар зажёл ночник, осветивший палату, где стояли

четыре койки, узенькие, пустые, за исключением той, на которой лежал Бу Саид.

– Ломбар, Ломбар, – позвал он. У него была ужасная слабость. Он был истощён, исхудал, черные большие глаза были пустыми, лицо исказилось, губы приклеились к зубам. Когда-то красивый парень был неузнаваем. Но что было ужаснее всего, так это то, что он хрипел и издавал свист при дыхании.

– Не беспокойся ни о чём, не нервничай, – увещевал его Ломбар, хотя его и пугало молчание друга. – Теперь, когда ты пришёл в сознание, болезнь отступила. Ты спасён!

Но Бу Саид покачал головой. И сказал:

– Ломбар... там остались мои бумаги... письма... мои вещи... Сохрани их... Возьми себе...

– Да нет же! Всё будет хорошо! Что ты такое говоришь?! Мне это разрывает сердце! – ответил ему Луи.

Он говорил другу что-то ещё, но видел, что это – конец. И боялся расплакаться. Бу Саид лежал неподвижно, закрыв глаза. Ломбар думал, что он заснул. Сидел молча. Но больной вдруг захрипел и повернул голову на подушке. Высвободил свою руку из ладони Ломбара и поднял вверх указательный палец. Три раза его губы что-то прошептали. Луи ничего не понял. Потом Бу Саид как-то задергался, словно в судорогах, и ужасно икнул. Так и умер почти на руках у друга, который в ужасе вскочил со стула, на котором сидел возле постели Бу Саида.

– Нет, это невозможно! Это ужасно, – повторял без конца Луи, рыдая.

Он просидел у постели умершего друга до утра, стиснув ладонями виски. Санитары накрыли тело усопшего белой простыней.

Утром пришли мужчины, одетые в белое, обмыли тело Бу Саида, перевезли его в другое помещение, где делают вскрытие умерших. Потом эти люди завернули тело в белый саван, закрыв и

его лицо навсегда. Стали торжественно и монотонно читать над ним свои молитвы. В углу стоял Ломбар, держа в руках свою фуражку, слушал их и тоже молился. У каждого была своя религия. Но Бог для всех людей Един. В этом обозный солдат был уверен.

Бу Саида унесли из госпиталя на носилках, покрыв белой простыней. Ломбар шёл за траурным кортежем, который, выйдя за пределы города, направился в серую долину, где находилось мусульманское кладбище. Став полукругом вокруг носилок, опущенных на землю, арабы молились, но не вставали на колени. Потом они опустили тело в глубокую и широкую могилу. Забросали её зелеными пальмовыми ветками, а после засыпали песком. Ломбар стоял, наблюдая за всей процедурой погребения. Его охватило какое-то оцепенение. И он с глухой тоской смотрел на землю, где жил, словно в изгнании, а теперь вот и без единственного друга... Командовавший стрелками капрал положил на платок несколько сухих печений и ягод сухого инжира, которые унесли с собой нищие.

Потом все вернулись в город, Ломбар следовал за людьми в полном одиночестве. Он был не из их расы... И его печаль была безмерна. Угнетающая. Когда он пришёл в свою комнату, то отчаянно заплакал, увидев всё то, что с такой любовью украсил и устроил Бу Саид. Ночью он отправился за почтой, думая о том, что его друг уже никогда не прочтёт пришедших к нему писем, не поделится с ним, с Луи, своими новостями...

А когда вернулся к себе, то понял, что ему больше нечего делать в этой стране. Разве что только считать дни до своего освобождения из армии... Он бросился на кровать и долго плакал, а холодный зимний ветер выл за окном, поднимая песок, засыпавший могилы на мусульманском кладбище. Эта песчаная земля стала последним приютом для Дахмана Бу Саида.

Изабелла Эберхардт

ОБРАЩЁННЫЙ (М'ТУРНИ)*

Лачуга из плохо сложенных камней, клочок почти бесплодной земли в суровых горах Пьемонта... Нищета, в которой росли двенадцать детей... Потом обучение на каменщика у грубого и злого хозяина... Он смутно помнил свое несчастливое, неграмотное детство, в котором были редкие лучи солнца на хмурых вершинах и немного тишины в тёмных уголках леса, где на берегу ручья росли зеленые папоротники...

На этом и кончались воспоминания о своей родине у Роберто Фрауги, который в поисках работы завербовался в Алжир со своими товарищами. Ему казалось, что там, в Африке, он будет работать на себя, а не на хозяина, скопит денег на старость и тогда уже вернётся в родную Санта-Репарату, купит хороший кусок земли, будет выращивать на нём кукурузу и рожь, и всего этого хватит ему на пропитание до конца дней...

Но на раскалённой африканской земле с бескрайними горизонтами он почувствовал себя абсолютно чужим и испугался того, что здесь всё было абсолютно другим, непривычным!

Он провел несколько лет, работая в городах на морском побережье, – там было много европейцев и соотечественников. Среди них он чувствовал себя увереннее. А люди, одетые в шерстяные плащи с капюшоном – бурнусы, медленно ходившие, говорившие на непонятном языке, внушали ему недоверие, он их сторонился, когда встречал на улицах.

Потом, потеряв работу в алжирской столице, он устроился к какому-то богатому вождю племени, жившему почти на границе с пустыней Сахара. Тот предложил Роберто хороший заработок, если он благоустроит его деревню – крепость, защищавшую от колони-

альных солдат, как военный форпост... Деньги были немалые, и Роберто принял предложение, хотя и долго колебался: сама мысль о том, что надо ехать куда-то далеко-далеко, в пустыню, жить долгие месяцы с арабами, пугала его. Но он поехал, исполненный беспокойством и сомнениями. И после изнурительной тряски по ночам в скрипучем дилижансе, Роберто Фрауги добрался, наконец, в М'Силу.

Это было летом. Непривычная жара, словно исходившая от земли, окутала Роберто. Какой-то непонятный запах царил в воздухе. Ему даже стало дурно, да ещё и страшно было. Он стоял один посреди площади, совсем один под ночным небом, усыпанным огромными бледными звёздами.

Там, где-то вдали, шумела саранча, и это был единственный звук, заполнявший молчание ночи... Едва различались силуэты пальм. Ночная мгла застилала всё вокруг. Потом он увидел на земле какие-то белые вытянутые формы: это прямо на земле спали арабы, вышедшие из домов, спасаясь от духоты и ползающих там скорпионов...

Роберто заснул в крошечном номере тамошнего отеля. На рассвете его разбудил высокий загорелый бедуин с черными глазами.

– Пойдём со мной. Я – слуга каида, вождя.

Раннее утро показалось прохладнее. Земля – посвежевшей. Тишина всё ещё царила над спящим городом.

Фрауги, взобравшись на мула, ехал за бедуином, сидевшим на серой лошади с взъерошенной шерстью. Она радостно подпрыгивала на каждом шагу. Они пересекли высохшее русло реки. День медленно занимался, освещая старые ветхие дома, часовни марабутов – местных сахарских святых – в форме кубов. Потом они проехали Герфалу и оказались в долине, пустой, покрытой песком розового цвета. Она казалась бескрайней. Где-то вдали, на юге, виднелись очертания синеватых гор...

– Эта долина называется Ходна. А

* Впервые напечатана в «La Dépêche algérienne». 30/IX-1903 г.

там, в горах, находится Бу-Саада, – пояснил ему бедуин.

Ехали долго, и где-то на краю этой долины стали заметны серые домишки, уютившиеся вокруг часовни с высоким куполом. Над ними, в горах и была крепость каида, квадратная, обнесённая облупившимися стенами, когда-то побелёнными известкой.

Несколько человек согнулись вокруг фонтана с тёплой водой желтоватого цвета... Она текла сюда, пробиваясь сквозь красную землю и грязновато белые скалы.

Приехавшему каменщику предоставили маленькую комнатку, совсем почти пустую, но свежетыбеленную. На полу лежала циновка. В углу стоял сундук. На гвозде висел кожаный фартук.

Там Фрауги прожил почти полгода, вдали от всяких контактов с европейцами, среди местных жителей – почти чёрных от палящего над ними солнца, с глазами и лицами, как у орлов, с курчавыми волосами на голове, скрытыми под чалмой, обвязанной чёрной веревкой.

Седдик, парень, который привёз сюда Роберто, был начальником бригады подручных рабочих, помогавших каменщику. Во время стройки они пели долгие, протяжные, печальные песни.

В этой одиноко стоящей крепости тишина редко нарушалась другими посторонними звуками. Это был или стук копыт лошади, или скрип рукояти колотца, или глухое ржание верблюда, ложившегося отдохнуть на землю у ворот после работы.

По вечерам, на закате красного солнца, когда всё замолкало, люди молились. Они взбирались на гору, поднимали руки к небу и произносили торжественные слова... Потом, когда вождь племени, каид, удалялся на покой, его люди и слуги, присев на землю, болтали или пели, а кто-то из несчастных жаловался на свою судьбу, на свои никому не известные страдания.

В крепости все были любезны и добры с Роберто Фрауги и даже не осо-

бенно к нему требовательны. И вот, мало-помалу, в этой тихой монотонности дней, он перестал мечтать о возвращении на родину. Он привыкал к этой медленной, размеренной жизни – без особой суеты, забот, спешки. А с тех пор, как научился понимать арабский язык, он думал об «аборигенах» совсем по-другому, чем раньше. Теперь они казались ему общительными, простыми в обращении, и вовсе не «дикарями», как это полагали европейцы... Ему даже понравилось жить среди них.

И он попытался вместе с ними коротать вечера, взойдя на холм, где любили сидеть они, расспрашивая их об их жизни или рассказывая им что-то о своей стране.

После своего первого причастия Роберто так и не бывал больше в церкви. Ему было безразлично, а теперь и вообще, в какого бога он верил раньше. Он видел вокруг себя спокойных людей, уверовавших в своего Бога. Расспросил об их вере. Она показалась ему куда более простой и человеческой, нежели та, которой его учили с детства, тайны которой мучили его...

Зимой, когда работы по укреплению завершились и отъезд каменщика приближался, Фрауги вдруг почувствовал какую-то тоску и искреннее сожаление о том, что надо уезжать отсюда. Рабочие и слуги тоже сожалели: «руми» (европеец) оказался негордым и неспесивым, не презирал их. Казался одним из них. Добрый парень.

И вот как-то вечером, когда все собрались во дворе, лежали рядом на земле, слушая пение слепого, уважаемого всеми старца, пришедшего из соседней деревни, Седдик сказал каменщику:

– А зачем тебе уезжать? Теперь у тебя есть немного денег, каид тебя уважает. Сними домик Абделькадера, который уехал в Мекку. Там есть садик с инжирными деревьями и поле, с которого можно собрать урожай. Люди затевают строительство мечети и часовни с куполом, – это будет мавзолей свято-

го Сиди Беррабира. Работа даст тебе хлеб. И всё пойдет, как раньше...

И Фрауги согласился. Весной, когда стало известно, что владелец дома Абделькадер умер, Фрауги выкупил этот дом, даже не думая о том, что с мечтами о возвращении когда-то на родину покончено навсегда. Он уже навсегда заключил союз с той землёй, что казалась раньше такой горькой, а теперь стала прекрасной и больше не пугала его.

...Его европейская одежда давно превратилась в лохмотья. И однажды он примерил арабский кафтан и бурнус. Он нашёл это одеяние удобным и привык носить его. Как привык к медленному течению жизни и окружавшим его людям.

Дни проходили монотонно, текли года. Деревня жила по-прежнему в своей полудрёме. Но в сердце Фрауги не было никакой тоски по своему прошлому, по родному Пьемонту, от прежнего не осталось и следа. Зачем куда-то уезжать, если здесь ему было хорошо? Он говорил теперь по-арабски, даже знал какие-то мелодии, которые напевали рабочие... Привык к их медлительным, неторопливым жестам.

Однажды, в разговоре с кем-то, он вдруг сказал, что «нет Бога кроме Аллаха». Седдик воскликнул:

– Ух ты, Роберто! А почему бы тебе не стать мусульманином? Мы – твои друзья, а будем братьями! Я выдам тогда за тебя свою сестру, и будем все вместе славить единого Бога!

Фрауги промолчал. Он не мог сразу проанализировать свои чувства, но уже ощутил себя мусульманином, давно поняв, что эта вера ему нравится больше, чем вера его отцов... Оставался в задумчивости. Но через несколько дней перед старейшинами деревни и Седдиком он неожиданно ещё раз произнес священную формулу ислама: «Нет бога кроме Аллаха, и Мохаммед пророк его».

Старейшины хором подхватили славу Всевышнему, а взволнованный Седдик поцеловал каменщика. Так Роберто Фрауги стал Мохаммедом Касдаллахом.

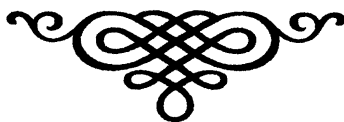
Сестра Седдика, Фатима Зохра, стала женой обращённого в ислам европейца. Не было при этой церемонии никакой религиозной экзальтации. Просто каменщик принял ритуалы молитвы и поста.

В родном Пьемонте его ждали напрасно. Прошло уже тридцать лет. Роберто стал уважаемым старцем, славил Аллаха и смирился с судьбой. Домик с садиком, который он когда-то мечтал купить в родной Санта-Репарате, он нашёл под другими небесами, на другой земле, на границе с пустыней, где бескрайние горизонты затянуты горячей мглой...

Примечания

¹ Algérie. Un rêve de fraternité. P.: Ed. Omnibus, 1997. 1010 p.

² О них можно подробно узнать в вышедшей под грифом ИВ РАН «Истории национальных литератур стран Магриба» в трех томах. М., 1993. См. том «Алжир».

Н.З. Мосаки

«ПИСЬМА ИЗ ТУРЦИИ» ВИЦЕ-КОНСУЛА В ВАНЕ С.П. ОЛФЕРЬЕВА

В 2017 году И.В. Зайцев опубликовал дневник известного русского дипломата, вице-консула в Ардебиле (Персия, с 1908 г.) и в Ване (Османская империя, с 1910 г.) Сергея Петровича Олферьева (1875, Пенза – 1942, Ленинград, скончался от голода), написанный тем по итогам его инспекционной поездки по «Курдистану и землям несториан осенью 1912 года» (из Вана в Урмию и обратно). Дневник хранится в Архиве Российской академии наук¹. Надо воздать должное И.В. Зайцеву за объём проделанной работы. Заслуга публикатора состоит не просто в подготовке к изданию дневника, что само по себе уже ценно, но и в обработке как опубликованных, так и неопубликованных материалов из различных архивов, касающихся С.П. Олферьева.

Книга начинается статьёй, в которой читателю сообщаются интересные сведения о судьбе русского дипломата². Весьма информативно и предисловие, написанное И.В. Зайцевым в соавторстве с известным курдоведом О.И. Жигалиной³. Оно посвящено политике России в отношении народов, населяющих край, в первую очередь, ассирийцев и курдов.

Хотя С.П. Олферьев ранее не был известен широкому кругу востоковедов, тем не менее у него имелись работы по арабистике. Его заслуги как арабиста отмечали И.Ю. Крачковский и В.А. Гордлевский⁴, в фонде которого И.В. Зайцев и обнаружил копию рукописи дневника С.П. Олферьева⁵. Однако после окончания учёбы и поступления на дипломатическую службу С.П. Олферьев полностью посвятил себя практической работе дипломата в Иране и Турции «и к научной арабистике более не возвращался»⁶.

В опубликованном дневнике приводятся интересные этнографические детали, сведения, касающиеся этнического и конфессионального состава селений Турецкой Арме-

нии и Курдистана, даётся подробное описание местности. Автор передаёт свои впечатления от знакомства со многими лидерами ассирийского народа, показывает настроение курдов и несториан в канун Первой мировой войны. Интересы С.П. Олферьева были чрезвычайно широки: он уделял большое внимание курдскому фактору и одновременно скрупулёзно собирал информацию о военных возможностях курдских племён, что в условиях слабости османской власти на местах имело важное политическое значение для политики России в регионе⁷.

Впоследствии, в 1929 г. С.П. Олферьев под псевдонимом «С. Вегин» опубликовал художественное произведение на основе этого дневника⁸. Данная работа включена И.В. Зайцевым в книгу в качестве отдельной главы, что, учитывая её характер и рассматриваемую проблематику, является вполне оправданной попыткой объединить сведения из двух разных по жанру работ в один исторический источник. Остается сожалеть, что пока для читателя недоступна упоминаемая С.П. Олферьевым секретная часть дневника, в которой он подробно описывал свои беседы с лидерами ассирийского народа – маршимуном и епископами, тяготевшими к России, а также некоторые другие важные сведения, касавшиеся русской политики в отношении местных народов. Тем не менее, даже без этого, учитывая, что появление каких-либо неизвестных архивных материалов по данной теме – явление весьма редкое, без сомнения, введение в научный оборот оригинального труда русского вице-консула дополнит знания о курдах, ассирийцах, армянах и в целом сведения о Восточной Анатолии начала второго десятилетия XX века. При этом нелишне отметить, что донесения вице-консула в Ване С.П. Олферьева, хранящиеся в Архиве внешней политики Российской империи, в своё время

стали важным источником в уже ставшей классической работе известного отечественного курдоведа М.С. Лазарева⁹.

Таким образом, с учётом публикации дневника имя С.П. Олферьева дополнит список русских дипломатов-востоковедов, среди которых, конечно же, следует выделить в первую очередь В. Минорского и В. Никитина, чьи работы стали необходимым подспорьем для курдоведов. В связи с этим вызывает интерес представленный в конце книги «В верховьях Тигра. Дневник и описание пути...» список «печатных и неопубликованных трудов» С.П. Олферьева¹⁰.

Часть из этих работ опубликована, но, тем не менее, осталась без внимания исследователей. Так, в числе прочего, перечислена серия статей С.П. Олферьева (за подписью «С. О.») под названием «Письма из Турции», опубликованных в 1912 году. Находясь на разных должностях в дипломатических миссиях России в Турции и Иране, автор собрал немало интересных сведений о крае и о населявших его народах. Этими сведениями, кроме донесений по дипломатической линии и дневника, русский дипломат делился на страницах «Пермского вестника землеустройства», издававшегося Пермской губернской землеустроительной комиссией. Главным редактором издания был Николай Олферьев, брат-близнец дипломата. Краткому обзору этих писем и посвящена настоящая статья.

Надо отметить, что в составленной Ж.С. Мусаэлян обширнейшей библиографии по курдоведению, в которой упомянуты даже работы, где хотя бы косвенно затрагиваются курды и их история, нет никаких сведений об С.П. Олферьеве и, в частности, о его сообщениях в «Пермском вестнике землеустройства», в каждой из которых речь идёт о Турецком Курдистане и Армении, курдах и армянах¹¹.

Понятно, что из-за отсутствия подробных сведений об С.П. Олферьеве его публикации в провинциальном «Вестнике», который обычно печатал статьи, посвящённые сугубо вопросам землеустройства в России и никоим образом не относился к изданиям,

проявлявшим интерес к Востоку, не попали в поле зрения даже такого внимательнейшего библиографа-курдоведа, как Ж.С. Мусаэлян. Примечательно, что в этой библиографии упоминается его книга под авторством С. Вегина (без идентификации его как С.П. Олферьева) с указанием, что она описывает путешествие автора к курдам и содержит многочисленные этнографические подробности о быте курдов, айсоров, езидов и армян¹². Ссылки каких-либо авторов, изучавших Турецкую Армению и Курдистан в преддверии Первой мировой войны, на заметки С.П. Олферьева в «Пермском вестнике землеустройства» нам также не известны. Поэтому в каком-то смысле эти заметки посвящены архивным материалам, которые ранее не были введены в научный оборот.

«Письма» С.П. Олферьева интересны не только тем, что принадлежат перу востоковеда-дипломата, но и тем, что они весьма откровенны. Поскольку личность и пост автора в публикации не указывались, он описывал увиденное на Востоке без какой-либо самоцензуры. При этом тематика «Вестника», понятно, обусловила преимущественно аграрный характер сообщений русского дипломата.

Для С.П. Олферьева служба за рубежом являлась, можно сказать, местом бегства от российской социально-политической действительности. Хотя он ясно осознавал необходимость коренных изменений в Российской империи, учитывая, что в верхах царил «обскурантизм, стяжательство и полное пренебрежение интересами народа»¹³, тем не менее, будущее пугало его неизвестностью и предчувствием надвигающейся катастрофы. К тому же, несмотря на своё политическое настроение и огромное уважение к друзьям-революционерам, он придерживался весьма умеренных взглядов в отношении характера процессов политических преобразований. В этом смысле поездка в Персию давала ему возможность не принимать сторону своих друзей. Так, в личном дневнике С. Олферьев оставляет запись о своём друге, вышедшем из тюрьмы – Ф. Федоровиче: «Это – упорнейший революционер, добрей-

ший и благороднейший из всех нас, товарищей по гимназии. Я с ним очень дружен и люблю его от души, но всегда избегаю говорить с ним о политике, в которой никогда не мог хорошенько разобраться. Причина проста – меня увлекает восток, путешествия, литература, а его – борьба с правительством. Мне бы только поскорей удрать в Персию и заняться любимым делом: литературой и этнографией...»¹⁴. «Фед-ч просит организовать помощь [неразб.] товарищам, сидящим по тюрьмам. Конечно, сделаю, что могу, но ведь это будет капля в море... Его оптимизм меня сильно удивляет, и мне кажется, что вся работа революционеров пока сводится к нулю. Впрочем, трудно предвидеть будущее... Стараюсь об этом не думать, так как всё равно ни о чём не додумаюсь»¹⁵.

Неудивительно, что русский дипломат, описывая на страницах «Вестника» социально-политические реалии в Турции, в первую очередь, оглядывается на ситуацию внутри своей страны. Наблюдая, по его выражению, «практически ежедневно» примеры беззакония в Османской империи, С.П. Олферьев рассуждает о возможных последствиях революционной вакханалии «для нашего крестьянства», «если бы таковая не была сдержана вовремя твердой рукой правительства»¹⁶. «Я, конечно, – писал он, – не говорю здесь о людях идеи, которых насчитывается на тысячи один, а о той нечисти, которую порождает всякая революция и которая, в качестве дьявольского отродия, не имеет никакого представления о добре и зле»¹⁷.

С.П. Олферьев принадлежал к числу представителей российского корпуса дипломатов, призывавших к решительным шагам для усиления влияния России в регионе и к активному использованию курдского фактора в отношениях с Турцией, для чего предлагал открыть дополнительные дипломатические посты в отдалённых районах Курдистана¹⁸. Он сожалел о том, что Петербург не использовал потенциал для усиления своего влияния, в частности, на курдов и, особенно, ассирийцев, искавших покровительства России¹⁹. Однако его планам не сужде-

но было осуществиться. Политика России в этом вопросе была крайне осторожной и учитывала как ассирийско-курдский и армяно-курдский антагонизм, так и военные возможности курдов и их взаимоотношения с османскими властями, для которых курды исторически представляли важный источник воинских формирований²⁰. При этом, как известно, привлечение на свою сторону путем подкупа некоторых курдских родоначальников было немаловажным фактором во время многочисленных русско-турецких и русско-персидских войн²¹.

В этом смысле на страницах «Пермского вестника земледелия» мы можем видеть, с каким настроением и мыслями в 1909 году С.П. Олферьев впервые въезжал в Турцию из России – не просто «удрать на Восток» для посвящения себя (как писал в дневнике) любимому делу – литературе и этнографии, а предаваясь весьма смелым для человека, хорошо ориентирующегося в политической ситуации в регионе и трезво осознающего возможности России, имперским мечтаниям: «И думалось мне, что не так далёк тот день, когда Россия, стоящая на рубеже между Европой и Азией, принесёт свою культуру в дикие горные области, что, под названием турецкой Армении и Курдистана, потянулись далеко – далеко на юг от нашей кавказской границы, в сторону Месопотамии и Персидского залива. Россия возродила такие огромные области, как Кавказ и Туркестан. Ей предстоит призвать к жизни обширные пространства, где когда-то владычествовала великая Ассирия. Это – очередная задача истории, и она будет выполнена непреклонной волей и энергией лесного севера»²².

Находясь на дипломатической службе в Персии и в Турции, особое внимание русский дипломат уделял жизни местных крестьян. Вспоминая, он пишет: «Я ехал в Турцию прямо с Поволжья, где шла энергичная и успешная работа по землеустройству, – работа, которой живо интересовалось всё местное общество, видя в ней залог славного будущего России»²³. Однако из Турции перспективы крестьянского вопроса в Рос-

сии виделись ему несколько в ином свете. Наблюдая за жизнью сельских жителей Турецкой Армении и Курдистана и сопоставляя её с условиями жителей русских деревень, С.П. Олферьев давал на страницах «Вестника» неутешительную оценку их положения. Он с сожалением отмечал, что жизни армянина-сельчанина, терпящего большие притеснения со стороны турецких властей и постоянно подвергающегося разорительным набегам курдов, «позавидует средний русский крестьянин»²⁴. Причиной этого является «единоличное пользование землей»²⁵.

В Турции, продолжал он, нет «общинного владения землей. Несуразной общины не знали здесь и в старину. Сельчане сидели на земле, принадлежащей им или по праву собственности, или арендуемой ими у казны и крупных землевладельцев. Ранее здесь существовало своего рода феодальное устройство. Земли находились в руках беков (по-нашему – дворян), которые распоряжались ею как им было угодно и мало заботились о благополучии сельчан... Пережитки феодализма можно встретить и поныне в диких горах Курдистана, где власть султана пока номинальна и где курды продолжают жить кланами, согласно старым обычаям и порядкам. Тогда как в долинах феодализм естественным образом перешёл к единоличному владению землей, – в горных областях, отдалённых от городов неприступностью гор, продолжают свирепствовать феодальные обычаи и насилие»²⁶.

Подобное понимание решения крестьянского вопроса было весьма распространено в России. Однако, как известно, некоторые полумеры, реализованные в годы правления Николая II, так и не привели к урегулированию этой проблемы. Русский крестьянин так и остался, по сути, зависим от сельской общины.

Весьма интересным представляется наблюдение С.П. Олферьева, касающееся сельских жителей Персии, где их положение, по его мнению, даже лучше, чем в Турции, а отсутствие порядка компенсируется весьма разумным подходом персидских вла-

стей на местах. С.П. Олферьев пишет: «Там, по крайней мере, губернаторы решают с крестьянами вопросы о податях с обоюдного согласия. Когда нужно, солидарно обмывают правительство и отдают только часть того, что требуется. Но ведь зато в Персии правители провинции обыкновенно получают жалование только на словах, а на деле ограничиваются сбором “добровольных” пожертвований. С имущих берут более, чем с бедняков. Это всё-таки отчасти справедливо. В Турции куда хуже. Как будто бы здесь и больше порядку, а на самом деле населению живётся тяжелее, чем в Персии»²⁷.

При этом С.П. Олферьев, наблюдая происходящий в Турции «опасный политический переворот» и необходимость преобразования в аграрном вопросе, отмечал, что политика младотурок лишь обострила земельные споры между армянами и курдами, а их декларируемые намерения соблюдать равенство между народами на деле явились лишь политической уловкой. Русский дипломат писал: «В Турецкой Армении, где бок о бок живут армяне и курды, аграрный вопрос служит ныне причиной обострённой вражды между двумя этими национальностями. Дело в том, что во время армянской резни в Курдистане и Турецкой Армении многие из армян, побросав свои земли, бежали в Россию. Курды воспользовались этим обстоятельством и, с помощью насилий и взяток, запаслись нужными документами на покинутые земли. С объявлением нового режима часть армян возвратилась на родину, но земли их находились уже на “законном основании” во владении курдских беков, продолжающих жить здесь на правах феодалов.

Правительство до сих пор не знает, как выбраться из подобных затруднений, и передаёт дела на разрешение местных судов в тайной надежде, что это избавит правительство от обвинений в газетах в пристрастии к христианам и поможет закрепить земли раз и навсегда, с помощью судей-мусульман, за курдами, исповедующими ислам. Хотя курды не любят турок, но, в качестве братьев по

вере, они всё же симпатичнее туркам, чем армяне, на которых турецкое правительство мало надеется даже в дни младотурецкого режима, когда на словах объявлена равноправность всех граждан, а на деле продолжает свирепствовать тот же фанатизм и те же гадкие чувства турка к христианину»²⁸.

Хотя будущее Османской империи, которая подошла к определённом окончанию своего жизненного пути, виделось С.П. Олферьеву предопределённым, то направление, как указывал он, по которому шли младотурки в своей внутренней политике, лишь усиливало степень всеми ожидаемой опасности и, в частности, неизбежность катастрофы армянского народа. Однако многими, в том числе и армянскими организациями, это в полной мере ещё не осознавалось.

Обрушиваясь, к примеру, с критикой на дашнаков за разграбление простого армянского народа и расхищение «народного богатства» в монастырях, С.П. Олферьев указывал на их открытый союз с комитетом «Единение и прогресс», игравшим «в Турции первенствующую роль»²⁹. С.П. Олферьев писал, что «дашнакцаканы работают на словах во имя народа, а на деле являются такими же насильниками, как и дикие курды», «здешние сельчане пострадали от этих господ не менее, чем от набегов курдов»³⁰. Эти «деятели свободы», по словам С.П. Олферьева, «под видом борьбы за свободу крестьянам насильственным образом продают винтовки по самой дорогой цене», получая таким образом «барыши». При этом «крестьяне-армяне обязаны кормить и одевать этих господ за свой счёт», а «кто осмелится противиться этому, того убивают», причём «эти частые убийства обычно скрываются самими же крестьянами из опасения, что и с ними будет поступлено так же»³¹.

Понятно, что отношение русского дипломата к дашнакам было обусловлено их весьма активной революционной деятельностью в 1905-1907 годах в Российской империи (в Восточной Армении и в Закавказье в целом). Впоследствии многие выходцы из России, спасаясь от преследований властей, эмигрировали в Турцию и стали политиче-

скими активистами в Турецкой Армении³². При этом, несмотря на симпатии к армянам, которые С.П. Олферьев передаёт в своих очерках, он, тем не менее, отражая интересы Российской империи, выражает основные константы, характеризующие её стратегию по отношению как к курдам, так и армянам, проживавшим в Азиатской Турции. Подобно М. Лихутину в бытность его начальником Штаба Эриванского отряда, т.е. человеком, непосредственно осуществлявшим «курдскую политику» России во время Крымской войны и заявлявшим, что курды в большей степени полезны как жители Турции – «как один из элементов её слабости и разрушения»³³, С.П. Олферьев считал, что Россия заинтересована в выступлениях курдов, поскольку, если даже они «потерпят неудачу», «это ослабит Турцию»³⁴. При этом если кому-либо из этих народов (армянам или курдам), борющихся за свои национальные права, суждено добиться успеха в вопросах национального самоопределения, русский вице-консул полагал, что «лучше автономный Курдистан», «чем автономная Армения, ибо в России, на Кавказе живут 1,5 млн армян и всего 130 тыс. курдов»³⁵, что, соответственно, может привести к сепаратизму Российской Армении.

Сведения, приведённые в «Письмах», весьма разнообразны. Помимо информации о местном крестьянстве и социально-политической жизни края, русский дипломат много внимания уделяет описанию ирригационных сооружений в Ванской провинции, отмечая, что вода – главное богатство на Востоке³⁶. Его восхищает техническое состояние многочисленных старинных запруд «с необходимыми отверстиями, через которые вода опускается»³⁷ в «грандиозные оросительные каналы, проведённые среди гор на десятки вёрст»³⁸, и «течёт по ним среди горной местности до самого Вана»³⁹. Он также описывает другие исторические памятники, сохранившиеся от урартской эпохи и армянского господства – «дворцы, языческие храмы, изумительные клинописные надписи, высеченные на неприступных скалах и прочее»⁴⁰.

Живо интересовался С.П. Олферьев деятельностью учёных в крае и результатами их исследований. В частности, он описывает проводимые раскопки в окрестностях Вана, которые «должны дать... богатые результаты» в отношении истории города. «Мы должны радоваться, – писал он, – что русские учёные проявляют всё более интереса к этому вопросу и уже два года заняты изучением Ванского округа. Есть надежда, что им удастся произвести здесь нужные раскопки. Пионером в этом деле явился наш этнограф Е.А. Лалаян, много поработавший для исследования нашего Закавказья»⁴¹.

Весьма интересны наблюдения русского дипломата-востоковеда о занятиях народов края, причём значительная часть посвящена основным народам региона – курдам и армянам. Не считая дашнаков, С.П. Олферьев восхищается армянами, особенно их хозяйственной деятельностью, противопоставляя им в этом смысле курдов, подрывающих местное «земледелие и торговлю»⁴².

Армян он называет «трудолюбивым оседлым населением», «прекрасными скотоводами»⁴³ и «лучшими земледельцами»⁴⁴, «пионерами европейской цивилизации»⁴⁵, изображая их деревни как «благоустроенные», «с хорошими садами, водяными мельницами и искусственными канавами для орошения полей»⁴⁶, и при этом регулярно становящиеся объектом «дерзких набегов курдов, всегда готовых попользоваться чужим добром»⁴⁷.

Зимние селения курдов, покидающих в стужу «привольные горные пастбища», С.П. Олферьев описывает лишь как место «зимних стоянок» – как «груды камней», где в домах, выложенных из «грубых камней» и едва возвышающихся над землёй, курды укрываются «на зиму вместе со скотом в зловонных человеческих берлогах» и «с первым появлением весны уходят в родные им горы, где кочуют до поздней осени»⁴⁸.

Относя армян к народам, восприимчивым «к высшей культуре», создавшим великолепные памятники старины⁴⁹, С.П. Олферьев сожалеет о распространённых в русской печати необоснованных и огульных об-

винениях армян в готовности «использовать с корыстной целью своего ближнего», в концентрации в своих руках капиталов и закабалении всего населения Кавказа, в воспитании детей в ненависти в России и мечте о создании отдельного армянского княжества. Он отмечает, что подавляющее большинство армян (более 90%) является крестьянами и занимается земледелием и скотоводством, причём «армянский сельчанин – понятлив, трудолюбив, скромен в своих потребностях и хороший семьянин, всегда заботящийся о том, чтобы дать какое-нибудь образование своим детям. В каждом армянском селении непременно имеется школа»⁵⁰. Сосредоточение же капиталов в руках армянского купечества – что на Кавказе, что в Турецкой Армении, – С.П. Олферьев объясняет предприимчивостью, образованностью и скромностью армянских купцов и более низким уровнем этих качеств у соседних с армянами народов. Жадность и лицемерие турецких армян, по наблюдению С.П. Олферьева, обусловлены бесчинствами и жестокостью мусульман, во взаимоотношениях с которыми армянин может рассчитывать лишь на деньги. Слухи о ненависти к России армян русский дипломат также категорически опровергает⁵¹.

В целом надо отметить, что в отношении многих вопросов, касавшихся курдов, взгляды русского дипломата перекликались с мнением многих отечественных военных, востоковедов и путешественников. Так, разъезжая по живописным кочевьям «курдов-номадов, прирождённых и отчаянных разбойников», С.П. Олферьев пишет о них: «...Дикие дети гор, жалкие остатки древних мидян, до сих пор не вполне подчинены власти султана и живут совершенно обособленно. Они не любят оседлой жизни. Их стихия – необозримые горные пространства, где они кочуют с места на место...»⁵². Курды, грабительские действия которых были настоящим бичом для местного мирного населения, в основном армянского, хотя и наделены чертами разбойников, тем не менее представлены в весьма романтическом образе, что в целом характерно для отечествен-

ного курдоведения, причём не только дореволюционного, но и советского.

Подобный подход к «рыцарям Востока» многократно растиражирован в литературе. Большую роль в этом сыграл один из основоположников изучения курдов Н.Я. Марр: «В Передней Азии есть замолчанная историей народность... Она единственная в интересующем нас районе стояла ещё ко времени появления турок на высоте доблестей пастушеско-военного быта, не осложнённых или извращённых традициями искусственной городской жизни и книжности»⁵³.

Таким образом, согласно российской курдоведческой традиции, курды, сохранившие черты своего далекого прошлого, несправедливо замолчаны историей, хотя их историческая жизнь глубже современных хозяев курдской земли. Известный советский курдовед М.С. Лазарев, продолжая подобную традицию, писал: «Внешняя географическая среда, без сомнения, способствовала формированию курдского национального менталитета и своеобразного и характерного облика курда-горца – существа физически выносливого, неприхотливого, привыкшего преодолевать любые трудности и полагаться только на себя. Эти черты лежали в основе таких известных особенностей курдов, как личная отвага и свободолюбие, что делало из них первоклассных воинов, высоко ценимых на Ближнем Востоке»⁵⁴.

При этом в советской историографии, как известно, многочисленные тезисы о курдах как о «народе-грабителе», не способном «обеспечить порядок на занимаемой им территории» и нуждающемся в «установлении над собой сильной власти», рассматривались в контексте колониального характера буржуазной историографии⁵⁵, оправдывающей экспансионистские устремления мировых держав.

Завершая, отметим, что обзор и представление библиографии работ С.П. Олферьева, содержащих немало весьма интересных сведений, – без сомнения, фактор, который дополнит знания по рассматриваемой теме.

Примечания

¹ Олферьев С.П. В верховьях Тигра. Дневник и описание пути, составленные надворным советником Олферьевым во время поездки в земли несториан осенью 1912 г. / С.П. Олферьев; составитель: Зайцев И.В.; Архив РАН, ИНИОН РАН, Ин-т востоковедения РАН; предисловие Жигалиной О.И., Зайцева И.В. М.: ИНИОН РАН, 2017. – 398 с. + 38 с. илл.

² Зайцев И.В. Сергей Петрович Олферьев (1875–1942): Судьба дипломата // Олферьев С.П. В верховьях Тигра. С. 4-18.

³ Жигалина О.И., Зайцев И.В. Предисловие // Олферьев С.П. В верховьях Тигра. С. 19-32.

⁴ Подробнее см.: Зайцев И.В. Сергей Петрович Олферьев (1875–1942): Судьба дипломата. С. 6-7.

⁵ Жигалина О.И., Зайцев И.В. Предисловие // Олферьев С.П. В верховьях Тигра. С. 25.

⁶ Зайцев И.В. Сергей Петрович Олферьев (1875–1942): Судьба дипломата. С. 7.

⁷ Рецензия на работу подготовлена мною отдельно и в настоящее время находится в печати.

⁸ Вегин С. В верховьях Тигра (у айсоров и курдов). М.-Л.: Молодая гвардия, 1929.

⁹ Лазарев М.С. Курдистан и курдская проблема (90-е годы XIX века – 1917 г.). М.: Наука, 1964. С. 41, 99, 156, 157, 164, 170, 175, 179, 181-183, 195, 200, 200, 201, 203, 205, 207, 225, 226, 246, 320, 331.

Лазарев М.С. Курдский вопрос (1891–1917). М.: Наука, 1972. С. 52, 102, 156, 160, 161, 167, 168, 172, 176, 180, 182, 183, 185, 201, 202, 207, 208, 224, 225, 247, 324.

¹⁰ Библиография печатных и неопубликованных трудов С.П. Олферьева // Олферьев С.П. В верховьях Тигра. Дневник и описание пути... С. 282-284.

¹¹ Мусаэлян Ж.С. Библиография по курдоведению (начиная с XVI века). Часть I. Часть II. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1996.

¹² Мусаэлян Ж.С. Библиография по курдоведению (начиная с XVI века). Часть I. С. 151-152.

Мусаэлян Ж.С. Библиография по курдоведению. М.: Издательство Восточной литературы, 1963. С. 49.

¹³ Цит. по: Зайцев И.В. Сергей Петрович Олферьев (1875–1942): Судьба дипломата. С. 9.

¹⁴ Цит. по: Там же. С. 8.

¹⁵ Цит. по: Там же. С. 9.

¹⁶ *С[ергей] О[лферьев]*. Письма из Турции (От собственного корреспондента) // Пермский вестник землеустройства (далее ПВЗ). 1912, № 25. С. 11.

¹⁷ Там же.

¹⁸ *Лазарев М.С.* Курдский вопрос (1891–1917). С. 224

¹⁹ *Олферьев С.П.* В верховьях Тигра. С. 95–96.

²⁰ Материалы для описания русско-турецкой войны 1877–1878 гг. на Кавказско-Малоазиатском театре. С планами. Том IV. Тифлис, 1908. С. 7.

²¹ Об этом на примере Крымской войны см.: *Мосаки Н.З.* Политика России в отношении курдских племён на границе с Османской империей во время Крымской войны // Российская история. 2018, № 3. С. 159–170.

²² *С. О.* Письма из Турции // ПВЗ. 1912, № 18. С. 13–14.

²³ Там же. С. 13.

²⁴ Там же. С. 14.

²⁵ Там же.

²⁶ *С. О.* Письма из Турции // ПВЗ. 1912, № 25. С. 11.

²⁷ *С. О.* Письма из Турции // ПВЗ. 1912, № 32.

С. 13.

²⁸ *С. О.* Письма из Турции // ПВЗ. 1912, № 24.

С. 13.

²⁹ *С. О.* Письма из Турции // ПВЗ. 1912, № 25.

С. 11.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² *Киракосян Дж. С.* Младотурки перед судом истории. Ереван: Айастан, 1989. С. 130.

³³ *Лихутин М.* Русские в Азиатской Турции в 1854 и 1855 годах. Из записок о военных действиях Эриванского отряда. СПб., 1863. С. 171–172.

³⁴ *Лазарев М.С.* Курдский вопрос (1891–1917). С. 167.

³⁵ Там же.

³⁶ *С. О.* Письма из Турции // ПВЗ. 1912, № 36. С. 14.

³⁷ Там же.

³⁸ *С. О.* Письма из Турции // ПВЗ. 1912, № 18. С. 14.

³⁹ *С. О.* Письма из Турции // ПВЗ. 1912, № 36. С. 14.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же.

⁴² *С. О.* Письма из Турции // ПВЗ. 1912, № 18. С. 14.

⁴³ Там же.

⁴⁴ *С. О.* Письма из Турции // ПВЗ. 1912, № 24. С. 14.

⁴⁵ *С. О.* Письма из Турции // ПВЗ. 1912, № 25.

С. 11.

⁴⁶ *С. О.* Письма из Турции // ПВЗ. 1912, № 18.

С. 14.

⁴⁷ Там же. См. также: *С. О.* Письма из Турции // ПВЗ. 1912, № 24. С. 13, 14; № 26. С. 12; № 32.

С. 14.

⁴⁸ *С. О.* Письма из Турции // ПВЗ. 1912, № 18.

С. 14.

⁴⁹ *С. О.* Письма из Турции // ПВЗ. 1912, № 22.

С. 14.

⁵⁰ Там же. С. 13.

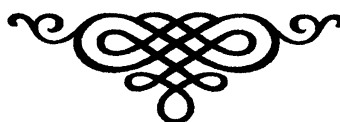
⁵¹ Там же.

⁵² *С. О.* Письма из Турции // ПВЗ. 1912, № 18. С. 13–14

⁵³ *Март Н.Я.* Еще о слове «челеби» (к вопросу о культурном значении курдской народности в истории Передней Азии) // Записки Восточного отделения Императорского Русского археологического общества. СПб., 1911. Т. 20. Вып. 2–3. С. 117.

⁵⁴ *Лазарев М.С.* Категории курдской истории // Лазаревские чтения. Вып. 1 / Отв. ред. О.И. Жигалина. М.: Институт востоковедения РАН, 2012. С. 79.

⁵⁵ *Халфин Н.А.* Борьба за Курдистан (курдский вопрос в международных отношениях XIX в.). М., 1963. С. 20.

С.И. Марахонова

М.Г. ПОПОВ (1884–1930): ОФИЦЕР, ВОСТОКОВЕД, ПЕДАГОГ

Когда широко известный в дальнейшем японовед С.Г. Елисеев в сентябре 1908 г. приехал учиться в Императорский университет в Токио, он поселился недалеко от университета. Сначала, по-видимому, в доме служащего газеты «Майнити», но вскоре ему удалось снять целый дом из семи комнат с небольшим японским садом. В этом доме Елисеев жил не один, а с другим русским студентом – неким Поповым, о чём автору этой статьи стало известно из работы японского исследователя Кавагути¹. Отношения между студентами, видимо, тогда не сложились ввиду разницы целей и интересов. Только что приступивший к изучению японских премудростей Елисеев был вынужден усердно трудиться по 12-14 часов, а Попов, уже в некоторой степени специалист в японском языке, мог позволить себе вести более свободный образ жизни. Как бы там ни было, вскоре Попов покинул этот дом, как потом оказалось, вернувшись в Россию.

Но кто был этот Попов, имя которого не было указано? Сам Кавагути предположил, что это был в дальнейшем известный московский востоковед К.А. Попов, специалист по древнеяпонской литературе. Однако Константин Алексеевич Попов родился в 1903 г. и никак не мог через 5-6 лет находиться в Японии. Долгое время автору не удавалось отождествить это лицо. Но в дальнейшем стало очевидно, что товарищем С.Г. Елисеева в ту пору был Михаил Георгиевич Попов, слушатель Восточного института во Владивостоке, направленный «на практику» в Японию в 1908–1909 гг. уже во второй раз².

Об удивительной и трагической судьбе этого человека, много сделавшего и для царской, и для Советской России и погибшего в сталинских застенках, не было известно почти ничего. Из небытия его вернула книга его племянника, китаевода М.В. Крюкова,

который воссоздал жизнь военного востоковеда на основе ставших теперь доступными документов и собственных обрывочных детских воспоминаний и семейных преданий.

М.Г. Попов родился в Астрахани в небогатой многодетной семье рыбака, затем ставшего счетоводом рыбацкой артели. В 1901 г. юноша окончил реальное училище в Астрахани. В 1903 г. стал выпускником Алексеевского военного училища в Москве, которое, в отличие от ряда привилегированных училищ, в основном комплектовалось разночинной молодёжью. Это было среднее военное учебное заведение для подготовки офицеров пехоты. По окончании училища М.Г. Попов в чине подпоручика был направлен в Маньчжурию в город Далянь (Дальний) для прохождения службы младшим офицером 13-го Восточно-Сибирского полка.

С началом русско-японской войны М.Г. Попов принял участие в боевых действиях. В августе 1905 г. в сражении под Порт-Артуром за высоту Угловые горы он командовал ротой, а в декабре был тяжело ранен в результате разрыва японской мины. После сдачи русскими Порт-Артура находившийся в госпитале Попов попал в плен к японцам. Он оказался в лагере для военнопленных, размещённом в деревне Инаса около Нагасаки.

Инаса называлась «русской деревней», так как ещё задолго до русско-японской войны эта территория была взята в аренду царским правительством с целью создания определённой инфраструктуры для русских моряков. Там был построен госпиталь, Морское собрание, гостиница «Нева», в западной части располагалось кладбище. В дальнейшем Попов говорил, что пребывание в плену в Японии толкнуло его к изучению восточных языков. Через пять месяцев вместе с другими тяжелоранеными М.Г. Попов был освобождён и через Суэцкий канал в

конце 1905 г. добрался до Одессы. После лечения в Санкт-Петербурге осенью 1906 г. он вернулся во Владивосток в свой полк. За оборону Порт-Артура он был награждён орденами Св. Станислава III степени с мечами и Св. Владимира³.

В 1906 г. М.Г. Попов, как и ряд других офицеров, стал слушателем основанного в 1899 г. Восточного института во Владивостоке. Целью института была подготовка востоковедов-практиков и переводчиков для дальневосточных областей России, а также «лиц для административной и торгово-промышленной деятельности на Востоке», как определил задачу института его первый директор А.М. Позднеев⁴. В отличие от Санкт-Петербурга с его классическим востоковедением, во Владивостоке упор делался на изучение современных восточных языков.

Об учёбе М.Г. Попова во Владивостоке известно крайне мало. Сам он не оставил после себя каких-либо записей о своей жизни. Очень подробно ситуация в Восточном институте тех лет представлена в воспоминаниях китаиста И.Г. Баранова⁵, записанных, правда, много лет спустя. И.Г. Баранов учился там практически одновременно с М.Г. Поповым, поступив в Восточный институт лишь годом позднее него. Однако, поскольку слушатели-офицеры и студенты из гражданских лиц жили отдельно друг от друга и общение между ними намеренно ограничивалось правилами института, непосредственные сведения о Попове в данном источнике отсутствуют. Тем не менее, значение его трудно переоценить, поскольку в нём подробно отражены важнейшие реалии институтской жизни, правила и традиции института. И всё, что написано Барановым о слушателях-офицерах, в полной мере относится к М.Г. Попову.

Баранов особо отмечает разнообразие слушателей института из офицерского состава. «Офицеры... имели формы разных полков: пехотных стрелковых сибирских, казачьих, Заамурского округа пограничной стражи... Они находились в молодом и среднем возрасте: подпоручики, поручики, штабс-капитаны, капитаны, сотники. При-

амурский военный округ учредил для офицеров при Восточном институте Окружную подготовительную школу восточных языков. Они поступали в школу по особому экзамену и именовались офицерами-слушателями Восточного института. Им предоставлялось право прохождения полного курса всех научных дисциплин Восточного института и получения аттестатов об окончании института наравне с гражданскими студентами.

Офицеры, женатые и холостые, жили в городе на частных квартирах (в отличие от студентов, проживавших в общежитии института. — *Авт.*). В институте за ними наблюдал заведующий, старший офицер в чине подполковника или полковника. В нелекционные часы они изолировались от гражданских студентов. Они уходили после звонка с лекции в специально отведённую для них комнату в нижнем этаже, где могли пить чай из приготовленного для них самовара, отдыхать, читать газеты, готовиться к лекциям. По отношению к гражданским студентам, которые часто отличались от них и своим возрастом, и материальным положением, и политическими взглядами, они держали себя корректно, однако редко вступали в близкие дружеские отношения.

В материальном отношении офицеры были обеспечены хорошо... На летние каникулы они получали заграничные командировки для практики в восточных языках и ознакомления с изучаемыми странами⁶. За границей одевались в штатское платье и так же, как студенты, нанимали себе из местных жителей частных преподавателей языков. Дисциплина требовала от них аккуратного посещения лекций и столь же аккуратного представления после своих командировок отчётных работ⁷.

Поездки студентов и слушателей на Восток, особо необходимые ввиду сугубо практической направленности Восточного института и вполне доступные благодаря близости Владивостока к Китаю, Японии и Корее, в учебном заведении были налажены вскоре после его открытия. «Виз и заграничных паспортов для поездки в Китай и Япо-

нию тогда не требовалось. Достаточно было иметь особое удостоверение личности, выданное Восточным институтом»⁸.

Помимо совершенствования в разговорном языке, студент должен был собрать материал для написания на доступном ему уровне отчётной работы на избранную актуальную тему. М.Г. Попов в 1906 г. побывал на такой «практике» в Китае, а в 1907–1908 гг. и в 1908–1909 гг. – в Японии. Тогда он и встретился с С.Г. Елисеевым и некоторое время жил с ним в одном доме. Очевидно, материальная обеспеченность М.Г. Попова как слушателя-офицера позволила ему снять дом совместно с С.Г. Елисеевым, обладавшим значительными средствами. Большинство студентов во время практики вынуждены были мириться с плохими бытовыми условиями.

Ввиду объективных обстоятельств (возраст, дисциплинированность, большая мотивированность) военные слушатели часто превосходили гражданских студентов в своих успехах. «Письменные отчеты офицеров-слушателей представляли большой интерес не только с военной точки зрения, но и вообще с научной»⁹. И.Г. Баранов упоминает названия отчётных работ двух слушателей-офицеров, посвящённых каким-то военным вопросам, но отчётов М.Г. Попова среди них нет. Как нет их и в других источниках, доступных автору этой статьи.

М.Г. Попов окончил японско-китайское отделение Восточного института. В институте практиковалась особая система обучения: специализация начиналась лишь со второго курса. «На первом курсе велось преподавание только четырех предметов: китайского разговорного языка, английского языка, географии Китая и политэкономии. Как необязательный преподавался французский язык, утром с 8 до 9 часов, т.е. до начала других лекций. Языки: японский, монгольский, маньчжурский, корейский и необязательный тибетский начинались со второго курса, когда студенты сами выбирали одно из отделений: китайско-маньчжурское, японско-китайское, монгольско-китайское и корейско-китайское»¹⁰. Наиболее популяр-

ны были китайское и японское отделения, наименее востребовано – монгольское.

Преподавание обязательного для студентов и слушателей всех отделений Восточного института китайского языка проводил профессор А.В. Рудаков¹¹. И.Г. Баранов описывает связанную с А.В. Рудаковым, во время его учёбы бывшего директором Восточного института, забавную историю. После своей поездки в Санкт-Петербург в Министерство просвещения директор встретился со студентами в общежитии. Он рассказал, что, помимо приёма у министра, удостоился аудиенции у Николая II. «Царь заинтересовался тем, много ли офицеров обучается в Восточном институте, а когда зашла речь о китайско-маньчжурском отделении института, то спросил: “Какая разница между китайским и маньчжурским языками?”»¹².

Другим преподавателем китайского был профессор П.П. Шмидт¹³, читавший также маньчжурский язык.

Японскому языку обучал студентов профессор Е.Г. Спальвин, выпускник Факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета по китайско-маньчжурскому разряду, который довёл до совершенства свой факультативный японский, находясь в 1899–1900 гг. в Японии. Страноведение дальневосточных стран читал профессор Н.В. Кюнер¹⁴. Если Е.Г. Спальвина Баранов характеризует как «строгого», то о Н.В. Кюнере, который был в то время инспектором студентов Восточного института, отзываясь как о «добрейшем и прекраснейшем человеке».

М.Г. Попов выпустился из Восточного института в 1912 г. Процедура окончания обучения проходила самым строгим и аскетичным образом. «Выпускного акта и торжественной раздачи дипломов не устраивалось. Никаких собраний выпускников, никаких напутственных слов со стороны их бывших учителей и никаких прощальных речей окончивших в адрес профессоров не было. Закончивший выпускные экзамены платил 5 рублей за изготовление диплома, который печатался в типографии Восточного инсти-

тута, и получал в канцелярии свой диплом»¹⁵.

И.Г. Баранов, по-видимому, не был достаточно близко знаком с М.Г. Поповым, чтобы сделать его героем своих воспоминаний. Однако на одной из первых страниц он оставил потрясающую запись, связанную с М.Г. Поповым. «Александра Георгиевна Попова, единственная будущая студентка нашего курса, прибыла из Астрахани по окончании в России средней школы и во Франции какого-то учебного заведения»¹⁶. Это никто иная, как старшая из сестер Попова, названная у М.В. Крюкова тетей Асей, которая «когда-то училась в Швейцарии и свободно владела несколькими иностранными языками».¹⁷ Крюков не упоминает о её учёбе в Восточном институте. Ничего больше не пишет об А.Г. Поповой и Баранов, но если его информация верна, он должен был быть хорошо знаком через неё и с её братом.

По окончании института М.Г. Попов вернулся в полк и был произведён в чин штабс-капитана¹⁸. В 1913–1914 гг. он заведовал Школой восточных языков на Дальнем Востоке. В 1914 г. вступил в брак с Анной Александровной Савиной, происходившей из дворянского рода воспитанницей Смольного института.

Во время Первой мировой войны М.Г. Попов вернулся в армию и в составе своего 13-го Восточно-Сибирского (затем Сибирского) полка служил на Северо-Западном и Северном фронтах. Получил несколько боевых ранений. За личное мужество в боях на территории Польши был удостоен Золотого Георгиевского оружия, которое представляло собой саблю, а на её эфесе была сделана надпись: «За храбрость». Обладатели Золотого оружия причислялись к кавалерам ордена Святого Георгия – одной из самых почётных наград русской армии. М.Г. Попов был также награждён орденом Св. Анны всех трёх степеней. В 1916 г. он получил чин полковника, а в декабре 1917 г., когда в армии была введена выборность командиров, на общем собрании 13-го Сибирского полка, которым он командовал, Попов был переизбран на ту же должность.

Весной 1918 г. процесс демобилизации «старой» русской армии, начавшийся ещё в ноябре 1917 г., был завершён. По приказу наркома по военным делам Л.Д. Троцкого М.Г. Попов был откомандирован в Петроград в распоряжение Народного комиссариата по иностранным делам. Однако очень скоро, в связи с переездом советских учреждений в Москву, тоже перебрался в новую столицу. В НКВД бывший офицер, владевший двумя восточными языками, оказался в распоряжении А.Н. Вознесенского¹⁹, который заведовал Восточным отделом.

Наркомом иностранных дел был в то время Г.В. Чичерин, а одним из его заместителей – Л.М. Карахан²⁰. Именно Карахан курировал в НКВД страны Востока, определял политику РСФСР в отношении Китая и в дальнейшем стал первым советским послом в Китае. Он же отвечал за подбор новых кадров для наркомата и проводил ознакомительную беседу с М.Г. Поповым. Однако по странному стечению обстоятельств, они могли бы познакомиться ещё лет 10 назад во Владивостоке.

Интересное отражение этот малоизвестный период жизни Карахана нашёл в воспоминаниях И.Г. Баранова. Баранов, вынужденный во время учёбы подрабатывать, давал уроки гимназистам. «Некоторое время брал у меня уроки латинского языка появившийся тогда во Владивостоке, в гимназической форме, Лев Карахан. Он выглядел ещё совсем молодым юношей. Латынь заинтересовать его не могла и вызывала у него на уроках зевоту. Он вовлёкся в партийную работу. Было, что он завёл разговор со мной о том, нельзя ли спрятать партию какого-то огнестрельного оружия на чердаке Восточного института... Я предполагал, что на Кавказе Льва исключили из гимназии за политическую неблагонадёжность. На Дальнем Востоке жили какие-то его родственники. Он прибыл во Владивосток с целью выдержать экстерном в тамошней гимназии экзамены на аттестат зрелости. Однако его из-за плохой подготовки по предметам гимназической программы ожидал на экзаменах провал... Уже только осенью 1911 г. я слу-

чайно видел его ещё раз в коридоре Петербургского университета. Он добыл аттестат зрелости в гимназии Царского Села и поступил в университет»²¹.

Чрезвычайно важными для советской власти оказались отношения с Китаем, в котором недавно была свергнута монархия и образована республика. В Советской России надеялись, что именно Китайская республика одной из первых признает РСФСР. Большинство чиновников российского МИД и старых российских дипломатических сотрудников, работавших за рубежом, отказались служить новому советскому правительству. Поэтому было принято решение о создании в ряде стран консульств, которые будут представлять интересы РСФСР. Старый посланник в Китае, князь Н.А. Кудашев²², назначенный на должность в марте 1916 г., был лишён советской властью полномочий. Полномочным представителем Советской России в Китае был назначен А.Н. Вознесенский²³. Однако поскольку китайское правительство продолжало сотрудничать с Кудашевым, оно несколько раз отказывало Вознесенскому во въездной визе. Тогда в НКИДе было принято нетривиальное решение – направить в Китай российского консула в качестве частного лица. А после установления дипломатических отношений между двумя государствами, которое представлялось советской стороне вопросом ближайшего времени, консул должен был вступить в должность официально.

В результате таким негласным советским консулом в Китае был назначен М.Г. Попов, обладавший большим жизненным опытом и хорошим знанием китайского языка. Через Владивосток он добрался до Шанхая, но его поездка окончилась неудачей. Китайское правительство, так и не признав РСФСР, работало со старым российским консулом, не считаясь с советским. М.Г. Попов вынужден был вернуться во Владивосток.

Однако к лету 1918 г. ситуация во Владивостоке кардинально изменилась. Мятеж чехословацкого корпуса в Сибири привёл к установлению власти антибольшевистских

сил на обширных территориях России, в частности, Приморья. Советская власть во Владивостоке также была свергнута, и во главе стало Временное правительство Автономной Сибири под руководством П.Я. Дербера²⁴. Вернувшийся из Шанхая М.Г. Попов, по его собственным словам, служил в правительстве Дербера. После самороспуска правительства в октябре 1918 г. Попов был арестован командующим Сибирской армией Уфимской директории генерал-майором П.П. Ивановым-Риновым²⁵, согласно указу которого все офицеры, служившие у большевиков, считались предателями.

Попов провёл в тюрьме три месяца. Ввиду недоказанности обвинения в большевизме весной 1919 г. он был освобождён и сумел устроиться переводчиком с английского в американскую контору «Information Bureau» во Владивостоке. Одновременно он служил секретарём Русско-японского общества²⁶.

Весной 1920 г. в тяжелой международной обстановке на Дальнем Востоке была создана демократическая Дальневосточная республика (ДВР) – буферное государство, имевшее целью предотвратить военное столкновение между РСФСР и Японией, лишив их общей границы. Вся полнота власти принадлежала Приморской областной земской управе. Она не подчинялась СНК РСФСР, но была связующим звеном между Москвой и теми силами внутри Китая (прежде всего – Сунь Ятсеном²⁷), которые не признавали Пекинское правительство и стремились к его свержению²⁸.

В феврале 1920 г. М.В. Попов служил драгоманом при командующем войсками и военном министре ДВР Аркадии Краковецком. Вскоре по поручению НКИД, переданному через Краковецкого, Попов стал первым советским эмиссаром в Китае и выполнял секретную миссию. Очевидно, отправить советского представителя в Китай непосредственно из Москвы было невозможно. Поэтому и был послан находившийся во Владивостоке китаист М.Г. Попов, который поехал в Китай в качестве полковника старой русской армии. Для подтверждения

легенды он имел командировочное удостоверение от кредитной канцелярии Министерства финансов Приморской земской управы.

В марте 1920 г. М.Г. Попов встретился в Шанхае с Сунь Ятсеном, на которого Советская Россия делала ставку в продвижении коммунистических идей на Восток. Он же, в свою очередь, хотел использовать военную помощь РСФСР в своих целях – свержения Пекинского и Кантонского правительств и объединения Китая силой оружия. Интерес вызывает характеристика Попова и его миссии, предоставленная, со слов агента, генеральным консулом США в Шанхае своему правительству. У генконсула не вызвала сомнений связь российского эмиссара с большевиками.

«[Полковник Попов] прибыл с мандатом, выданным ему командующим большевистскими войсками в Амурской области... Его миссия носит секретный характер, и он никому не открывает её цели. Он не вовлечён в пропаганду.

...Полковник Попов читает, пишет и говорит по-китайски и по-японски; он переводил на русский язык японскую поэзию. Он служил в армии при старом режиме и был пять или шесть раз ранен. В 1918 г. он был послан Троцким для принятия всей собственности, принадлежащей России на Дальнем Востоке, но был взят в плен чехами и попал в тюрьму.

Во время своего нынешнего визита он встречался с д-ром Сунь Ятсеном, который обсуждал с ним возможности сотрудничества.

Полковник Попов пришёл к выводу, что планы д-ра Суня неосуществимы. Он сказал, что большевики устали от войны и хотят мира. Он охарактеризовал д-ра Суня как старомодного милитариста, который не видит иного пути спасения своей родины, кроме военного.

Полковник Попов встречался также с корейцами, студентами и т.д., но в его намерения входило составить себе представление о местной ситуации. Он привёз с собой письмо от русских студентов во Владивостоке,

адресованное китайским и корейским студентам.

По его поведению я делаю вывод, что полковник Попов был послан для ознакомления с ситуацией и перспективами на будущее, а также для того, чтобы выяснить состояние дел здешнего российского консульства.

Местные русские не знают, ради чего он приехал, а он не информировал их об этом. Он сообщил мне, что их идеи и способности не произвели на него сильного впечатления...»²⁹.

Сунь Ятсен не только надеялся на военную помощь РСФСР в плане введения частей Красной армии через Туркестан в северо-западные провинции Китая для дальнейшего похода на Пекин, но и рассчитывал на участие советских войск в низложении Кантонского правительства на Юге Китая, которое он ещё недавно возглавлял³⁰. Однако этот план Сунь Ятсена был отвергнут М.Г. Поповым ввиду его нереальности.

Возвратившись во Владивосток, М.Г. Попов до середины 1921 г. работал в ДВР, занимая различные руководящие посты. В апреле 1920 г., после попытки переворота, устроенной японцами в ДВР, он был председателем Главной русско-японской согласительной комиссии с российской стороны. В результате успешных переговоров власть Приморской земской управы была восстановлена. В 1921 г. после захвата власти белыми М.Г. Попов был арестован и выслан из Владивостока сначала в Харбин, а затем в Читу. В Чите летом 1921 г. он возглавлял Отдел по делам Китая при МИД ДВР³¹.

В дальнейшей судьбе М.Г. Попова положительную роль сыграло его близкое знакомство с уполномоченным НКВД на Дальнем Востоке В.Д. Виленским³². В 1921 г. В.Д. Виленский был назначен комиссаром Военной академии РККА, и вскоре он добился вызова М.Г. Попова в Москву. Прибыв в августе 1921 г. в Москву, востоковед начал преподавать японский язык и экономику Японии в Военной академии РККА, где работал до своего ареста.

В 1921 г. директор реорганизованного из ЦИЖВЯ Московского института востоковедения А.Е. Снесарев³³, хорошо знакомый с Поповым по Военной академии, пригласил его в институт преподавателем китайского языка. Там нужен был востоковед-практик, бывавший в Китае. Позднее М.Г. Попов стал профессором и заведующим кафедрой китайского языка. Во время летних каникул он ездил со своими студентами на практику на Дальний Восток, а весной 1929 г. они побывали на Камчатке, как пишет сам Попов, по командировке от Дальрыбы³⁴.

В.Р. Никитина упоминала М.Г. Попова в своих воспоминаниях: «Некоторое время я тоже училась в Институте Живых Восточных Языков, где вместе с ним (Н.М. Поповым-Тативой. – *Авт.*) преподавал и другой Попов, тоже японист, Михаил Георгиевич»³⁵. Как специалисту-дальневосточнику ему в эти годы приходилось иметь дела с иностранцами – японцами. Так, по поручению НКВД М.Г. Попов был цензором японского журналиста Отаки, специального корреспондента газеты «Осака-майнити», а затем цензором журналиста Курода. В 1925 г. он получил официальное разрешение начальника Военной академии на преподавание русского языка морскому атташе японского посольства Масаки, который обратился к Попову с такой просьбой. В 1927 г. всяческие связи М.Г. Попова с иностранцами по требованию Академии были прекращены. Никто не мог предположить, что бывшие культурные и деловые контакты вскоре сыграют в жизни советского востоковеда трагическую роль, равно как и его пребывание в японском плену в далёком 1905 г.

М.Г. Попов проживал в Москве в переулке Сивцев Вражек, д. 35, кв. 15 вместе со своей семьёй, семьёй свояченицы Августы Барнашвейлевой и неженатым шурином Аполлоном Савиным³⁶. Барнашвейлевы любили устраивать у себя вечеринки, на которых бывали и малознакомые им люди. И хотя сам Попов практически не принимал участия в таких встречах, по навету одного из таких «гостей» он оказался на Лубянке.

23 декабря 1929 г. он был арестован у себя дома. На следующий день во время первого допроса ему было предъявлено обвинение в том, что он был белым офицером и начальником контрразведки у И.П. Калмыкова³⁷, войскового атамана Уссурийского казачьего войска, а также военным атташе в Китае от Временного правительства Дербера. Все эти обвинения были абсурдны и нелогичны: как с такой биографией Попов мог быть направлен в Москву по рекомендации Дальбюро НКВД, да еще и в Военную академию? Был он обвинён и в принадлежности к масонской ложе «Гармония», однако он всё отрицал.

По определению одного из её членов, Московская масонская ложа «Гармония» была основана в 1923–1924 гг. как филиал центральной (всероссийской) ложи «Астрей» в Ленинграде. Программа ложи заключалась в изучении мистической литературы и мистической практики, т.е. дыхательных упражнений йогизма, тренировки сознания, изучения телепатии и прочее. Никаких политических целей ложа «Гармония» не преследовала, и никаких политических разговоров среди членов не велось³⁸. Так или иначе, ложа «Гармония» была официально распущена по настоянию её руководителя Сергея Полисадова³⁹ в 1925 г., так как он убедился в отрицательном отношении к масонам со стороны ОГПУ. Но неофициально она, возможно, продолжала существовать ещё какое-то время.

М.Г. Попов был вовлечён в масонскую деятельность в декабре 1928 г. своим знакомым, преподавателем английского языка П.М. Кейзером-Ясманом⁴⁰. Деятельность эта заключалась в обсуждении религиозно-философских проблем, «вещей духовного характера, “становления духа”, мистики, интуиции»⁴¹. Интерес к такой тематике отнюдь не был странным и предвсудительным для востоковеда М.Г. Попова, поскольку изучение буддизма, даосизма, синтоизма и других восточных религиозно-философских течений составляло неотъемлемую часть его профессиональной подготовки. Ещё во время учёбы в Восточном институте он особен-

ность, состоя в к.-р. организации. ...Они устраивали вечеринки своих единомышленников, участников организации, на которых обсуждали контрреволюционного порядка мероприятия... Будучи сам противником советской власти и ВКП(б), я знал, что Снесарев Андрей Евгеньевич также не воспринимает советскую действительность, является контрреволюционером по своим убеждениям. Исходя из этого критерия, я сошёлся первоначально довольно близко с ним, а затем с профессором Озеровым Иваном Христофоровичем⁴⁸, который по своим убеждениям также является противником советской власти, и с ним совместно, организовав ячейку контрреволюционной организации "Русский национальный союз", повели к.-р. деятельность, направленную к свержению советской власти... Контрреволюционная деятельность нашей группы "Русского национального союза" пока не проявлялась в каких-либо конкретных действиях и мероприятиях, а ограничивалась лишь обсуждением политического положения страны, организационными мероприятиями по вовлечению новых участников или в накоплении сил и кадров и в обработке их на случай, удобный к выступлению»⁴⁹.

Но в действительности судьба М.Г. Попова была решена чекистами гораздо раньше, уже после самых первых допросов, если не до них. Надуманные страшные обвинения в глазах чекистов вовсе не требовали достоверных подтверждений. «1930 года января 20 дня ст. уполномоченный 7 отд. КРО ОГПУ Кононович, рассмотрев следственный материал по делу №85569, нашёл, что гр. Попов Михаил Георгиевич, быв. полковник, был одним из активнейших организаторов контрреволюционной организации, преследовавшей свержение сов. власти и установление в СССР конституционной монархии. Кроме этого, Попов подготавливал совершение ряда террористических актов против представителей сов. власти и ВКП(б) и в течение ряда лет занимался шпионажем в пользу иностранных государств, поддерживая в этих целях связь с представителями иностранных посольств в Москве. Из выше-

изложенного устанавливается, что гр. Попов Михаил Георгиевич достаточно изобличается в контрреволюционной, террористической и шпионской деятельности, а потому на основании 128 ст. Уголовно-процессуального кодекса постановил: названного Попова Михаила Георгиевича привлечь в качестве обвиняемого по 58/6, 58/8, 58/11 статьям Уголовного кодекса, избрав меру пресечения – содержание его под стражей и отстранив его со дня ареста от занимавшихся им должностей в Военной академии и Институте востоковедения»⁵⁰.

По делу логи «Гармония», переросшему в дело РНС, было арестовано большое количество людей. До приговора дошли 53 человека, среди них М.Г. Попов, А.Е. Снесарев, И.Х. Озеров, П.М. Кейзер-Ясман, В.А. Барнашвейлев, А.А. Савин. 10 августа 1930 г. В.Г. Менжинский⁵¹ утвердил М.Г. Попову обвинительное заключение, в котором приводились недостоверные данные его биографии и фальшивые, ничем не доказанные обвинения. «Подготовительная работа велась в расчёте, с одной стороны, на совершение индивидуальных террористических актов над т.т. Сталиным, Бухариным... Дзержинским и др., а с другой – на совершение такого террористического акта, который повлёк бы за собой уничтожение почти всего советского правительства, вождей и руководителей ВКП(б)... Следствием не выяснена прямая связь на почве контрреволюционной деятельности "Русского национального союза" с иностранцами, но отдельные участники организации, как, например, Попов М.Г., Озеров И.Х., были связаны в течение ряда лет, на почве шпионажа в пользу иностранных государств, первый – с японской, а второй – с германской и эстонской миссиями в Москве... Попов, по данным ОГПУ, характеризуется как занимающийся шпионажем в пользу Японии примерно с 1905 г., т.е. с того времени, когда он возвратился из японского плена, в который он попал во время русско-японской войны. Будучи пленён, он был завербован японской разведкой...»⁵².

13 августа 1930 г. решением коллегии ОГПУ 20 обвиняемых⁵³ были приговорены к

высшей мере наказания, но пяти из них (в частности, Снесареву и Озерову) она была заменена на 10 лет лагерей. М.Г. Попов был расстрелян 17 августа. Реабилитирован он был 16 января 1989 г. по заявлению своего племянника китаевода М.В. Крюкова, родившегося уже после его смерти и названного Михаилом в его честь.

Примечания

¹ *Кавагучи Хисао*. Тонко: ни юкикау хитоби-то. Люди, посещавшие Дуньхуан // Тонко: ёри но кадзэ. Ветер из Дуньхуана. 2001. Т. 6. Префектура Нагано: Мэйдзисёин. С. 142.; *Марахоннова С.И.* Орден Священного сокровища Сергея Елисеева. Как сын русского купца стал основателем американского японоведения. СПб.: СИНЭЛ, 2016. С. 37.

² Автор благодарит старшего научного сотрудника ИВ РАН к.и.н. В.Ц. Головачёва за ценную подсказку о М.Г. Попове.

³ *Крюков М.В.* Улица Мольера, 29. Секретная миссия полковника Попова. М.: Памятники исторической мысли, 2000. С. 86-87.

⁴ *Серов В.М.* Становление Восточного института (1899–1909 гг.) // Известия Восточного института. Вып. 1. 1994. С. 15. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-vostochnogo-instituta-1899-1909-gg>, свободный. Последнее обновление 07.03.2017.

Позднеев Алексей Матвеевич (1851–1920) – монголовед, доктор монгольской и калмыцкой словесности. Профессор Санкт-Петербургского университета, в 1899–1903 гг. первый директор и профессор Восточного института. До 1917 г. член Совета при Министерстве народного просвещения.

⁵ Баранов Ипполит Гаврилович (1886–1972) – китаевед, выпускник Восточного института. Был направлен в управление КВЖД в Харбине, где преподавал китайский и русский языки, географию Китая и пр. в коммерческих училищах, затем в Юридическом институте. По возвращении в СССР преподавал китайский в Алма-Ате.

⁶ Тут есть некоторое противоречие. Командировки предоставлялись обычно летом, однако М.Г. Попов датировал свои командировки в Японию 1907–1908 и 1908–1909 гг.

⁷ Архив востоковедов Института восточных рукописей РАН (АВ ИВР РАН). Ф. 153. Оп. 1. Д. 2. Л. 39–41.

⁸ Там же. Л. 78.

⁹ Там же. Л. 42.

¹⁰ Там же. Л. 44–45.

¹¹ Рудаков Аполлинарий Васильевич (1871–1949) – китаевед, маньчжурист, один из основателей Восточного института. Профессор. Помимо китайского и маньчжурского языков преподавал современную историю Китая, Кореи, Японии, а также социально-экономическую и культурную историю Маньчжурии. В 1906–1917 гг. – директор Восточного института.

¹² АВ ИВР РАН. Ф. 153. Оп. 1. Д. 2. Л. 8.

¹³ Шмидт Петр Петрович (1869–1938) – востоковед-китаевед, этнограф. Работал во Владивостоке. С 1919 г. – профессор Латвийского государственного университета.

¹⁴ Кюннер Николай Васильевич (1877–1955) – востоковед-историк, этнограф, историк материальной культуры Китая, Японии, Кореи, Монголии и Тувы. Во время обучения на факультете восточных языков был удостоен Золотой медали за студенческую работу. После отъезда из Владивостока – профессор ЛГУ и сотрудник Института этнографии АН СССР в Ленинграде.

¹⁵ АВ ИВР РАН. Ф. 153. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 142.

¹⁶ Там же. Л. 19.

¹⁷ *Крюков М.В.* Улица Мольера, 29. С. 78.

¹⁸ Там же. С. 90.

¹⁹ Вознесенский (Вознесенский-Владимиров) Арсений Николаевич (1881–1937) – китаист, японовед, дипломат. Служил в МИД. В 1930-е гг. – заместитель директора Московского института востоковедения. 3 мая 1937 г. арестован по обвинению в шпионаже в пользу японской разведки, подготовке свержения советской власти и измене родине. 25 декабря 1937 г. приговорён к высшей мере наказания.

²⁰ Карахан Лев Михайлович (1889–1937) – революционер, советский дипломат. Родом из Кутаисской губернии. Секретарь советской делегации на мирных переговорах в Брест-Литовске. Зам. наркома иностранных дел, полпред РСФСР в Польше, в Китае и в Турции. В 1937 г. репрессирован.

²¹ АВ ИВР РАН. Ф. 153. Оп. 1. Ед. хр. 2. Л. 28–29.

²² Кудашев Николай Александрович (1868–1925), князь – русский дипломат. Занимал раз-

личные должности в дипмиссиях в Японии, Турции, США, Китае. Посланник в Китае до 1920 г.

²³ *Мировицкая Р.А.* Очерк истории ранних российско-китайских отношений (20-е годы XX в.). С. 337. Электронный ресурс. Режим доступа: [ocherk-istorii-rannih-rossiysko-kitayskih-otnosheniy-20-e-gody-hh-veka.pdf](#), свободный. Последнее обновление 02.03.2017.

²⁴ Дербер Петр Яковлевич (1883–1938) – профессиональный революционер, политический деятель. Октябрьскую революцию не принял. До 1920 г. принимал участие в деятельности антибольшевистских сил в Сибири и на Дальнем Востоке. Затем перешёл на сторону советской власти, работал в Сибревкоме и Сибгосплане. Позднее – в Москве. В 1938 г. репрессирован.

²⁵ Иванов-Ринов Павел Павлович (1869–?) – русский офицер, военный деятель, участник Первой мировой войны. С 1918 г. участник Белого движения в Сибири и на Дальнем Востоке. Был избран войсковым атаманом Сибирского казачества, военный министр Временного Сибирского правительства Уфимской директории. Поддержал А.В. Колчака, затем был начальником штаба атамана Семёнова. В 1922 г. эвакуировался в Корею, затем в Китай, где был завербован ВЧК и вернулся в СССР.

²⁶ Из показаний М.Г. Попова от 24.12.1929. Цит. по: *Эзотерическое масонство в Советской России. Документы 1923–1941 гг.* / Публикация, вступительные статьи, комментарии, указатель А.Л. Никитина. М.: Минувшее, 2005. С. 261.

²⁷ Сунь Ятсен (1866–1925) – китайский революционер-демократ, выдающийся политический деятель. Первый президент Китайской республики в декабре 1911 – апреле 1912 г. Создатель партии Гоминьдан.

²⁸ *Крюков М.В.* Улица Мольера, 29. С. 195.

²⁹ Цит. по: *Крюков М.В.* Улица Мольера, 29. С. 156.

³⁰ Там же. С. 158.

³¹ Там же. С. 222; *Эзотерическое масонство*. С. 261, 270.

³² Виленский-Сибиряков Владимир Дмитриевич (1888–1943) – революционер, политический деятель, литератор, журналист.

³³ Снесарев Андрей Евгеньевич (1865–1937) – военный деятель и педагог, востоковед, географ, этнограф, экономист, социолог, исследователь Индии, Средней Азии, Афганистана. В 1918 г. добровольно вступил в Красную армию. С 1919 г. начальник Академии Генштаба РККА. Ректор Московского института востоковедения.

Служил в ряде других учреждений. Дважды – по делу РВС и по делу «Весна» – высшая мера наказания была ему заменена на 10 лет лагерей. Умер от болезни.

³⁴ *Эзотерическое масонство*. С. 263.

³⁵ *Никитина В.Р.* Дом окнами на закат: Воспоминания / Лит. запись, вступ. ст., коммент. и указ. А.Л. Никитина. М.: Интерграф Сервис, 1996. С. 106.

³⁶ *Крюков М.В.* Улица Мольера, 29. С. 122.

³⁷ Калмыков Иван Павлович (1890–1920) – военный, участник Первой мировой войны, участник Гражданской войны на стороне белых.

³⁸ Из показаний одного из членов ложи «Гармония» П.М. Кейзера-Ясмана. Цит. по: *Эзотерическое масонство*. С. 256.

³⁹ Полисадов Сергей Владимирович (1888–1942) – юрист, экономист, руководитель масонской ложи «Гармония».

⁴⁰ Кейзер-Ясман Петр Михайлович (1896–1930) – преподаватель иностранных языков.

⁴¹ *Эзотерическое масонство*. С. 264.

⁴² Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926) – русский и советский военачальник и военный педагог, генерал-адъютант, выдающийся полководец Первой мировой войны. Перешел на сторону советской власти, с 1920 г. занимал посты в Красной армии.

⁴³ *Эзотерическое масонство*. С. 247.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Цит. по: *Крюков М.В.* Улица Мольера, 29. С. 243.

⁴⁶ Барнашвейлев В.А. (1885–1930) – инженер-путеец. Свояк М.Г. Попова, муж сестры его жены.

⁴⁷ Савин А.А. (1883 – после 1927) – инженер-электрик. Шуринов М.Г. Попова, брат его жены.

⁴⁸ Озеров И.Х. (1869 – после 1936) – экономист, профессор Академии Генштаба РККА.

⁴⁹ Цит. по: *Эзотерическое масонство*. С. 274–275.

⁵⁰ Цит. по: *Крюков М.В.* Улица Мольера, 29. С. 241–242.

⁵¹ Менжинский Вячеслав Георгиевич (1874–1934) – советский партийный деятель, чекист. Работал в ВЧК с декабря 1917 г., в 1926–1934 гг. был председателем ОГПУ. При нём начались массовые политические репрессии.

⁵² *Крюков М.В.* Улица Мольера, 29. С. 244.

⁵³ *Эзотерическое масонство*. С. 247. Крюков, однако, приводит другую цифру – 16 человек (*Крюков М.В.* Улица Мольера, 29. С. 244).

Вальдемар Шмидт

ЮЖНО-АФРИКАНСКИЙ СОЮЗ И НАЦИСТСКАЯ ГЕРМАНИЯ: ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ГОСУДАРСТВ В 1930-Е ГОДЫ

Важным аспектом в исследовании исторического прошлого Южной Африки является освещение вопросов, связанных с периодом 30-х – 40-х годов прошлого столетия, а именно – с проблемой взаимоотношений нацистской Германии и этого африканского государства. К сожалению, этот период в истории Южно-Африканского Союза ещё недостаточно разработан исследователями, несмотря на то, что имеется огромное количество работ о Третьем рейхе, в которых есть упоминания о контактах этих государств в предвоенные годы.

В период существования Третьего рейха у нацистского руководства до 1943 года имелись определённые планы, касавшиеся Африки. Берлин выделял в Африке три области, где нацистская Германия имела интересы: Северную, Центральную и Южную. В борьбе за новое разделение колониальных владений в Африке нацистская Германия стремилась найти союзников.

Требования национал-социалистической Германии по вопросам приобретения колоний были частью борьбы против условий Версальского мирного договора, который лишил Германию её колониальных владений. Особенно интересны в этом плане взаимоотношения в предвоенный период между фашистской Италией и национал-социалистической Германией, в которых колониальный вопрос играл одну из ведущих ролей. Эти государства преследовали одну-единственную цель: ограничить влияние западных держав в колониях. Однако между Римом и Берлином также были и разногласия, касавшиеся раздела колониального влияния.

Первым большим шагом в этом процессе нового разделения Африки стала агрессия фашистской Италии в Эфиопии, которую приветствовала нацистская Германия¹. Организация помощи итальянским фашистам в

Эфиопии являлась неотъемлемой частью колониальной политики нацистской Германии и её интереса к данному региону. С другой стороны, фашистское правительство Италии было также готово помочь нацистской Германии возратить утраченные в годы Первой мировой войны колонии. По выражению министра иностранных дел фашистской Италии Чиано, цель её политики – «помочь Германии в обретении её старых колониальных владений»². Однако эта политика фашистской Италии имела определённые границы.

Чиано, конечно же, не подразумевал, что Италия готова разделить с Германией своё влияние в этом регионе Африки. После завоевания Эфиопии итальянские фашисты были слабо заинтересованы в укреплении влияния Германии в Африке. И, конечно же, их интерес был в том, чтобы экспансия Германии была обращена на Восток, о чём свидетельствует письмо Муссолини Гитлеру от 3 января 1940 года. Муссолини писал: «Решение вашей главной проблемы, вопроса о жизненном пространстве, находится в России и нигде в другом месте»³.

Надо отметить, что первоначально Третий рейх имел не очень большие территориальные притязания в Северной Африке, так как эта область должна была находиться под влиянием фашистской Италии. Гитлер обещал и неоднократно подчеркивал, что он признаёт Северную Африку областью интересов фашистской Италии, однако в 1940–1942 гг. стало очевидно, что в этом регионе имелись также экономические и военные интересы Германии.

Для гитлеровской Германии этот регион представлял интерес в двух аспектах:

1. Германии было необходимо построить военные базы в Северной Африке и на близлежащих островах;

2. Германия стремилась уничтожить французское экономическое влияние в Марокко, Алжире и Тунисе, чтобы установить немецкое господство над экономикой Северной Африки.

Кроме политических и экономических интересов в Северной Африке, нацистская Германия также проявляла интерес к территориальным приобретениям в Центральной Африке – от Атлантического океана до Индийского. В сферу интересов Германии в этом регионе входили следующие территории: Того, Камерун, Французская Экваториальная Африка, область озера Чад, Бельгийское Конго, Танганьика, Уганда, Занзибар, территория южной Кении, Нигерия и Юго-Западная Африка⁴.

«Центрально-Африканская империя» должна была стать для Германии областью, где, по мнению нацистов, можно было не только организовать военные базы, но и непосредственно влиять (в политическом смысле) на Англию.

Гитлер неоднократно подчеркивал экономическую значимость колоний для Германии. Так, 7 сентября 1937 г. он высказал мысль, что «для немецкой экономики всегда был важен один-единственный вопрос, который в течение определённого времени составлял её заботу. Это трудность обеспечения нас продуктами питания. Немецкое “жизненное пространство” без колоний слишком ограничено, чтобы гарантировать безопасное, длительное обеспечение нашего народа продуктами питания»⁵. В связи с этим в Германии возникали различные колониальные предпринимательства, которые делили сферы влияния в Африке: Немецкое Восточноеафриканское общество, Немецкий банк, Банковский дом Шиклера, Берлинское торговое общество и многие другие⁶. Однако, помимо чисто экономических интересов, эта область имела также важное стратегическое значение. Гитлер утверждал, что после приобретения колоний в этом регионе Германия должна строить на их территории военные базы.

Перед началом Второй мировой войны между Германией и Южной Африкой существовали нормальные политические взаимо-

отношения. Южно-Африканский Союз имел посольство в Берлине и консульские отделения в других городах, в то же время Германия имела посольство в Претории. В самой Германии имелись три крупные организации, которые интенсивно поддерживали отношения с Южной Африкой. Это были, прежде всего, заграничные организации НСДАП, министерство иностранных дел и Немецкое южноафриканское общество. Однако начало Второй мировой войны (1939 г.) отчётливо показало неоднородность южноафриканского общества и его отношения к событиям, разворачивавшимся в Европе, и к самой Германии.

Ещё в 1924 г. в Южной Африке на выборах победила Национальная партия, в основном состоявшая из африканеров-националистов, то есть потомков буров, называвших себя африканерами. Идеологической платформой их являлись идея расового превосходства и требование развития национальной культуры⁷.

Перед началом Второй мировой войны в южноафриканском обществе с новой силой разразился конфликт, имевший давнюю историю – между бурами и англоязычным населением страны. Англоязычное население желало поддерживать тесные контакты с Великобританией, а буры (африканеры) требовали полной независимости от Лондона. Кроме того, многие буры не скрывали своих симпатий к Германии и имели прочные экономические связи с немецкими переселенцами в Юго-Западной Африке, которая являлась подмандатной территорией Лиги Наций и находилась под управлением Южно-Африканского Союза⁸. Многочисленные группы африканеров с их доктриной апартеида стояли идеологически близко к нацистскому режиму в Германии.

Раскол произошёл прежде всего в правительстве Южно-Африканского Союза. Ян Сметс⁹ занял пробританскую позицию, которой придерживался ещё в годы Первой мировой войны, и в связи с началом Второй мировой войны заявил о необходимости вступления в боевые действия на стороне Англии. Однако большинство членов прави-

тельства выступило за нейтралитет, а Джеймс Герцог¹⁰ предложил заключить сепаратный мир с Германией.

Надо отметить, что ещё до прихода нацистов к власти в партийном руководстве нацистской партии имелся большой интерес к Южно-Африканскому Союзу в связи с тем, что на его территории проживало огромное количество немецких переселенцев. Поэтому уже в ноябре 1931 г. на территории Южно-Африканского Союза появляется первая партийная ячейка национал-социалистической рабочей партии Германии. Распространение деятельности нацистской партии в Южной Африке начиналось с Кейптауна. В мае 1932 г. Герман Болле основал там местную группу нацистов¹¹. Перед захватом нацистами политической власти в Германии число приверженцев нацистской партии в Южной Африке было ничтожным – 31 человек, а после прихода Гитлера к власти численность членов нацистской партии составила уже 336 человек. В основном членами партии в Южной Африке являлись немецкие переселенцы, каждый шестой немецкий переселенец был членом партии Гитлера¹².

В результате проведения пропагандистской деятельности среди немецких переселенцев в Южной Африке имелось пять местных партийных групп национал-социалистической рабочей партии Германии, а именно в Кейптауне, Йоханнесбурге, Ист-Лондоне, Претории и Дурбане, позже аналогичные группы возникли в Порт-Элизабет, Блумфонтейне, Филлипи (Капской провинции) и северном Трансваале. Цели партийной работы нацистов в Южной Африке концентрировались на двух направлениях:

1. Консолидация всех немецких колонистов, проживавших в Южно-Африканском Союзе, что привело бы к созданию единого общества на постулатах национал-социализма;

2. Другая цель партийной работы национал-социалистических групп в Южно-Африканском Союзе сводилась к тому, чтобы все немецкие переселенцы в Южной Африке уравнивались в правах с гражданами

Третьего рейха, что, по мнению руководителей этих групп, могло бы способствовать упорочению национал-социалистической идеологии в среде переселенцев.

После прихода нацистов к власти у партийных организаций НСДАП в Южной Африке возникли проблемы при использовании для пропагандистских целей двух печатных органов, выходивших на немецком языке. Один из них издавался в Йоханнесбурге – «Deutsche Afrika-Post», другой в Претории – «Deutsch-Afrikaner». Однако использование этих печатных изданий для распространения национал-социалистической идеологии в среде немецких переселенцев, проживавших на территории Южно-Африканского Союза, было возможно только в случае финансирования из нацистской Германии. «Deutsche-Afrikaner» ещё до мая 1933 г. критиковал идеи национал-социализма и, по мнению немецкого генерального консула Вилля, отражал чисто демократически-либеральные позиции, то есть в своей основной концепции придерживался идей Веймарской республики. Следовательно, он был мало пригоден для использования в агитационных и пропагандистских целях.

Другой печатный орган «Deutsche Afrika-Post» со времени своего основания в 1928 г. отражал, по мнению национал-социалистов, ярко монархические взгляды. После захвата нацистами власти в Германии издатель «Afrika-Post» Лотарь Кунце публиковал статьи, направленные против англоязычной прессы Южной Африки. Однако выбор нацистов остановился на газете «Deutsch-Afrikaner», которую они сочли единственным печатным органом в Южной Африке, пригодным для своей пропагандистской деятельности, и именно это печатное издание финансировалось Третьим рейхом.

Интерес нацистской Германии к Южно-Африканскому Союзу объясним также и тем, что после Первой мировой войны, согласно решениям Версальского мирного договора, Германия утратила свои колониальные территории в Африке. В частности, немецкая Юго-Западная Африка по решениям

мирной конференции в Версале была передана под управление Южной Африки. Фашистская Германия в своей внешнеполитической деятельности стремилась подчинить своим целям и своему влиянию немцев, проживавших за границей. Поэтому руководство нацистской Германии проявляло огромный интерес к подмандатным территориям в Африке¹³. Особенно это касалось территории бывшей немецкой Юго-Западной Африки, где в 1936 г. немецкие национальные меньшинства составляли 31,4% от общего числа проживавших на этой территории европейцев¹⁴.

Неслучайно в марте 1938 г. в письме имперского референта НСДАП на имя генерального консула Вилья по этому вопросу было написано следующее: «Я думаю так же, как генерал Эпп, что Юго-Западная Африка является нашей главной задачей. Во-первых, потому, что эта территория приобретает прежде всего экономическое значение для немцев, и позже немецкое культурное влияние повлияет на африканеров (буров), поэтому это нужно любыми средствами укреплять. На основе этих пунктов колониально-политическое ведомство должно проводить свою работу, что в конечном итоге будет способствовать возвращению нашей утраченной колонии»¹⁵.

Вопрос о возвращении Юго-Западной Африки Германии являлся одной из ключевых проблем во взаимоотношениях между обоими государствами. При этом для ЮАС данная территория приобретала всё большее экономическое значение. Исходя из этого, правительство ЮАС пыталось с различных сторон дать понять Германии, что именно оно является в Африке южнее Сахары руководящей силой «по защите европейской цивилизации», и что именно Южная Африка стремится к расширению своих границ дальше реки Замбези. После того как 27 июля 1937 г. немецкий посол Виль посетил премьер-министра ЮАС Герцога, он вновь сообщил в Берлин, что «для Союза Юго-Западная Африка во всех отношениях является важнейшим объектом жизненного значения, и поэтому южно-африканское прави-

тельство не отдаст Германии эту территорию»¹⁶.

Другой проблемой, влиявшей на взаимоотношения государств в предвоенный период, была еврейская. В колониальных изданиях и журналах нацистской Германии всё время делался упор на опасность «всемирного еврейского заговора в Африке». По представлениям нацистов, евреи принадлежали к числу тех, кто распространяет в Африке либеральные и коммунистические идеи, а также призывает местное население к восстанию против европейцев. Кроме этого, по мнению нацистских пропагандистов, евреи состояли в тесной связи с Москвой, откуда получали инструкции по организации пролетарских революций на африканском континенте. Далее нацистская пропаганда вещала, что в случае, когда Германия вновь обретёт колонии в Африке, евреи должны были быть изгнаны оттуда.

Нигде на африканском континенте евреи не были так сильно представлены, как в Южной Африке. Евреи появились на территории современной Южно-Африканской Республики в XVII веке. Это было результатом переселения их из Европы в потоке голландской колонизации. Число евреев в Южной Африке заметно увеличилось в результате их массовой эмиграции из России после погромов 1881 г. В одном из сообщений немецкого консульства в Претории о евреях в Южной Африке говорится, что в 1924 г. там проживало 71 800 евреев, то есть 4,1% от общего числа населения. Массовая эмиграция конца XIX – начала XX века привела к резкому увеличению числа еврейских организаций на территории Южной Африки.

В 1936 г. число евреев достигло 130 000, или 7% от европейского населения Южно-Африканского Союза. В жизни Южной Африки евреи играли важную роль, особенно в экономике. Однако в предвоенный период на территории ЮАС появились многочисленные антисемитские организации. Нацистская Германия требовала от правительства ЮАС незамедлительного решения еврейского вопроса. Особенно усилилось давление на правительство Южно-

Африканского Союза с середины 1930-х гг. Еврейскому вопросу нацистские руководители уделяли больше внимания, чем вопросу расового различия между африканцами и европейцами.

Таблица
Население Южно-Африканского Союза
в 1926 г.¹⁷

Народы	Численность	Общее количество населения в %
Буры	954 440	56,9
Англичане	564 626	33,7
Евреи	72 169	4,3
Немцы	42 694	2,5
Другие народы	42 731	2,6

Возникновение антиеврейских настроений в Южной Африке было тесно связано с быстрыми темпами индустриализации страны в конце XIX в., что, в свою очередь, вызвало массовое обнищание африканеров и затруднение их адаптации в новых индустриальных областях.

Ещё в начале XIX в. совместная жизнь африканеров и евреев была естественной, так как в глазах верующих африканеров еврейский народ рассматривался как избранный народ Божий. Но всё более растущая эмиграция восточноевропейского еврейства с конца Первой мировой войны стала одной из причин изменения в отношениях между африканерами и евреями. В южноафриканском обществе, в среде африканеров, рассматривающих эту эмиграцию как негативное явление для экономического и политического состояния страны, появилось следующее мнение о еврейской эмиграции.

1. Теперь евреи рассматривались местным населением страны как элемент, не приносящий нового капитала. Хотя правительство требовало от каждого переселенца наличности в размере 35 фунтов, большинство восточноевропейских евреев не имело

таких денег, а тайно получало их от южноафриканских евреев, чтобы предъявить чиновникам.

2. Африканеры считали большинство восточноевропейских евреев массой народа, стоявшей на более низком жизненном уровне, чем европейское население Южной Африки.

3. Ещё один момент обострял отношения между африканерами и евреями-переселенцами – это то, что большинство еврейских иммигрантов селилось в городах.

Именно в 1930-х гг. в Южной Африке заметно усилился антисемитизм, проявлявшийся в деятельности нацистских и пронацистских организаций. С октября 1933 г. на политической арене Южной Африки появляется так называемое движение серорубашечников, которое вело ярко выраженную антисемитскую политику. Несмотря на то, что численность данной группы составляла приблизительно 2000 членов, на политической арене Южной Африки она оставалась значительной пронацистски настроенной группировкой.

В 1930–1940-е гг. группировка неоднократно меняла свои названия. Руководитель «серорубашечников» Вайхардт неоднократно подчёркивал, что он сам и его организация не являются марионетками в руках национал-социализма, но выступают за то, чтобы быть «чистым африканером»¹⁸.

Южноафриканское правительство было вынуждено принять 1 мая 1930 г. новый закон об эмиграции. Хотя он и не называл прямо евреев как основной контингент эмигрантов, закон был в полной мере направлен на ограничение эмиграции из стран Восточной Европы. Коалиционное правительство, состоявшее из Национальной партии и Лейбористской партии под руководством премьер-министра Герцога, было вынуждено принять этот закон под натиском избирателей. С помощью данного закона коалиционное правительство искало возможность ограничить рост еврейского населения в южноафриканских городах, где в 30-е годы евреи составляли 60% населения, занятого в сфере торговли, тогда как другое

европейское население в этой сфере составляло всего лишь 20%.

Бесспорно, что преследование евреев в нацистской Германии оказало влияние на усиление антисемитизма в Южной Африке, что нашло отражение в пропагандистских мероприятиях нацистских групп перед избирателями. Хотя правительство Южно-Африканского Союза стремилось ограничить эмиграцию евреев из Европы, Германия в законе 1930 г. не упоминалась в числе государств, из которых не могла идти еврейская эмиграция. Только в 1936 г., в год Олимпийских игр в Южно-Африканский Союз эмигрировало 2549 немецких евреев. Поэтому, начиная с 1936 г., под натиском национал-социалистов правительство ЮАС начинает искать возможности пересмотреть закон 1930 г. об эмиграции.

Именно к этому времени относится попытка южноафриканского политика Ханса ван Ренсбурга обратиться к нацистскому рейху за помощью относительно пересмотра законодательства по отношению к переселившимся евреям. Уже в апреле 1936 г. Ханс ван Ренсбург тайно обращается к руководителю местной партийной ячейки НСДАП Бруно Штиллеру с просьбой помочь ему приобрести в Германии материалы, касающиеся переселения оттуда «нежелательных евреев» в Южную Африку. Штиллер незамедлительно сообщил в министерство иностранных дел Германии об этом разговоре с ван Ренсбургом. В своём письме Штиллер характеризовал ван Ренсбурга как «личность, которая имеет хорошие отношения с немецкими кругами и старается их поддерживать, поэтому он попросил его обсудить этот вопрос с заинтересованными кругами»¹⁹. Однако этот вопрос так и не решился, несмотря на то, что ван Ренсбург искал контакты с Третьим рейхом вплоть до начала войны в Европе.

Одним из драматических периодов в развитии южноафриканского антисемитизма явились события октября 1936 г., когда в Кейптаун прибыло 500 еврейских эмигрантов. Под руководством «серорубашечников», чья штаб-квартира размещалась в

Кейптауне, 1500 человек вышли на акцию протеста, который был направлен против «нежелательного и неограниченного массового еврейского переселения в Южную Африку»²⁰.

После этих событий южно-африканское правительство предприняло шаги по решению этой проблемы и 11 января 1937 г. вынесло на обсуждение новый закон об эмиграции в Южную Африку, пересматривающий аналогичный акт 1930 г. Согласно новому закону 1937 г. об эмиграции, в будущем предстояло создать специальный орган, который должен был решать вопрос о каждом эмигранте отдельно. Однако в законе 1937 г. также ничего не было сказано об эмигрантах-евреях, а решающими критериями являлись проблемы ассимиляции прибывших эмигрантов в Южную Африку.

О дальнейшем усилении антисемитских настроений в Южно-Африканском Союзе свидетельствуют события 1937 г., когда было принято решение различных партийных организаций в Трансваале об исключении евреев и лишении их членства в партии.

Естественно, события, демонстрировавшие отношение к еврейским эмигрантам в Южной Африке, вызвали огромный интерес в национал-социалистических кругах Германии. В посланиях и сообщениях германского консульства в Южно-Африканском Союзе отмечалось, что различные меры относительно еврейских эмигрантов, как со стороны правительства, так оппозиции и общественности, должны были носить долгосрочный характер. Однако нацистское руководство не принимало всерьёз профашистскую группировку «серорубашечников», которая могла бы сыграть решающую роль во внутривнутриполитической ситуации в Южно-Африканском Союзе.

Третьей проблемой во взаимоотношениях между Германией и Южной Африкой в предвоенный период была политика этих государств в отношении Англии. Гитлер и нацистское руководство понимали, что Германия не сможет достичь мирового господства, пока Англия не будет побеждена. Противоречия между Англией и Германией в

предвоенный период очень подробно исследованы во многих трудах историков. Однако важно прояснить, какое влияние эти противоречия между Англией и Германией оказывали на отношения Германии и ЮАС.

Южная Африка для Англии имела прежде всего важное геополитическое значение. С другой стороны, в политическом смысле ЮАС являлся членом Британского Сообщества и проводил политику в рамках этого сообщества. К тому же между Великобританией и Южной Африкой сложились тесные связи — не только политические, но также и экономические.

Как уже отмечалось выше, в предвоенный период в южноафриканском обществе сформировались две группы, по-разному относившиеся к Англии и к Германии. В кругах, симпатизировавших Германии, были предприняты попытки склонить правительство Южной Африки к нейтралитету в европейских событиях 1939 года. Националистические организации африканеров организовывали протесты против политики правительства, посылали петиции и телеграммы правительству о принятии нейтралитета. Однако дальнейшие события показали, что в период Второй мировой войны Южно-Африканский Союз выступил на стороне Англии.

Примечания

¹ Rühle, Gerd. Das Dritte Reich. Jahr 1933–1938. Berlin, 1938. S. 178.

² Ciano, Galeazzo. Tagebücher 1937/1938. Hamburg, 1949. S. 119.

³ Churchill, W.S. Der Zweite Weltkrieg. Bd. 1. Zweites Buch. Stuttgart, 1954. S. 192.

⁴ Kum`a Ndumbe III, A. Nationalsozialismus und Apartheid, Rassenideologie und Geldgeschäfte in den Nord-Süd Beziehungen 1933–1973. Berlin, 2007. S. 23.

⁵ Völkerbund; 1.11.1937, S. 1.

⁶ Hildebrand, K. Vom Reich zum Weltreich // Hitler, NSDAP und koloniale Frage 1919–1945. München, 1969. S. 192.

⁷ См. Marx, Christoph. Südafrika – Geschichte und Gegenwart. Stuttgart, 2012. S. 199–200.

⁸ Conrad, Sebastian. Deutsche Kolonialgeschichte. München, 2008. S. 112.

⁹ Ян Христиан Смэтс (24.05.1870 – 11.09.1950) – южноафриканский государственный и военный деятель. Премьер-министр Южно-Африканского Союза (ЮАС) с 3.09.1919 по 30.06.1924 и с 5.09.1939 по 4.06.1948.

¹⁰ Герцог Джеймс (3.04.1866 – 21.09.1942) – государственный и политический деятель Южно-Африканского Союза. Министр юстиции в 1910–1912 гг. Премьер-министр в 1924–1939 гг. В 1924 г. создал и возглавил Национальную партию. В годы Второй мировой войны Герцог занял профашистскую позицию.

¹¹ См. Hagemann, Albrecht. Südafrika und das “Dritte Reich”. Rassenpolitische Affinität und machtpolitische Revalität. Frankfurt am Main, 1989. S. 65.

¹² Ibid. S. 66.

¹³ Kühne, Horst. Faschistische Kolonialideologie und Zweite Weltkrieg. Berlin, 1962. S. 120.

¹⁴ См. Statistisches Handbuch der Deutschen in Übersee. Stuttgart, 1943. S. 33.

¹⁵ Kum`a Ndumbe III, A. Op. cit. S. 68.

¹⁶ Kum`a Ndumbe III, A. Op. cit. S. 70.

¹⁷ Zech, Hans F. Kampf um Südafrika. Germanenvolk auf Vorposten. Köln, 1939. S. 198.

¹⁸ Nation–Europa, 1964, № 8. S. 63–64.

¹⁹ Rensburg, Hans v. Der weiße Sündenbock. Erinnerungen an die antienglische Widerstandsbewegung. Göttingen, 1964. S. 150.

²⁰ См. Shimani, G. Jews and Zionism: the South African Experience (1910–1967). Kapstadt, 1980. P. 118.

В.В. Беляков

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ПРОТОКОЛ В ЕГИПТЕ

Дипломатических отношений между Советским Союзом и Египтом не было больше четверти века, с Октябрьской революции 1917 года. Советская дипломатическая миссия появилась в Египте только в конце 1943 года, когда итог Второй мировой войны был уже очевиден. Советские дипломаты в новой стране понемногу осваивались, знакомясь с особенностями местного колорита. Тем более что Египет, особенно в годы войны, согласно договору 1936 года находился в зависимости от Англии. Только Великобритания, да ещё Иран имели в Каире посольства. Остальные государства – лишь дипломатические миссии.

К 1945 году советские дипломаты освоились, и, вероятно, получили из Москвы задание сообщить об особенностях дипломатического протокола в Египте. Что и было добросовестно сделано одним из сотрудников советской миссии. В представляемом тексте сделаны незначительные сокращения.

* * *

Формально самостоятельное суверенное государство Египет – фактически является страной, зависимой от иностранного империализма, и в первую очередь от английского. Эта зависимость наложила отпечаток во всех областях политической, общественной и хозяйственной жизни страны. Англичане ведут себя здесь как полновластные хозяева, и это ощущается всеми и во всём. Английские власти полностью осуществляют контроль над печатью, радио, деятельностью всевозможных общественных организаций и т.д. Эта полуколониальная зависимость сказывается и в вопросах протокольного характера.

Англичане везде и всегда на особом положении, им оказывается явное предпочтение на всевозможных церемониях и торже-

ственных приёмах. Если на торжестве или приёме присутствует король Египта, то английский посол лорд Киллеарн не знает другого места, кроме как быть рядом с королём.

Машинам английского посла и других английских дипломатов всегда отводятся особые, самые удобные места. На всех других приёмах, где не присутствует король, английский посол – самая высокопоставленная личность для всех, включая и министров египетского правительства. И в отношениях других английских дипломатов и даже простых чиновников везде можно наблюдать всяческие старания египтян (полиции, чиновников) во всяких мелочах угодить «хозяевам».

Дипломатический протокол

Дипломатический протокол представляет собой комплекс различных норм и правил общения между дипломатическими представителями и правительством данной страны, а также между членами посольств или миссий, находящихся в данной стране.

Кроме общепринятых правил дипломатического протокола, установленных ещё на Венском конгрессе в 1815 г., обязательных для каждого дипломата, существуют ещё некоторые правила и обычаи, установленные или исторически сложившиеся в данной стране. Например, существуют особые церемонии при вручении верительных грамот, на торжественных приёмах и т.д.

Египетский протокол мало чем отличается от общепринятого большинством стран официального дипломатического протокола, но есть некоторые особенности восточной пышности, которые приняты в Египте. Например, присылка королевских золотых карет, специальные эскорты гвардии, бегуны при следовании на церемонию при вручении верительных грамот, встречи царедворцем во дворце и т.д.

Дипломатические ранги, старшинство и т.д.

Дипломатических рангов и старшинства послов и посланников в Египте строго придерживаются.

Египетское министерство иностранных дел ежегодно издаёт полный список членов дипломатического корпуса с перечислением всех послов и посланников в хронологическом порядке, причём дата вручения верительных грамот королю считается вступлением дипломатического представителя в исполнение своих функций.

В список дипломатического корпуса включаются все члены посольств и миссий, имеющие дипломатические звания: послы, посланники, советники, секретари и атташе. К списку даётся приложение, в котором указываются национальные праздники стран, аккредитованных при египетском королевском дворе, и перечень специально египетских праздников, в большинстве своём религиозных, которые европейскими дипломатами не празднуются. Дипломатические представители мусульманских стран эти праздники празднуют, и их приглашают на специальные богослужения и всякие мусульманские религиозные торжества, устраиваемые по этому случаю в Египте.

Общегосударственными национальными праздниками египтян считаются день рождения короля Фарука I-го – 11 февраля, день конституции – 15 марта и день вступления короля на престол – 6 мая. В эти дни установлено, что все послы и посланники ездят во дворец короля расписываться по случаю праздника в специально для этого имеющейся книге. На зданиях дипломатических миссий каждая миссия вывешивает свой государственный флаг.

Состав дипломатического корпуса в Египте

При египетском королевском дворе существует дипломатический корпус, в котором представлены следующие страны. Посольства: Великобритания, Иран. Дипломатические миссии: Абиссиния, Афганистан, Албания, Бразилия, Бельгия, Греция, Гол-

ландия, Дания, Ирак, Испания, Китай, Норвегия, Португалия, Польша, США, СССР, Саудовская Аравия, Турция, Швеция, Швейцария, Чили, Чехословакия, Югославия.

Дуайеном египетского дипломатического корпуса является английский посол лорд Киллеарн, который находится здесь с 12 января 1937 года.

Дипломатические привилегии и неприкосновенность дипломата

Члены дипломатического корпуса пользуются правом неприкосновенности. Неприкосновенность – одна из основных привилегий дипломатов. Однако это не значит, что дипломат не должен соблюдать законов страны пребывания: он должен уважать эти законы и подчиняться им в известной степени.

В Египте члены дипломатического корпуса по приезде не предъявляют своих паспортов в Протокольный отдел МИДа на предмет регистрации. О всех дипломатах, приезжающих в Каир, сообщается нотой посольства или миссии в МИД (паспорт не посылается); по представлении двух фотокарточек Протокольный отдел МИДа выдаёт для дипломатов и членов их семей специальные дипломатические карточки (как удостоверение личности).

Технический и обслуживающий персонал посольств и миссий проходит регистрацию своих паспортов в министерстве внутренних дел, полиции, куда через МИД направляют их вместе с нотой посольства, миссии (самим сотрудникам являться в полицию или МИД не следует). После регистрации паспорта сотрудников с отметкой полиции возвращаются обратно миссии.

Некоторые особенности пребывания английского посольства в Египте

Английский посол лорд Киллеарн является старшиной (дуайеном) египетского дипломатического корпуса.

Лорд Киллеарн, в прошлом мистер Лемпсон, находится в Египте с 12 января 1937 г., получил титул лорда за свои «решительные» действия в марте 1942 г., когда по его распо-

ряжению английские танки окружили королевский дворец и заставили короля сменить правительство и призвать к власти руководителя вафдистской партии Нахас-пашу.

Английское посольство находится здесь на особом положении и его, пожалуй, скорее можно назвать генерал-губернаторством или наместничеством. Штат посольства огромный, со всеми службами примерно до 200 человек. Англичане здесь издают две газеты «Эджипшен Мейл» и «Эджипшен Газетт», журнал «Парад», имеют специальное отделение министерства информации, контролируют все египетские газеты, осуществляют цензуру над всеми печатными изданиями и держат под контролем все культурные и общественные учреждения.

В Египте англичане имеют свою полицию и другие административные органы и чувствуют себя полными хозяевами страны. В связи с введением и существующим по сей день военным положением в Египте, английские солдаты и офицеры ведут себя очень вольно, грубо нарушают всякие правила, установленные в Египте, скандалят и дебоширят на улицах и часто громят арабские кафе и рестораны; всё это совершается у всех на глазах и проходит безнаказанно.

Приезд посла и других членов миссии

По прибытии в Египет посла – посланника на вокзале или аэродроме встречает зав. протоколом или другой представитель протокольного отдела МИДа.

В момент прибытия в Каир советского посланника тов. Новикова, а также тов. Щиборова (А.Д. Щиборин сменил Н.В. Новикова 16 ноября 1944 г. – В.Б.) на аэродроме его встретил заместитель директора Протокольного отдела МИДа г-н Вахаби Искандер-бей и проводил его до гостиницы, где он временно остановился.

В Египте существует обычай, согласно которому прибывающий глава дипломатического представительства или какое-нибудь другое высокопоставленное лицо от другого государства должно сразу же, в день прибытия поехать во дворец короля и расписаться в специальной книге почётных

посетителей. Если же почётное лицо прибывает вечером, то это делает не позднее, как на следующий день.

К числу таких лиц относятся премьер-министры, министры иностранных дел, заместители министров, послы, посланники и церковные особы.

Обычный порядок формальностей, связанных с приездом нового посла или посланника, следующий:

1. Встреча на аэродроме, вокзале сотрудниками миссии (посольства) вместе с представителем Протокольного отдела МИДа.

2. Расписывается в книге регистра во дворце в день приезда.

3. Визиты до вручения верительных грамот:

а) Мин[истру] ин[остранных] дел (иногда делается одновременно визит к директору протокола).

б) Визит к дуайену дипкорпуса (не обязательен).

4. Вручение верительных грамот королю (о церемонии вручения можно договариваться через Протокольный отдел МИДа или же непосредственно с церемониймейстером королевского двора).

5. После вручения верительных грамот:

а) Рассылается нота, извещающая о вступлении в исполнение своих обязанностей.

б) Наносятся визиты по специальному списку, полученному от Протокольного отдела МИДа: членам королевской семьи, кронпринцу и другим принцам, премьер-министру, председателям палат парламента (каждому отдельно), министру королевского двора, главному церемониймейстеру, заместителю министра иностранных дел, Генеральному секретарю МИДа, директору политического департамента, директору протокольного департамента, главам дипломатических представительств, разным лицам с целью личного знакомства.

в) Рассылаются визитные карточки принцам: Абдул Манейму, Юсеф Кемалю, Мехмед Али Хасану, членам бывш[его] регентского совета: Азиз Канет-паше, шерифу Сабри-паше, дипломатическому корпусу, различным др[угим] лицам.

Приезд других сотрудников советской миссии

По прибытии в Египет все иностранцы проходят таможенный осмотр. В таможене у лиц с дипломатическими паспортами, имеющих «лессе-пассе», багаж не осматривается. У сотрудников, имеющих служебные паспорта, багаж осматривается, и были случаи задержки цензурой некоторых личных книг едущего. Как, например, у сотрудницы миссии тов. Савиной были задержаны французско-русский словарь, учебник французского языка и книга В. Василевской «Земля в ярме». Эти книги таможня оставляла для просмотра и затем через некоторое время вернула обратно.

В практике нашего пребывания здесь были несколько случаев – попыток задержать паспорта у наших транзитных пассажиров не дипломатов в таможене на КПП, где хотели оставить паспорта этих пассажиров до их отъезда к месту назначения (работники КПП объясняют это, якобы, существующим порядком проезда всех транзитных пассажиров), и только вмешательство нашего встречающего сотрудника исправило положение и паспорта были выданы их владельцам. Такой же случай был однажды и с нашими дипкурьерами, у которых тоже хотели оставить паспорта в КПП, но они отказались уехать с аэродрома, и паспорта им были возвращены.

Получение виз и все паспортные вопросы в Египте оформляются через Протокольный отдел МИДа, куда отвозят паспорт вместе с нотой миссии, в которой указывается фамилия, лица, куда и по какому случаю выезжает лицо, желающее получить выездную визу. Оформление визы происходит довольно быстро, день-два, максимум три.

Вручение верительных грамот королю

В Египте существует свой особый порядок вручения верительных грамот со всеми атрибутами восточной пышности. За послом (посланником) присылают специальную королевскую карету с эскортом королевской гвардии. В сопровождении церемониймейстера посол едет к королю во дворец, где их

встречают придворные лица и затем проводят к королю. Церемониймейстер представляет нового посла королю. Речи не всегда произносятся в этом случае.

О порядке вручения верительных грамот королю обычно заранее договариваются с директором протокольного департамента МИДа. Одновременно также связываются с первым шамбеленом королевского двора Теймур-пашой, у которого дополнительно уточняют день и час церемониала прибытия во дворец и весь порядок встречи с королем.

Вручение верительных грамот сов[етскими] посланниками тов.тов. Новиковым и Щибориным происходило следующим образом:

За 15 минут до условленного с церемониймейстером времени прибытия во дворец к зданию миссии были поданы две одинаковые золочёные королевские кареты, запряжённые четвёркой лошадей цугом. Первая карета предназначалась для посланника, другая – для сопровождавших его лиц (у нас ездили кроме посланника советник и два вторых секретаря с т. Новиковым и 1-й секретарь, 2 вторых секретаря и атташе с т. Щибориным). О представлении этих сотрудников также было заранее договорено с Протокольным отделом МИДа и церемониймейстером королевского двора. Кареты эскортировались большим отрядом королевской конной гвардии, впереди и сзади ехали по 2 мотоцикла. По обеим сторонам карет бежали специальные бегуны-скакуны, одетые в белые трусики, босиком с широкой белой лентой через плечо, на которой было много медалей, в руках они держали жезлы.

Когда кареты подъехали к зданию миссии, церемониймейстер Теймур-паша зашёл в кабинет к посланнику на 2-3 минуты, затем они вышли и сели в первую карету. Во вторую карету сели сопровождающие посланника лица.

Посланник т. Новиков был одет в полную парадную форму НКВД. Советник и секретари одевали фраки, цилиндры, белые перчатки держали в руках. При вручении грамот т. Щибориным и он, и все сопровождающие лица были одеты в парадную форму.

Когда весь этот пышный кортеж двигался по улице во дворец короля (Абдин палас), по обеим сторонам пути следования были выставлены войска и наряды пешей и конной жандармерии в парадной форме, а позади них толпы народа, которые выкрикивали приветствия по адресу Советского Союза на различных языках. На плацу, у входа во дворец был выставлен почётный караул, примерно около роты пешей гвардии короля. При въезде в ворота солдаты взяли на караул, а при выходе посланника из кареты королевский духовой оркестр исполнил особый торжественный марш. У подъезда дворца сов[етского] посланника встретил главный шамберлан двора и камергер. От парадного подъезда вверх по лестнице стояли двумя шпалерами гвардейские офицеры. За нами, как только мы вышли из кареты, стали сзади два гвардейских офицера королевских адъютанта и всё время шли по пятам до входа в тронную залу. Нас провели наверх по парадной лестнице во второй этаж в залу, где в одиночестве стоял премьер-министр, он же министр иностранных дел Нахас-паша, а второй раз министр иностранных дел Нокраши-паша. Сов[етский] посланник поздоровался с ним и представил ему сопровождавших его сотрудников миссии.

Церемониймейстер Теймур-паша прошёл в тронную залу вместе с посланником, где посланник вручил свои верительные грамоты королю. Камергер провёл нас в другую комнату, куда через несколько минут вышел Теймур-паша и пригласил сопровождавших сов[етского] посланника лиц следовать за ним. Два молодых пажа открыли двери в большую тронную залу. В глубине залы стояли в ряд немного полукругом семь человек, и справа в ряду этой группы стоял король Фарук I в полной военной парадной форме, опершись на саблю.

По египетскому этикету, входя в залу, следует сделать полагающиеся три неглубоких поклона, прежде чем подойти к королю. Первый поклон сов[етский] посланник сделал у входа, второй посредине комнаты и третий подойдя к королю, с которым поздо-

ровался затем за руку. Сопровождавшие сов[етского] посланника члены миссии, войдя в тронную залу, проделали то же самое. Сов[етский] посланник поочерёдно представил членов советской миссии королю, который со всеми поздоровался за руку, затем также поочерёдно обменялись рукопожатиями со всей присутствовавшей здесь свитой короля.

Сов[етский] посланник минуты 2-3 разговаривал с королём, затем откланялся, т.е. сделал первый поклон, советник и секретари сделали то же и затем через всю залу шли задом, не оборачиваясь, сделали ещё по два поклона, один на середине залы, другой у выхода и вышли из тронной залы в те же двери. Церемониймейстер шел сзади нас и давал инструкции по протоколу. В соседней комнате находился камергер короля, который вместе с церемониймейстером проводил посланника до подъезда. К подъезду были поданы те же кареты. Когда сов[етский] посланник вышел, солдаты взяли на караул и оркестр сыграл марш. У подъезда сов[етского] посланника сфотографировали с группой придворных. Затем сов[етский] посланник и сопровождавшие его лица в тех же каретах и прежним путем возвратились в миссию.

Народ, всё ещё стоявший на улицах, снова приветствовал на различных языках дипломатического представителя Советского Союза.

Принято к вечеру того же дня или на следующий день посылать деньги королевским кучерам и бегунам.

Примерно дают 10 египетских фунтов.

Согласно принятого в Египте порядка вручения грамот, посол или посланник не имеет сразу же при этом личной аудиенции с королем, как это принято во многих других странах. Такая аудиенция обычно испрашивается послом или посланником в день вручения верительных грамот.

Для этого после возвращения из дворца, переодевшись из парадной формы в визитный костюм, посол или посланник снова едет во дворец на своей собственной машине и оставляет ожидающему его первому

шамберлану двора письмо с просьбой о приёме его королем.

После этого, обычно дня через 2-3, из дворца сообщают о дне и часе аудиенции у короля. На этот раз король принимает в своём рабочем кабинете, без парадной одежды, и посол или посланник также одевает лишь визитный костюм (редингот).

Этот личный приём не обставляется никакими церемониальными деталями и сам король ведёт себя гораздо проще.

Беседа обычно продолжается минут 15-20 и носит общий характер знакомства короля с новым послом или посланником.

Согласно установившемуся здесь правилу, после вручения верительных грамот вечером того же дня пришли журналисты от различных газет и журналов просить интервью у посланника и фотографировать рабочие комнаты миссии.

В интервью журналистам было вежливо отказано, а кабинет сов[етского] посланника и рабочую комнату технического секретаря им разрешили сфотографировать.

Визиты

Первый официальный визит до вручения верительных грамот посланник делает к министру иностранных дел и по желанию к дуайену, чтобы ознакомиться с положением в дип[ломатическом] корпусе. После вручения верительных грамот королю сов[етский] посланник делает визиты крон-принцу и другим членам королевской семьи по специальному списку, полученному от Протокольного отдела МИДа. Одновременно, не дожидаясь окончания этих визитов, также через Протокольный отдел договариваются о дне визита к министру иностранных дел, его заместителю и заведующему Политическим, Протокольным, Консульским и другими отделами МИДа. Вместе с этим делаются также визиты к некоторым членам правительства по специальному списку, полученному от протокольного отдела МИДа.

Главам посольств и миссий иностранных государств, аккредитованных в Египте, новый посланник рассылает специальную ноту, в которой извещает о том, что он в та-

кой-то день вручил свои верительные грамоты королю и вступил в исполнение своих обязанностей. Эту ноту не принято посылать по почте, а её развозит обычно специальный курьер. После этого сов[етский] посланник наносит визиты членам дип[ломатического] корпуса в порядке старшинства шефов миссий. Первый визит делается дуайену, и у него обычно выясняют дальнейший порядок визитов и какие имеются особенности дипломатического протокола в данной стране. Дуайен должен знать весь дипломатический и придворный этикет, существующий в данной стране, и он даёт пояснения и советы в этих вопросах всем шефам других представительств.

Дуайеном всегда является старший по чину и времени пребывания в данной стране глава дипломатического представительства.

Визиты посланник обычно делает только главам миссий, иногда советникам, если они в ранге министра, и др[угим] видным политическим деятелям, членам правительства других государств, если кто из них временно присутствует в Каире.

Первые визиты, как правило, короткие, не более получаса, и носят характер общего знакомства.

Принято, чтобы в помещении посольства или миссии посланник устроил приём – чай или коктейль для представителей прессы – редакторов газет и журналов и крупных журналистов. Иногда на этих приёмах глава миссии даёт интервью журналистам по интересующим их вопросам. <...>

Представление жены посланника и жён других дипломатов

Жена посланника делает первый визит дуайенше и у неё уже выясняет порядок дальнейших визитов. Визиты жёнам шефов дипломатических представительств жена посланника делает в порядке старшинства их мужей.

Первый визит к королеве организуется также через дуайеншу и придворную даму. Через них выясняют, в какой одежде должна быть жена посланника. В строго установленный день и час жена посланника, иногда

вместе с дуайеншей, делает визит королеве в её апартаментах дворца. По этому случаю жена посланника одевает неяркое, длинное платье (независимо от времени приёма), зимой тёмное, лучше чёрное, а летом светлое. Во дворце жену посланника и дуайеншу встречает фрейлина и проводит в залу рядом с покоями королевы и докладывает королеве. После этого жену посланника проводят в приёмную залу, где находится королева. Наносящая визит делает реверанс и здоровается с королевой за руку. Разговор длится несколько минут и затем наносящая визит откланивается, вновь делает реверанс и не оборачиваясь доходит до двери и затем выходит. Иногда во время такого приёма в покои королевы приходит король, который также знакомится с женой посланника и вступает в общую беседу с присутствующими.

Жены других дип[ломатических] работников специальных визитов королеве и дуайенше не делают. По приезде рассылают свои визитные карточки вместе с визитной карточкой жены посланника (помеченной Р.Р.). Личные встречи и знакомства происходят уже на приёмах, вечерах и т.д.

Особенности официальных приёмов в Египте

В Египте существуют два основных национальных праздника в году. 11 февраля день рождения короля Фарука и 15 марта день провозглашения конституции. В эти дни все послы и посланники ездят во дворец расписываться в специальной книге почётных посетителей. Также ездят расписываться во дворец и 6 мая, в день восшествия на престол короля, и 26 августа – день независимости (подписание англо-египетского договора 1936 года).

По случаю первых двух праздников премьер-министр или министр иностранных дел устраивает приём дип[ломатического] корпуса. Эти приёмы обычно бывают вечерние в 5 часов вечера, коктейль или чай без обеспечения определённого места. Иногда на таких приёмах произносятся речи. Так, например, на приёме в день конституции во

дворце Абдин палас министр иностранных дел Нахас-паша произнёс речь, в которой говорил о свободе и независимости Египта и проч.

На таком приёме полагается пробыть недолго. Обычно уезжают вместе со своим послом или посланником, но если присутствует король, то всегда только после того, как он удалится с приёма.

Эти приёмы отличаются большой строгостью в одежде. В приглашениях на такой приём всегда указывается форма одежды: фрак, смокинг или, что весьма редко указывается, городской костюм.

Кроме этих обычных дипломатических приёмов в дни национальных египетских праздников, устраиваемых премьер-министром или мин[истром] ин[остранных] дел, иногда во дворце Абдин палас король сам даёт приём с приглашением дип[ломатического] корпуса в честь какого-нибудь особого торжества, как, например, в марте с.г. (1945-го. – В.Б.) был устроен с присутствием короля дипломатический приём по случаю пребывания в Египте делегатов Лиги арабских стран. На этом приёме была даже небольшая программа специального королевского театра и затем ужин «а ля фуршет».

В Египте также существует и широко практикуется обычай – выезды короля Фарука с приглашением дипломатов на открытие какого-нибудь музея, лаборатории, местной выставки, телеграфной станции и т.д. и т.д.

В Каире имеется много клубов, существующих под различными названиями. Но в основном эти клубы служат местом сбора определённого круга лиц, где они встречаются и проводят своё время в ресторане клуба или за игрой в карты.

Кроме общедоступных клубов в Каире ещё имеются чисто аристократические клубы, как например, «Клуб Мухаммеда Али», Гезира Спортинг Клуб и др. В этих клубах существуют определённые правила приёма в число членов. Принимаются только лица, занимающие видные должности: дипломаты по специальному списку, заверенному про-

токольным отделом МИДа, офицеры высоких рангов и другие крупные чиновники. Для того, чтобы быть принятым в число членов Гезира Спортинг Клуб, нужны рекомендации 2-х членов клуба и уплата членских взносов в размере 8 ег[ипетских] ф[унтов] в год. Большинство членов дипломатического корпуса в Египте состоят членами этого клуба. Клуб имеет хороший бассейн, что очень важно в условиях жаркого египетского климата, ресторан, где можно хорошо отдохнуть, приятно провести время и встретить нужного человека.

«Клуб Мухаммеда Али» находится под патронажем египетского наследного принца, и его членами является большинство министров египетского правительства, послы и посланники иностранных государств и др[угие] высокопоставленные лица в ранге не ниже министра. Для членов клуба установлен ежегодный взнос в сумме 20 ег[ипетских] ф[унтов]. В этом клубе часто устраиваются дипломатические приёмы или завтраки послом или посланником по какому-либо случаю или же дают официальные приёмы члены египетского пр[авительства] и другие высокопоставленные лица.

Для поддержания престижа, среди дип[ломатического] корпуса и египетского высшего об[щест]ва членство в этом клубе является почти обязательным условием для каждого посла или посланника, аккредитованного в Египте.

Обеды и приёмы в миссии

Официальные приёмы-завтраки (ланчи) здесь принято устраивать от 1 до 3 часов дня. Вечерние приёмы, чаще всего чай или коктейль, от 5 до 8 ч[асов] вечера и обед с 8-9 ч[асов] вечера.

Приёмы устраиваются в здании посольства или на квартире или же, как часто здесь практикуется, в ресторанах, например, в ресторане аристократического клуба Мухаммед Али, ресторане какой-нибудь гостиницы или даже в парке на открытом воздухе, особенно весной и летом.

В Египте принято не устраивать официальный приём для членов пр[авительства] и

дип[ломатического] корпуса до тех пор, пока мин[истр] ин[остранных] дел не даст вновь прибывшему послу официального обеда или завтрака. Точно так же нельзя первым приглашать членов дип[ломатического] корпуса на обед или завтрак.

На небольшие приёмы (обеда, завтраки) рассылаются специальные приглашения заранее, дней за 5-10. О том, что может ли присутствовать на этом приёме приглашённое лицо, предварительно созваниваются по телефону с его секретарем. У дипломатов низших рангов заранее согласия не спрашивают. Если он не может присутствовать, он присылает письмо с извинением. Заблаговременное согласие ещё нужно и потому, что надо всегда иметь в виду правильную рассадку за столом. На этих приёмах строго придерживаются установленных протоколом правил рассадки за столом по рангам и старшинству.

Рассадка за столом серьёзная и хлопотливая работа. Надо рассадить гостей так, чтобы не было обид, а поэтому следует учитывать не только ранг гостя и его старшинство, но, кроме этого, по египетскому протоколу при рассадке высокопоставленных лиц принято учитывать старшинство гостей с точки зрения имеющих у них наград (орденов).

При съезде гостей в гостиной на видном месте кладётся план посадки гостей за столом. Сотрудник миссии, встречающий гостей у входа, подводит гостя и показывает его место за столом. На столе кладётся карточка с напечатанной фамилией и рангом гостя, против того места, где должен сидеть гость, например «Е[го] П[ревосходительство] Лорд Киллеарн», если это военные, то пишется его чин «Генерал-лейтенант» или «полковник Смит» и т.д.

Перед ланчем принято подавать коктейль или какие-либо другие напитки аперитива. Меню должно быть заранее заготовлено и карточки меню разложены на столе. Лучше карточки меню класть против каждого места, т.к. здесь существует обычай брать что-нибудь в качестве сувенира, и очень многие берут карточку меню как сувенир себе на память.

Когда приглашаются более почётные гости, меню в таких случаях подбирается наиболее изысканное. Меню ланча обычно состоит из закусочного блюда, чаще всего фаршированные овощи или орд'оврь варье, рыбного блюда, мясного или дичи, сладкого блюда – обычно торт или мороженое, свежих фруктов и кофе. За обедом вечером иногда подаётся суп, обычно холодный. При более пышных приёмах меню часто содержит и мясное блюдо, и гуся, утку или индейку, а также спаржу и сыр после сладкого. После сладкого блюда гостей обносят обычно сигарами и сигаретами. <...>

Когда все гости покончили с едой, хозяин с хозяйкой встают из-за стола и выходят вместе с гостями в гостиную, где курят, разговаривают и пьют излюбленный здесь напиток турецкое кофе, к которому принято предложить ликёр или коньяк.

Примерно минут через 30 – 1 час гости прощаются с хозяином и хозяйкой, благодарят их за угощение и разъезжаются по домам. Присылать визитные карточки с благодарностью за приём не принято.

Вечерние приёмы с холодным буфетом (без определённого места) особенно часто практикуются в Египте, и летом [их] часто устраивают на открытом воздухе в саду или парке. Хозяин и хозяйка в следующей зале или у входа встречают гостей и, когда большая часть гостей съедется, хозяева приглашают их к столу, просят отведать кушанья.

Прибывая на такой приём, нужно обязательно поздороваться с хозяином и хозяйкой, а при уходе с ними попрощаться.

Уходить с коктейля или чая можно только после того, как главный гость или старшие из дип[ломатического] корпуса попрощались с хозяевами и уехали. Лучше всего уезжать вместе со своим послом.

В связи с военным временем не все послы и посланники, аккредитованные в Египте, устраивают приёмы дип[ломатического] корпуса в дни своих национальных праздников. Так, например, английское посольство в день рождения короля Георга VI, 14 июня, не устраивало дипломатического приёма, ограничившись только приглашением на па-

рад английских войск в Египте. Точно так же не устраивала приёма дип[ломатическому] корпусу американская миссия в Каире в день своего национального праздника – День независимости – 4 июля и многие другие миссии.

Одежда дипломатов

В Каире в обычное рабочее время дипломаты не отличаются своей одеждой от других лиц. Большинство из них носит обыкновенные городские костюмы. Зимой тёмный костюм, чёрные ботинки, рубашку, предпочтительно белую, и галстук по вкусу, но всё это неярких цветов.

Зимой и летом из дипломатов европейцев редко кто носит шляпу. Дипломаты восточных стран, например, сами египтяне, носят всегда традиционную феску – торбуш, из других мусульманских стран – чалму. Эти головные уборы они не снимают даже в помещениях.

Дамы зимой одевают тёмные платья, днём короткие, а вечером в официальных случаях длинные и открытые. Летом – вечером длинные светлые платья.

В приглашениях на приёмы всегда указывается форма одежды, и этого порядка здесь строго придерживаются. На дневные приёмы – ланч, чай, дамы ходят в шляпах, вечером без шляп. Мужчины в официальных случаях одевают фрак. Чаще всего на вечерние приёмы мужчины одевают смокинг (летом белый). При официальных выездах на какие-либо торжества или траурные процессии мужчины являются или одетыми в редингот, или во фрак и цилиндр, в зависимости от времени дня.

Летом мужчины носят светлые костюмы, часто даже белые, ботинки светлые, белые, жёлтые и т.д. Рубашки самых различных цветов, но неярких. Почти никто не носит летом крахмальные воротнички, но всегда обязательно галстук.

Само собой разумеется, что вся одежда дипломата всегда должна быть безукоризненно чистой.

Египетские официальные чиновники МИДа и других ведомств все ходят в евро-

пейских костюмах и арабских фесках, которые нигде и никогда не снимают. Коренного жителя Египта очень редко можно видеть без фески.

Принятые правила вежливости и культурного обращения

Среди европеизированных арабов, особенно среди официальных лиц, широко распространено вежливое обращение к иностранцу и очень невежливое по отношению к арабу, ниже его стоящему на ступеньке служебной лестницы. Все официальные лица в Египте, как правило, знают английский и французский языки, и вся официальная переписка происходит на французском языке или английском. При разговоре с каким-либо человеком лично или по телефону, если это лицо имеет министерский ранг, принято называть его «Превосходительство». Арабы это очень любят. За всякую малейшую услугу принято говорить спасибо и т.д.

Даме везде и всегда следует уступать дорогу, место и т.д., оказывать знаки внимания, например, при входе в гостиную дамы все мужчины обязательно встают, ждут, пока дама сядет. При встрече на улице мужчина обязательно раньше снимает шляпу и ждёт, пока дама подаст ему руку поздороваться. Мужчине первому подавать руку не полагается. Среда аристократического общества всё ещё держится обычай целовать руку у дамы, но этот обычай всё больше отмирает и молодёжь его, как правило, не соблюдает.

Арабы очень надоедливы и привязчивы, особенно слуги, всегда и по всякому поводу просят «бакшиш» — на чай, и обычно не отстанут до тех пор, пока не получат.

Основным правилом для каждого дипломата должно быть строгое соблюдение назначенного времени всяких встреч, свиданий и т.д. Нельзя опаздывать не только на приёмы или условленные визиты, но даже нельзя заставлять ждать себя и обычного посетителя. Если не может принять его немедленно, выйди извинись, попроси подождать или назначь другое время. Арабы очень

чувствительны ко всяким малейшим проявлениям невежливости к ним со стороны европейцев. В этом они сейчас же узнают свою полуколониальную зависимость. <...>

Автомашина и движение по городу

Автомашина советской миссии должна иметь дипломатический номер установленного образца, который надо получить в каирской полиции городского транспорта.

Получение дипломатического номера оформляется следующим образом: по приобретении автомашины пишется нота в Протокольный отдел МИДа, где указываются все необходимые данные о машине и указывается конкретно лицо, к кому прикреплена машина. Протокольный отдел затем даёт указание каирской полиции о выдаче дипломатического номера на эту машину.

Автомобиль миссии при официальных выездах посланника на торжества и приёмы обязательно имеет флаг. <...>

Краткая характеристика египетского общества

В Египте ярко бросается в глаза резкое классовое расслоение как в городе, так и в деревне.

С одной стороны, богатые паши владеют огромными земельными участками, имеют роскошные виллы и крупные денежные капиталы, живут, утопая в роскоши, и с другой — ужасающая бедность основной массы египетского населения.

Городская беднота, рабочие, мелкие служащие-арабы ютятся в полуразвалившихся домах, грязных зловонных кварталах-трущобах, где нет ни света, ни воздуха.

Среди этих групп населения распространены всевозможные болезни, особенно среди детей, которые массами умирают, не выдержав таких ужасных условий существования.

В деревне — паша-помещик владеет лучшими участками земли. Большую часть своей земли помещик сдаёт в аренду крестьянину-феллаху на кабальных условиях, забирая при этом львиную долю урожая натурой, оставляя крестьянина на голодном пайке. Ху-

дой, рваный и грязный вид вечно голодного крестьянина производит исключительно тяжёлое впечатление.

Многочисленные налоги правительства и грабёж чиновников ставят основные массы египетского населения на последнюю ступень нищеты и голода.

Среди египетского общества, с которым приходится иметь дело, встречаются люди различных убеждений, разного воспитания, образования и т.д. Общим у них является только то, что эти люди воспитаны в условиях капиталистического существования, всё их мировоззрение пропитано стремлением наживы и обмана других. Как правило, большинство из них получили своё образование за границей или в высших школах, устроенных иностранцами в Египте: английских, французских, американских и др[угих] колледжах.

Среди официальных чиновников египетских учреждений нередко можно встретить лиц иностранного происхождения, французов, греков, итальянцев, русских и т.п., которые давно проживают в Египте и совершенно акклиматизировались и срослись с местным населением. Чиновники в большинстве своём хорошо сведущие в определённой области люди, т.к. большинство из них работает десятки лет на одном месте. Продвижение по службе слабое. Сильна косность и рутинность аппарата.

Подавляющее большинство чиновников знает, по меньшей мере, кроме, конечно, арабского, два иностранных языка, английский и французский, а некоторые знают также итальянский, греческий и турецкий. Среди арабов, знающих русский язык, до сих пор никого не удалось встретить. А когда у арабов встречается необходимость в переводчике с русского языка, пользуются услугами русских белоэмигрантов.

Среди интеллигенции чаще всего можно встретить армян, греков, евреев, которые занимаются свободными профессиями: доктора, адвокаты, инженеры, торговцы и очень часто соединяющие в себе то и другое вместе. Большинство таких интеллигентов живет неплохо, т.к. продаёт свои услуги тем,

кто больше платит, и не стесняется в средствах зарабатывать деньги.

Интересы большинства из них ограничиваются «бизнесом», торговлей, возможностью заработать на каком-нибудь деле и составить себе состояние. Многие из них интересуются вопросом установления и развития торговых отношений с СССР.

Больших и авторитетных организаций общественно-культурного характера среди египетского общества нет, да и интерес к созданию таких организаций проявляется очень слабо. В этом, конечно, ещё имеет большое значение политика египетского правительства, которое зорко следит и душит в самом зародыше всякого рода организации, особенно если в них участвуют менее известные лица и молодая интеллигенция Египта. Все общества и всякого рода культурные и др[угие] организации могут существовать только с специального разрешения египетских властей и стоящих за их спиной англичан.

Всякая попытка организовать какое-нибудь невинное культурное общество обрушиваются угрозы и репрессии. Таким образом, убивается инициатива у людей, немного проявивших интерес к общественной жизни.

О Советском Союзе в Египте знают очень и очень мало. Иногда довольно высокопоставленные лица во время бесед задают дикие вопросы о жизни, культуре нашего народа, показывая тем самым, что здесь долгое время египетской общественности преподносили всякую ложь и белоэмигрантскую чепуху, искажая советскую действительность.

II секретарь миссии

(В. Харламов)

Архив внешней политики Российской Федерации.

Фонд 87. 1945 г. Опись 4. Папка 6. Дело 13. Л. 2–36.

Машинописная копия. Подпись – автограф.

А.Ш. Кадырбаев

**ЛИДЕР КАЗАХОВ КИТАЯ ОСПАН-БАТЫР
И «РЕВОЛЮЦИЯ ТРЁХ ОКРУГОВ»
В ВОСТОЧНОМ ТУРКЕСТАНЕ. 1940–1951 гг.**

Восточный Туркестан, или Синьцзян, как его называют официальные китайские власти, стал местом, куда, начиная с 1916 г., после подавления восстания в Русском Туркестане против Российской империи, казахи и киргизы бежали от репрессий российских имперских властей. Это был первый массовый исход этих народов, когда число беженцев достигло 300 тысяч человек¹.

Следующая массовая волна казахских беженцев прибыла в Восточный Туркестан в 1921–1922 гг., когда от голода в Казахстане погибло более миллиона человек. Но даже эту трагедию превзошли события 1929–1932 гг. Тогда до 600 тысяч казахов были вынуждены покинуть свою родину из-за политики насильственной коллективизации и принудительного оседания кочевников на землю, проводимой советским режимом. Это привело к Голодомору – голоду в Казахской степи и гибели минимум семисот тысяч кочевников². Преследуемые войсками НКВД СССР казахи и киргизы переходили советско-китайскую границу, громя пограничные советские и китайские посты, что стоило жизни десяткам советских и китайских пограничников и сотням беженцев.

Эмиграция казахов и киргизов в китайский Синьцзян к 1933 г. способствовала царившему там хаосу, тем более что в это же время против китайской власти в Синьцзяне восстали мусульманские народы – уйгуры и хуэй, известные в Центральной Азии как дунгане. На синьцзянской части Алтая, в районе Шара-Суме началось восстание казахов племени кереитов под руководством Шариф-хана. Эти восстания, особенно казахов, подтолкнули СССР к вмешательству в события в Синьцзяне, поскольку СССР вслед за Российской империей рассматривал этот регион как сферу своего влияния. Вос-

стания поставили под угрозу право СССР разрабатывать золотые и вольфрамовые месторождения на синьцзянском Алтае, которого представители СССР добились от китайских властей Синьцзяна.

В конце марта 1933 г. с территории СССР в китайскую провинцию вошли китайские войска правившего тогда в Китае режима Гоминьдан, ранее, в 1931 г., вытесненные японцами из Маньчжурии и интернированные в СССР. Советские власти переправили их с Дальнего Востока с полным вооружением по Транссибирской железнодорожной магистрали через территорию СССР – Сибирь, Горный Алтай и Казахстан – в Синьцзян, где они сразу стали «умиротворять» восставших казахов.

Тогда китайским властям удалось подавить восстания мусульманских народов Восточного Туркестана, правда, только с помощью СССР и находившихся в эмиграции в Синьцзяне русских белогвардейцев, которым за это советские власти обещали амнистию и советское гражданство. Но затишье оказалось временным. Бунтарские настроения среди казахов и других мусульманских народов Синьцзяна никуда не делись, что и показали дальнейшие события³.

В первые дни 1940 г. среди казахского населения в граничивших с СССР и Монгольской Народной Республикой районах подчиненного де-юре Китаю Синьцзяна – казахского Алтая – начались волнения против китайских властей. Губернатор Синьцзяна Шэн Шицай с целью подавления выступлений казахов пригласил в Урумчи (административный центр Синьцзяна), якобы для обсуждения положения дел на казахском Алтае, 350 самых влиятельных лиц казахской общины, которых арестовал сразу же по прибытии. Но такие действия губер-

натора только способствовали эскалации конфликта, переросшего в вооружённое восстание во главе с одним из лидеров казахов Алтая Ногайбаем. Масштабы восстания казахов оказались столь значительными, что китайские власти Синьцзяна обратились за помощью для его подавления к СССР и Монголии.

20 апреля 1940 г. в ходе наступления на позиции повстанцев восьми тысяч китайских солдат, поддержанных с воздуха шестью боевыми советскими самолетами, китайцы, не имевшие опыта ведения боевых действий в горах, понесли большие потери. Повстанцы выстояли, и Шэн Шицай был вынужден освободить арестованных лидеров казахской общины, а также пойти на соглашение о прекращении огня, которое было заключено 15 мая 1940 г. Но соглашение соблюдалось очень недолго. Уже 16 мая объединённые советские, китайские и монгольские войска вновь атаковали казахских повстанцев. В неравном бою восставшие казахи понесли большие потери. Среди погибших был и их предводитель Ногайбай. Но восстание не прекратилось, его возглавил сын Ногайбая Ырыс⁴.

Представитель Шэн Шицай, ведавший в синьцзянской администрации финансами, Сунь Циньань встретился с Ырыс-ханом и обещал ему, что губернатор готов принять условия восставших, если они сдадут оружие. В ответ Ырыс-хан выдвинул требования освободить всех арестованных в Урумчи представителей казахского Алтая и других регионов Синьцзяна, назначить руководителем Алтайского округа казаха, пользующегося доверием повстанцев, запретить эксплуатацию Алтайских золотых месторождений специалистами из СССР, прекратить практику тайных арестов, отказаться от преследования казахских участников восстания, сдавших оружие.

После смерти Ырыс-хана от эпидемии чумы его соратник и преемник Осман Ислам, или Оспан Исмаилов (больше известный как Осман или Оспан-батыр), говоря современным языком – «военно-полевой командир», выступил против условий согла-

шения, которые предусматривали сдачу оружия властям, запретив это своим сторонникам. Повстанцы отступили в горы Алтая и продолжали борьбу. Когда 5 июня 1940 г. Шэн Шицай вновь предоставил советским специалистам право разработки золотых месторождений, восстание казахов Алтая получило дополнительный импульс, и его признанным вождём стал Оспан-батыр, выдвинувший лозунг «Умрём за свободу!».

Повстанцы перешли к методам партизанской войны, действуя небольшими мобильными конными отрядами, наносящими внезапными атаками большой урон китайским войскам губернатора Шэн Шицай. Эти успехи способствовали популярности Оспан-батыра среди не только казахов Алтая, но и других народов Синьцзяна, прежде всего, мусульманских. Иногда повстанцам удавалось захватывать и небольшие города, например, после очередной победы они овладели Коктогаем. Но вскоре китайцы вернули контроль над городом и устроили там резню мусульманского населения, в ходе которой были убиты восемь из одиннадцати детей Оспан-батыра. Его жена Мемей с оставшимися в живых детьми спаслась вплавь, бросившись в реку. Соратник Оспан-батыра Сулеймен-батыр потерял всю свою семью⁵.

Несмотря на ряд поражений, восстание не затухало. Противоборствующие стороны не уступали друг другу в жестокости. В мае 1941 г. по приказу Оспан-батыра были убиты советские специалисты, работавшие на казахском Алтае по разрешению китайских властей. Однако действовавшим совместно советским и китайским войскам не удалось разгромить восставших. Поэтому Шэн Шицай направил к повстанцам своих представителей для переговоров, среди которых был мусульманин – уроженец Восточного Туркестана Жаным-хан Хаджи.

Вначале Оспан-батыр не шёл на переговоры под предлогом того, что китайские власти Синьцзяна не выполняют условий соглашения. Однако Жаным-хан смог убедить Оспан-батыра в том, что китайская сторона будет соблюдать соглашение. Оспан-батыр поверил представителям губернатора

и отправил в Урумчи делегацию из 17 человек, которые были арестованы по прибытии в аэропорт этого города⁶. Предводителю восставших казахов не оставалось другого выхода, кроме продолжения сопротивления.

К этому времени, согласно результатам переписи населения Синьцзяна, количество его жителей-казахов достигало 318 716 человек и составляло 8,5% населения региона. Из этого числа 247 тысяч казахов жили в северных районах Синьцзяна на Алтае⁷.

1942 год ознаменовался боевыми столкновениями повстанцев с китайскими войсками, что способствовало усилению влияния Оспан-батыра в районах Коктогай, Чингиль и Булунтхой и его известности среди мусульманского и другого населения Восточного Туркестана. Он стал своего рода символом национально-освободительного движения народов Восточного Туркестана против китайских колонизаторов. После кровопролитных боёв с китайцами Оспан-батыр принял решение отступить в горы казахского Алтая для сохранения и пополнения сил своих отрядов, что ему удавалось до 1944 г.

Во второй половине 1943 г. на казахском Алтае возросла интенсивность боевых действий отрядов Оспан-батыра, которого поддерживало местное население Синьцзяна. К ноябрю 1943 г. численность отряда Оспан-батыра достигала 300 человек⁸. Соответствующие советские структуры с осени 1943 г. искали контакты с лидером казахских повстанцев Восточного Туркестана. В октябре того же года эти усилия увенчались успехом, и советский представитель Пахомов прибыл на секретную встречу с Оспан-батыром, после которой повстанцы получили из СССР оружие и военное снаряжение, хотя и по минимуму. Повстанцам передали всего 27 винтовок, 2 600 патронов, 10 маузеров, а лично Оспан-батыру подарили автомат английского производства и 1 000 патронов к нему. Обе стороны держали эту встречу в тайне. Оспан-батыр, в свою очередь, при прощании подарил советским представителям 38 лошадей, восемь ковров и золотые изделия⁹.

Деятельность Оспан-батыра производила неоднозначное впечатление: казахи восхищались им, а на китайцев он наводил страх. Он объезжал земли Северо-Восточного Синьцзяна, громил китайские государственные учреждения, убивал и грабил китайцев во имя свободы казахского народа. Китайские власти Синьцзяна не могли не воспринимать его серьёзно. Хотя методы его борьбы, не лишённые антиколониальных мотивов, носили иногда отпечаток уголовщины, он пользовался популярностью и уважением казахов Алтая и был способен поднимать их на восстание против власти Китая¹⁰.

Оспан-батыр провозгласил себя борцом за свободу казахского народа от китайского гнёта и стремился создать независимое Алтайское ханство казахов под своей властью. Китайское население испытывало страх перед казахскими повстанцами, о чём сообщал генеральный консул США во Владивостоке Э. Клабб: «Китайцы в Ганьсу говорят о казахах, что они любят убивать людей, однако, думаю, история покажет, что в Синьцзяне много другого населения, готового при случае убивать китайцев»¹¹. Э. Клабб, описывая в своём письме послу США в Китае К. Гауссу отношение китайцев к казахам и киргизам, отмечал, что последние уже давно представляют собой беспокойный элемент в Центральной Азии¹².

Оспан-батыр стал объектом пристального внимания со стороны представительств стран Запада, в частности, генерального консульства США, наблюдавших за усилением протестных настроений среди казахов Восточного Туркестана и сообщавших своим правительствам подробную информацию по данному вопросу. 20 октября 1942 г. генеральный консул США во Владивостоке писал в американское посольство в Чунцине, что число казахских повстанцев на Алтае насчитывает 5 тысяч бойцов; но уже к 10 декабря это число снизилось до 400 человек.

В депешах консулов США отмечалось, что восставших казахов на Алтае какое-то время поддерживала Монголия из-за претензий к ней Китая, покушавшегося на суверенитет Монголии и не признававшего то-

гда независимость этой страны, считая её неотъемлемой частью Китая¹³. Монголию в то время не признавало субъектом международного права ни одно государство, кроме СССР. МНР полностью следовала в фарватере советской политики, но имела и свои национальные интересы. В частности, она была заинтересована в усилении борьбы с китайским влиянием в Синьцзяне. По этой причине 5 октября 1943 г. руководитель МНР Х. Чойбалсан встретился с Оспан-батыром в Алак-толго на синьцзянском участке монголо-китайской границы и обсуждал с ним вопросы снабжения казахских повстанцев оружием, снаряжением и продовольствием. Во встрече участвовал зам. министра внутренних дел Монголии, пообещавший направить повстанцам в качестве инструкторов 40–50 военных специалистов.

Через три месяца после этой встречи, приехав в Москву, Чойбалсан сообщил И.В. Сталину об антикитайской борьбе казахов Алтая, об интернировании или убийстве китайскими властями Синьцзяна их лидеров, из которых уцелеть удалось только Оспан-батыру. Чойбалсан снисходительно смотрел на погромы китайцев отрядами Оспан-батыра, пока тот вёл борьбу против китайских властей. Сталин в то время не возражал против создания на синьцзянском Алтае независимого казахского государства. Он считал, что Оспан-батыр в своей антикитайской политике не сможет обойтись без поддержки СССР. Исходя из этого, предполагалось, что Оспан-батыр, как и другие национальные лидеры Восточного Туркестана, находясь под угрозой китайской экспансии, будет вынужден служить советским интересам.

25 февраля 1944 г. на берегу реки Булгын в приграничном районе Майхан-толга состоялась вторая встреча между маршалом Чойбалсаном и Оспан-батыром. В ней приняли участие посол СССР в Монголии И. Иванов, командующий советским Забайкальским фронтом Рубин, резидент советской разведки в Монголии Ланпаник, министр внутренних дел Монголии Сагоиржан и его советский «консультант» Гредьев. В

ходе этой встречи Оспан-батыр получил обещание после изгнания китайцев из Синьцзяна «превратить Алтай в независимое государство, а его самого провозгласить ханом Алтая»¹⁴.

В беседе тет-а-тет Оспан-батыра с Чойбалсаном последний заявил о решении правительства Монголии предоставить казахским повстанцам военную технику для использования против китайцев, не ограничиваясь только «моральной поддержкой». Глава Монголии сообщил Оспан-батыру, что монгольские власти организовали спецгруппу из монгольских силовиков для помощи повстанцам и что на территории МНР образовано временное правительство казахов Алтая, присвоившее Оспану как предводителю алтайских казахов титул «Батыр-хана». Эта встреча «больше напоминала совет двух азиатских ханов, чем тайную встречу коммунистических функционеров»¹⁵.

В качестве особого дара правительство СССР передало казахским повстанцам 395 винтовок, 200 автоматов, 6 тяжёлых и 30 лёгких пулемётов, 2 тысячи ручных гранат и 400 тысяч патронов¹⁶. Чтобы отвезти это оружие на базу отряда Оспан-батыра, понадобилось 105 верблюдов¹⁷.

После очередной встречи с Оспан-батыром 6 марта 1944 г. Чойбалсан направил Сталину телеграмму. В ней говорилось, что встреча с казахским лидером прошла успешно и он «доставил подарки». Однако Чойбалсан не доверял Оспан-батыру: «В целом казахи имеют дурную славу», — писал он «вождю народов», сообщая в заключение, что «остаётся на несколько дней, чтобы понаблюдать за последующими действиями Оспана»¹⁸.

Было достигнуто соглашение о том, что монгольские власти предоставят родственникам Оспан-батыра и семьям повстанцев убежище в Монголии. 11 марта 1944 г. 360 преследовавшихся властями Гоминьдана казахских семей из Коктогая перешли в Монголию, где были обеспечены жильём и всем необходимым для жизни¹⁹. А часть населения казахских аулов, над которыми нависла угроза расправы со стороны китайских вла-

стей, переселилась в приграничные районы Советского Казахстана.

2 августа 1944 г. руководитель советских спецслужб Л.П. Берия доложил Сталину, что 21 казахская семья в составе 87 человек из приграничных с Казахстаном районов Синьцзяна бежала на территорию СССР вместе со своим имуществом и домашним скотом²⁰. На казахстанском участке советско-китайской границы советские пограничники дали резкий отпор преследовавшим вынужденных переселенцев китайским военным. Беженцам оказали тёплый приём, поддержанный местными советскими властями и населением.

Но советское руководство не совсем доверяло Оспан-батыру и пристально следило за его действиями. Существовало опасение, что Оспан-батыр был «проектом Чойбалсана». При всей зависимости Монголии от СССР, тем не менее, советские власти не желали, чтобы синьцзянский Алтай попал в сферу влияния МНР, считая его, прежде всего, сферой советского влияния. Тем более что между СССР и МНР имелись трения по вопросу территорий, и не только в Синьцзяне. В 1944 г. в состав СССР на правах автономной области вошла Тувинская Народная Республика. Это вызвало недовольство Чойбалсана, рассчитывавшего на присоединение Тувы к Монголии. Весной 1944 г. советские консульства в Синьцзяне направляли в Москву данные о социально-политической и экономической обстановке в крае, а также о межэтнических отношениях в относившихся к ним консульских округах. Консул СССР на синьцзянском Алтае Михайлов писал, что повстанческая группировка Оспан-батыра потенциально в состоянии сыграть решающую роль в организации и осуществлении нового казахского восстания²¹.

Летом 1944 г. Оспан-батыру было рекомендовано напасть на китайские войска, ввиду приведения их в состояние боевой готовности вдоль советско-китайской границы. Он атаковал китайцев и при поддержке с воздуха советской авиацией разбил их части, что укрепило доверие к нему советского и монгольского руководства.

Среди жителей местности Или, воодушевлённых успехами Оспан-батыра, с июля 1944 г. разрасталось протестное движение, и 7 ноября в Кульдже началось широкое народное выступление против властей Китая, положившее начало процессу создания Восточно-Туркестанской республики (ВТР). Поводом для недовольства, в итоге вылившегося в восстание, послужило решение китайских властей Синьцзяна о конфискации у животноводческого в основном населения округа Или – казахов, киргизов, монголов – десяти тысяч лошадей для китайской армии. По этому решению за каждую не сданную лошадь полагалось выплатить в казну 700 синьцзянских юаней, что было в два раза дороже её реальной рыночной цены²².

Для организации партизанской войны против Гоминьдана и поддержки антикитайского восстания летом 1944 г. на север Синьцзяна были тайно заброшены подготовленные советскими спецслужбами диверсионные группы спецназа «Буйга» и «Батыр». Главный координационный центр восстания находился в советском консульстве в Кульдже. В донесениях спецслужб США того времени сообщалось: «7 ноября произошло поддерживаемое Советским Союзом восстание в Кульдже (Инине), последовавшие за этим вооружённые схватки привели к отделению трёх северо-западных регионов Синьцзяна (Или, Тарбагатай, Алтай) и созданию Народной Республики Восточный Туркестан»²³. Поэтому события, положившие начало созданию ВТР, получили название «революции трёх округов».

Таким образом, ситуация в Восточном Туркестане резко изменилась. Ко времени образования ВТР Оспан-батыр контролировал границу Синьцзяна с Монголией. После известия о создании ВТР Оспан-батыр объявил о подчинении его отрядов приказам правительства ВТР, которое не раз посылало к нему своих представителей с предложениями сотрудничества. Советские спецслужбы, сотрудник которых полковник А. Абузаров после принятия решения Политбюро ЦК ВКП(б) от 4 мая 1943 г. был направлен в Алтайский округ в качестве резидента

НКГБ СССР, имели сведения о том, что решение Оспан-батыра примкнуть к ВТР носит временный характер и что он не намерен в перспективе сотрудничать с образованным в Кульдже правительством ВТР. По мнению чекистов, Оспан-батыр «Алтай считает самостоятельным государством, а себя – ханом Алтая»²⁴.

При всей противоречивости сложившейся ситуации казахские отряды успешно приступили к «очищению» Алтайского округа от китайской армии, что на тот момент совпадало с теми задачами, которые ставило перед своими спецслужбами руководство СССР. Способствовало этому и то, что, согласно меморандуму, направленному 11 января 1945 г. в Вашингтон консулом США в Урумчи Г. Смитом, «казахские формирования хорошо вооружены: они используют винтовки русского образца, а также пулемёты и миномёты»²⁵. События на синьцзянском Алтае и действия Оспан-батыра были предметом беспокойства и объектом пристального внимания не только Москвы, Чунцина и Урумчи, но также и Вашингтона.

23 сентября 1945 г. по предложению советских «консультантов» Оспан-батыр был назначен правительством ВТР, располагавшемся в Кульдже, временно исполнять обязанности губернатора Алтайского округа. Его отряды вместе с частями только что созданной армии ВТР в течение месяца вытесняли из округа остатки китайских войск, за что он был введён в состав правительства ВТР как представитель казахов и киргизов. Но Оспан-батыр, несмотря на свои обязательства следовать советам «консультантов» из СССР, получая советскую помощь через территорию Монголии, преследовал собственные цели, надеясь создать на синьцзянском Алтае собственное государство. При этом он напоминал советским и монгольским властям об обещаниях, данных ему Чойбалсаном.

После назначения Оспан-батыра губернатором Алтайского округа для командования нерегулярными отрядами казахских партизан был послан представитель ВТР Далелхан Сунгурбаев (Сокурбаев). Но его по-

пытки вывести из-под контроля Оспан-батыра отряды казахов Алтая не увенчались успехом. В поддержку Оспан-батыра выступили киргизы и 50 тысяч вооружённых синьцзянских калмыков племени торгоутов из Тянь-Шаня. В конце декабря 1944 г. военные силы ВТР, где вместе с уйгурскими частями Гани-батыра, дунганскими отрядами Мансура Ломиева, подразделениями русских белоэмигрантов Федора Лескина и татар Фатиха-батыра заметную роль сыграли бойцы Оспан-батыра, были захвачены важные стратегические пункты Синьцзяна – Бораталы, Арасан и Суйдун. Весной 1945 г. казахские отряды Калыбека разбили силы Гоминьдана в ущелье долины реки Кызыл-Узень и захватили эту стратегически важную местность. При этом все боевые действия частей ВТР против китайских войск координировались непосредственно советским генералом госбезопасности В.С. Егнаровым, а военные операции разрабатывались под руководством советских «консультантов»²⁶.

Как докладывали Сталину Л.П. Берия и министр иностранных дел СССР А.Я. Вышинский 25 апреля 1945 г., повстанческие отряды на синьцзянском Алтае во главе с «местным авторитетом» Оспан-батыром насчитывали до 4 тысяч бойцов. При этом «отрядом Османа (Оспан-батыра. – *Авт.*) заняты Коктогайский и Чингильский уезды Алтайского округа (провинции Синьцзян. – *Авт.*), непосредственно прилегающие к МНР. Отряды Османа находятся в районах, прилегающих к центру Алтайского округа – Шара-Суме, однако активных действий по захвату города и очищению округа от китайцев пока (Оспан-батыр. – *Авт.*) не предпринимает»²⁷.

В донесении отмечается, что повстанцы немногочисленны, ощущают нехватку оружия и профессиональных военных кадров. Несмотря на это, советский представитель в Синьцзяне генерал В.С. Егнаров рассчитывал на военный потенциал Оспан-батыра, когда в ряде районов Синьцзяна – уезде Манас и Тарбагатайском округе – вспыхнули восстания казахского населения против китайских властей. 13 июля Л.П. Берия пере-

дал И.В. Сталину и В.М. Молотову его донесение по этому вопросу: «Выход в Тарбагатайский округ только одного полка повстанцев позволит, во взаимодействии с составшими казахами в Манасском уезде, перерезать сообщение Урумчи с Дзиньхо и Чугучаком, ликвидировать (китайский. – *Авт.*) гарнизон в Чугучаке и Дурбульджине и соединиться с казахами “Героя” (так в оперативных донесениях советских спецслужб тогда называли Оспан-батыра. – *Авт.*). Такое положение, несомненно, сорвёт предполагаемое наступление китайцев на Кульджу и укрепит положение и авторитет ВТР»²⁸. Как видно из документа, В.С. Егноров в данной ситуации считал необходимым активизацию в Алтайском округе отрядов Оспан-батыра, чтобы использовать их для освобождения от китайской власти Тарбагатайского округа.

Но связи Оспан-батыра с ВТР не были прочными. В отличие от правительства ВТР, находившегося под контролем советских властей, он не реагировал на указания советских компетентных органов, о чём свидетельствует спецсообщение генерала В.С. Егнорова в НКВД СССР 5 октября 1945 г. Советские руководители самого высокого уровня – Л.П. Берия и В.М. Молотов – рекомендовали своим подчиненным в Синьцзяне воздействовать на казахского «военно-полевого командира» с помощью руководителя Монголии Х. Чойбалсана: «...поручить Чойбалсану дать указание Осман (Оспан)-батыру прекратить активные боевые действия против китайцев, перейти к обороне и содействовать кульджинским повстанцам в переговорах по мирному урегулированию конфликтов с китайцами»²⁹.

Но усилия командования вооружённых сил ВТР и советских представителей при её правительстве, а также советы монгольских властей игнорировались Оспан-батыром, который отказывался прекращать боевые действия против китайцев. Попытки советских властей и находившегося под их влиянием правительства ВТР подчинить Оспан-батыра привели к противоположному результату. Непредсказуемый Оспан-батыр установил

тайную связь с китайским губернатором Синьцзяна Чжан Чжучжуном, представлявшим центральное правительство Китая во главе с лидером партии Гоминьдан Чан Кайши, и перешёл на его сторону. В ноябре 1946 г. отряды Оспан-батыра начали бои с частями ВТР на казахском Алтае.

Действия вождя казахов Алтая стали настолько серьёзной угрозой для интересов СССР в Восточном Туркестане, что этому вопросу было посвящено специальное заседание Политбюро ЦК ВКП(б) – высшего органа власти в Советском Союзе. 24 февраля 1947 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о физическом устранении Оспан-батыра и уничтожении его отряда: «В целях пресечения вражеской деятельности губернатора Алтайского округа Синьцзяна Оспан-батыра Исмаилова, направленной против интересов Советского Союза в Синьцзяне, ЦК ВКП(б) постановляет: 1. Обязать МГБ СССР через имеющиеся у него негласные каналы связи одобрить принятые командующим национальными войсками в Синьцзяне (т.е. частями ВТР. – *Авт.*) Монунным (Муминовым. – *Авт.*) Исхакбеком и вице-губернатором Алтайского округа (он же командир Алтайского полка) Сокурбаевым (Сунгурбаевым. – *Авт.*) Далелханом меры против банд Оспан-батыра и рекомендовать им преследовать эти банды до их полного разгрома и ликвидации (их лидера. – *Авт.*). 2. Обязать МГБ СССР через те же каналы предложить заместителю председателя Синьцзянского правительства (ВТР. – *Авт.*) Кадырову Ахмеду поставить вопрос перед Синьцзянским правительством о немедленном выводе Оспан-батыра из состава Синьцзянского правительства и снятии его с поста губернатора Алтайского округа, предложив назначить губернатором Алтайского округа Сокурбаева (Сунгурбаева. – *Авт.*) Далелхана...»³⁰.

Таким образом, к 1947 г., когда Оспан-батыр и его казахские бойцы стали проблемой для представителей советских учреждений в Синьцзяне, руководство СССР, как видно из приведённого выше документа, отдало приказ своим органам госбезопасности

физически устранить Оспан-батыра и ликвидировать его отряды. Предполагалось, что МГБ СССР осуществит это решение руками войск и спецслужб ВТР, так же, как и вывод Оспан-батыра из состава правительства ВТР, и снятие его с поста губернатора Алтайского округа. Это мотивировалось неисполнением им своих обязанностей, когда он якобы не защищал население от банд, действовавших на Алтае.

Но отдать приказ легче, чем его выполнить. Во всяком случае, так произошло с Оспан-батыром, который в это время активизировал борьбу за контроль над синьцзянским Алтаем. Ситуация здесь усугубилась в июне 1947 г., когда произошли боестолкновения на синьцзянском участке монголо-китайской границы. Это вызвало нарастание напряжённости в отношениях СССР с центральным правительством Китая во главе с лидером Гоминьдана Чан Кайши.

Власти Монголии представили эти инциденты как набег (2 июня) отрядов Оспан-батыра, в тот момент уже выступавшего на стороне Гоминьдана, на территорию Монголии, откуда они были изгнаны к 5 июня после трёхдневных боев с монгольскими войсками. Но над Алтайским округом Оспан-батыр не собирался отдавать контроль. Как свидетельствует американский консул в Урумчи Дж.Х. Пэкстон в своём донесении государственному секретарю США: «Оспан пытался вернуться после того, как был силой заставлен покинуть свой пост комиссара округа, на который он был законно избран... Китайцы помогли продвижению Оспана военной техникой... но помощь войсками не оказывалась».

3 сентября 1947 г. отряды Оспан-батыра численностью в 1 500 сабель и его союзника казахского «военно-полевого командира» Калыбека (900 сабель), оснащённые китайцами военной техникой, внезапным налётом овладели Коктогаем, а 12 сентября – центром Алтайского округа Шара-Суме, заставив бежать оттуда администрацию ВТР. Известность Оспан-батыра тогда вышла за пределы Восточного Туркестана и даже Китая, когда радиостанция «Голос Америки»

провела ряд передач об Оспан-батыре как о «друге США»³¹.

Но Оспан-батыр недолго оставался на пике побед. Совместными усилиями власти ВТР и СССР, согласно директиве из Москвы, начали силами трёх тысяч военнослужащих ВТР на 100 грузовиках с тяжёлым вооружением, к которым присоединились советские воинские части, операцию по «зачистке» округов Алтай и Тарбагатай от бойцов Оспан-батыра. В итоге этого наступления во второй половине октября отряды Оспан-батыра отступили в горы, оставив Шара-Суме. Поражение Оспан-батыра было обусловлено участием в боях против его отряда советских войск, задачей которых было возвращение под советский контроль вольфрамовых шахт в Коктогае (Фуэне)³².

Советские спецслужбы предприняли попытки ликвидировать Оспан-батыра с помощью монгольских коллег. Инициатива исходила от Х. Чойбалсана, когда он при встрече с министром иностранных дел СССР В.М. Молотовым высказал мнение, что Оспан-батыра «лучше убить, поскольку он проданся китайцам». Молотов, в свою очередь, отметил, что советская сторона «не будет сожалеть по поводу этого человека». Таким образом, Чойбалсан получил разрешение «поработать над бандой Оспана с тыла» и карт-бланш на его убийство. Была отмечена предпочтительность внедрения в отряды Оспан-батыра агентуры монгольских спецслужб для его последующего убийства³³.

Таким образом, советские власти санкционировали убийство казахского лидера на самом высоком уровне. Однако Оспан-батыр упредил их действия. Он арестовал монгольских посланников, прибывших к нему в декабре 1947 г. с предложениями сотрудничества, и выдал их в Урумчи китайским властям Гоминьдана.

Из-за опасений захвата отрядами Оспан-батыра залежей вольфрама и олова, имевших для СССР стратегическое значение, советский генеральный консул в Урумчи потребовал от китайских властей Синьцзяна оказать влияние на Оспан-батыра для прекращения им нападений. На это китайцы

заявили, что Оспан-батыр им не подчиняется и китайское правительство не оказывает ему никакой помощи.

Наряду с Оспан-батыром китайские гоминьдановские власти установили тайные связи с Калыбеком – начальником уезда в Саване, имевшим большой авторитет среди казахского населения Тарбагатайского округа. За 9 млн синьцзянских долларов Калыбек должен был увести подвластное ему население уезда на территории, контролируемые Гоминьданом, чтобы ослабить части ВТР в Тарбагатайском округе. План не удался из-за действий войск ВТР, а сам Калыбек бежал в Урумчи³⁴. Отряды Оспан-батыра были отброшены от богатых полезными ископаемыми районов Алтая и Тарбагатая советскими войсками МВД и оперативной группой МГБ СССР, занявшими вокруг этих месторождений оборонительные позиции³⁵.

В это время в Китае началась гражданская война между войсками Гоминьдана и китайских коммунистов во главе с Мао Цзэдуном. СССР, МНР и ВТР встали на сторону последнего, а Оспан-батыр поддержал Гоминьдан. Под патронажем китайских властей Синьцзяна, ориентировавшихся на Гоминьдан, для борьбы с советским влиянием и ВТР был создан «Комитет борьбы против СССР, компартии Китая и революции трёх округов», при котором действовали военизированные казахские молодежные организации. Руководство над ними получил Оспан-батыр. Одновременно он активно выявлял советскую агентуру в Урумчи и других районах, находившихся под контролем Гоминьдана³⁶.

В свою очередь, власти ВТР на подконтрольной им территории трёх северных округов Восточного Туркестана следовали указанию Политбюро ЦК ВКП(б) из Москвы, гласившему, что «силами местных провести очистку трёх округов от оспановцев и китайских агентов»³⁷. В постановлении Политбюро ЦК ВКП(б), подписанном И.В. Сталиным, казахский лидер и его люди отныне назывались не иначе, как «степной волк Оспан и его грабительская шайка»³⁸, что так контрастирует с его прежним псев-

донимом «Герой» в оперативных документах советских спецслужб. При этом «измена народному делу» вменялась и его соратнику Калыбеку, «который является сподвижником Оспана и таким же разбойником, как сам Оспан»³⁹.

Советские власти оказывали давление на Гоминьдан с тем, чтобы китайское правительство Синьцзяна отменило секретный приказ о включении отрядов Оспан-батыра в состав китайских регулярных войск Чан Кайши. Командующий войсками Гоминьдана в Синьцзяне генерал Тао Чжияо уступил требованиям СССР. При этом он заявил, что «приказ, в соответствии с которым казахи были включены в китайскую регулярную армию, был неправильно понят его предшественником, генералом Суном»⁴⁰.

Однако после победы китайских коммунистов в гражданской войне над Гоминьданом в Китае в 1949 г. и образования Китайской Народной Республики советские власти отказались от поддержки Восточно-Туркестанской Республики. Они заставили её разоружиться и сдаться без боя новым коммунистическим хозяевам Китая. Перед этим в СССР были вызваны лидеры ВТР – Ахмеджан Касими, Далелхан Сунгирбаев, Исхакбек Муминов, Абдулкарим Аббасов. Оттуда они должны были проследовать в Пекин на сессию Всекитайского собрания народных представителей, но, по официальной советской версии, погибли в авиационной катастрофе под Иркутском, а согласно другой, неофициальной, были уничтожены советскими спецслужбами в застенках МГБ в Москве.

Так трагично оборвались судьбы людей, безоговорочно возглавлявших по указанию властей СССР национально-освободительное движение в Восточном Туркестане. Они были уничтожены, чтобы не создавать проблем в советско-китайских отношениях после победы коммунистической революции в Китае. И только Оспан-батыр со своими джигитами, окружённый со всех сторон могущественными врагами в лице СССР, КНР, МНР, сражался против них в горах Алтая до конца, несмотря на всю обречённость своего положения. Но в одном он серьёзно отличался от ли-

дерев ВТР. Те, по большей части образованные люди, тем не менее, сознательно или невольно стали инструментом руководства СССР в Восточном Туркестане из-за своих иллюзорных надежд на помощь СССР в деле создания независимой восточно-туркестанской государственности. Они были отправлены «вождём народов», несмотря на всю их преданность советскому режиму, на заклятие в угоду сиюминутной советской и китайской политике. А Оспан-батыр, казалось бы, не такой образованный человек, выросший в традиционной культуре своего народа, сам выбирал свою судьбу и не подчинялся чужой воле, как бы могущественна она ни была. При этом он оставался родоплеменным вождём – человеком традиционного кочевого общества, уже в первой половине XX столетия стремительно разрушавшегося под ударами извне. И никакие посулы советских властей, на которых лежала ответственность за Голодомор казахов, не могли воздействовать на Оспан-батыра, стойко не принимавшего их политику. Судьба Оспан-батыра была трагична, но это был его выбор.

К отряду Оспан-батыра на завершающем этапе его борьбы присоединились известные деятели – противники коммунистов из всех областей Восточного Туркестана: мэр Комула – Йолбарс-хан, бывший министр финансов ВТР – Жаным-хан Хаджи и другие. Несколько лет, до 19 февраля 1951 г., когда он был схвачен солдатами Народно-освободительной армии Китая, Оспан-батыр вёл в горах синьцзянского Алтая бои с НОАК – регулярными войсками китайских коммунистов, в кольце границ враждебных ему государств – СССР, КНР и МНР. 29 апреля того же года его публично казнили в Урумчи – расстреляли по приговору военного суда КНР. Его соратник по борьбе Калыбек бежал в Пакистан.

Примечания

¹ Абдуллаев, Камолудин. От Синьцзяна до Хорасана. Из истории среднеазиатской эмиграции XX века. Душанбе, 2009. С. 323-324.

² Абылхожин Ж.Б., Козыбаев М.К., Татимов М.Б. Казахстанская трагедия // Вопросы истории, 1989. № 7.

³ Наземцева Е.Н. Русская эмиграция в Синьцзяне (1920-1930-е гг.). Барнаул, 2001; Бармин В.А. Синьцзян в советско-китайских отношениях 1941-1949 гг. Барнаул, 1999. С. 106; Бармин В.А. Советский Союз и Синьцзян. 1918-1941 гг. (Региональный фактор во внешней политике Советского Союза). Барнаул, 1998. С. 175; Сыроежкин К.Л. Казахи в КНР: очерки социально-экономического и культурного развития. Алматы, 1994. С. 22-34; The Kazaks of China. Essays on an Ethnic Minority / Ed. by Linda Benson & Ing-vang Svanberg. Stockholm, 1988.

⁴ Hayit, Baymirza. Turkistan Rusya ile Cin Arasinda. Istanbul, 1975. S. 324-325. Цит. по: Гасанлы, Джамиль. Синьцзян в орбите советской политики. Сталин и мусульманское движение в Восточном Туркестане. 1931-1949 гг. М.: Наука, 2015. С. 100.

⁵ Кызылкумова А. Расстрел Оспан-батыра // Центральная Азия. 2007, № 24 (686).

⁶ Hayit, Baymirza. Turkistan Rusya ile Cin Arasinda. S. 325-326.

⁷ Гасанлы, Джамиль. Синьцзян в орбите советской политики. С. 144.

⁸ Михайлов Ф. Справка о ситуации в Алтайском консульском округе. Апрель 1944 // Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 0/100. Оп. 32а. П. 299. Д. 9. Л. 9.

⁹ Radchenko S. Choibalsan's Great Mongolian Dream // Inner Asia. 2009. Vol. 11, № 2. P. 233.

¹⁰ См.: Кызылкумова А. Расстрел Оспан-батыра.

¹¹ From Edmund Clubb to Clarens Gauss, American Ambassador in Chongqing. Political Disturbances in Sinkiang. 01.11.43 // National Archives and Records, Administration of the USA. RG 59. Box: 5842.NND 730032. Doc. 893.00/11-143. P. 44. Цит. по: Гасанлы, Джамиль. Синьцзян в орбите советской политики. С. 132.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Письмо Л.П. Берия В.М. Молотову. 15.10.1945 г. // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ), Ф. Р-9401 с/ч. Оп. 2. Д. 104. Л. 62.

¹⁵ Radchenko S. Choibalsan's Great Mongolian Dream. P. 239.

¹⁶ Красильников В. Синьцзянское притяжение. М., 2007. С. 276.

¹⁷ Radchenko S. Choibalsan's Great Mongolian Dream. P. 239.

¹⁸ Ibid. P. 240.

¹⁹ Кызылкумова А. Расстрел Оспан-батыра.

²⁰ Оперативная сводка Берии к Сталину. 02.08.1944 г. // ГАРФ. Ф. Р-9401 с/ч. Оп. 2. Д. 66. Л. 116.

²¹ Михайлов Ф. Справка о ситуации в Алтайском консульском округе. Апрель 1944 г. // АВП РФ. Ф. 0/100. Оп. 32а. П. 299. Д. 9. Л. 9.

²² Яковлев А.Г. К вопросу о национально-освободительном движении народов Синьцзяна в 1944-1949 гг. // Ученые записки Института востоковедения АН СССР / Китайский сборник. Т. XI. М., 1955. С. 165.

²³ Soviet Troops in Sinkiang. The National Army of the East Turkestan People's Republic. Approved for Release 2003.12.09 // National Archives and Administration of the USA. CIA-RDP 82. P. 2. Цит. по: Гасанлы, Джамиль. Синьцзян в орбите советской политики. С. 157.

²⁴ Письмо Л. Берии В. Молотову, Г. Маленкову и А. Микояну. Октябрь 1945 г. // ГАРФ. Ф. Р-9401 с/ч. Оп. 2. Д. 104. Л. 64.

²⁵ Memorandum by Mr. Horace H. Smith. 11.01.1945 // Foreign Relation of the United States. Diplomatic Paper. 1945. Vol. VII. The Far East China. Washington, 1969. P. 988. Цит. по: Гасанлы, Джамиль. Синьцзян в орбите советской политики. С. 168.

²⁶ Информация генерала В.С. Егнарова на имя Л.П. Берии о повторном наступлении на Кульджинскую крепость Айрембак. 11.01.1945 г. // ГАРФ. Ф. Р-9401 с/ч. Оп. 2. Д. 92. Л. 44.

²⁷ Письмо Л.П. Берии и А.Я. Вышинского И.В. Сталину. 29.04.1945 г. // ГАРФ. Ф. Р-9401 с/ч. Оп. 2. Д. 95. Л. 234.

²⁸ Спецсообщение генерала В.С. Егнарова на имя Л.П. Берии. Июль 1945 г. // ГАРФ. Ф. Р-9401 с/ч. Оп. 2. Д. 97. Л. 353.

²⁹ Письмо Л. Берии В. Молотову, Г. Маленкову и А. Микояну. Октябрь 1945 г. // ГАРФ. Ф. Р-9401 с/ч. Оп. 2. Д. 104. Л. 62–64.

³⁰ Решение Политбюро ЦК ВКП(б) «О Синьцзяне». 24.02.1947 г. // Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 162. Д. 38. Л. 154–155.

³¹ Петров В.И. Мятежное «сердце» Азии. Синьцзян: краткая история народных движений и воспоминания. М., 2003. С. 496–497.

³² Гасанлы, Джамиль. Синьцзян в орбите советской политики. С. 297.

³³ Из дневника В.М. Молотова. Приём Председателя Народного Совета министров МНР Хорлогийн Чойбалсана. 30.09.1947 г. // АВП РФ. Ф. 06. Оп. 9. П. 2. Д. 23. Л. 3–5.

³⁴ Красильников В. Синьцзянское притяжение. С. 329.

³⁵ Телеграмма генерала В.С. Егнарова на имя Круглова. 14.02.1948 г. // ГАРФ. Ф. 3-0401 с/ч. Оп. 2. Д. 203. Л. 207; Сопроводительное письмо МВД СССР к телеграмме В.С. Егнарова. 19.02.48 г. // ГАРФ. Ф. Р-9401 с/ч. Оп. 2. Д. 203. Л. 207.

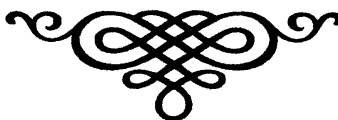
³⁶ Красильников В. Синьцзянское притяжение. С. 335.

³⁷ Постановление Политбюро ВКП(б) «О мероприятиях по укреплению политико-экономического положения в Илийском, Тарбагатайском и Алтайском округах Синьцзяна». 24.04.1948 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 39. Л. 34.

³⁸ Приложение к Постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) «Обращение к народам Синьцзяна». 24.04.1948 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 39. Л. 44.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Кузнецов В.С. Ислам в политической истории Китая: 30-е годы XX века – 1949 г. М.: ИДВ РАН, 1996. С. 126.

В.Г. Бухерт

ЯН ХИНШУН – ПЕРЕВОДЧИК «ДАО ДЭ ЦЗИН»

Русский перевод выдающегося произведения китайской философской мысли – трактата «Дао дэ цзин», авторство которого традиционно приписывается Лао Цзы¹, появился в конце XIX века². Он был сделан японским учёным М. Кониси³ и отредактирован самим Львом Толстым. Однако в наши дни самым известным и наиболее издаваемым русским переводом этого памятника является тот, что подготовил Ян Хиншун – философ китайского происхождения, связавший свою судьбу с Россией. Об этом учёном, впервые приехавшем в нашу страну ещё в далёком 1916 г., о его жизни и трудах известно, к сожалению, совсем немного.

Первоначально предметом научных исследований Ян Хиншуна была критика учения Сунь Ятсена⁴ его идейными противниками. Название своей кандидатской диссертации он определил так: «Философия Сунь Ятсена в изложении некоторых гоминдановских идеологов (Чэнь Лифу⁵ и др.)»⁶. Ян Хиншун даже успел опубликовать две статьи на эту тему⁷. Но затем интерес его сместился в сторону изучения философии древнего Китая. На этом пути Ян Хиншун продолжил традицию, заложенную А.А. Петровым⁸, по разработке истории материалистической мысли в Китае.

Ян Хиншун являлся аспирантом (1944–1948) Института философии АН СССР, а затем работал в нём в качестве младшего (1948–1951) и старшего (1951–1974) научного сотрудника.

15 июня 1948 г. на заседании Учёного совета Института философии АН СССР Ян Хиншун защитил кандидатскую диссертацию на тему «Философское учение Дао-дэ-цзина» (официальные оппоненты М.А. Дынин⁹ и А.А. Петров)¹⁰. На основе материала диссертации он издал книгу о Лао-цзы. В качестве приложения в книге он опубликовал собственный перевод «Дао-дэ-цзин».

Ян Хиншун. 1969 г.

Автор рассматривал свою работу как «первую попытку научного перевода древнего памятника» на русский язык¹¹. Книга «вызвала оживлённую дискуссию среди синологов всего мира»¹². Впоследствии Ян Хиншун опубликовал фрагменты из сочинений Сюнь-цзы¹³, трактат Фань Чжэня¹⁴ и ещё целый ряд работ¹⁵, некоторые из них – под авторским псевдонимом «Иванов К.В.»¹⁶.

Под редакцией Ян Хиншуна была издана книга Го Можо¹⁷ «Бронзовый век»¹⁸. Ян Хиншун был также автором нескольких глав «Краткой истории философии» (М., 1967).

Докторскую диссертацию на тему «Материалистическая мысль в древнем Китае» он защищал на заседании Учёного совета Института философии 16 января 1968 г.¹⁹. Официальными оппонентами были доктора философских наук Н.Г. Сенин²⁰ и В.В. Соколов²¹ и доктор филологических наук

Л.Д. Позднеева²². Ян Хиншун был автором статей по китайской философии, опубликованных в «Большой Советской Энциклопедии» и «Философской энциклопедии».

Итоговой работой Ян Хиншуна стала составленная им двухтомная антология древнекитайской философии²³. К работе над антологией были привлечены лучшие силы советских синологов – знатоков древнекитайской философии. Это были В.Г. Буров²⁴, Р.В. Вяткин²⁵, Л.И. Думан²⁶, В.А. Кривцов²⁷, М.В. Крюков²⁸, С. Кучера²⁹, И.С. Лисевич³⁰, Л.С. Переломов³¹, Е.П. Сеницын³², М.Л. Титаренко³³, В.Ф. Феоктистов³⁴. В антологии были опубликованы и прокомментированы ряд памятников («Дао дэ цзин», «Гуань-цзы», «Люй-ши чунь цю»), переводы которых на русский язык сделал сам Ян Хиншун.

В памяти знавших его Ян Хиншун остался не только крупным учёным, но и вообще «незаурядным человеком», которого отличали «неисчерпаемая энергия, добросердечность», к тому же он был «прекрасным семьянином, отзывчивым и надёжным товарищем»³⁵.

Публикуется автобиография Ян Хиншуна из его личного дела, хранящегося в фонде «Управление кадров Российской академии наук» (Ф. 411) в Архиве РАН.

Автобиография Ян Хиншуна

Я родился 13-го декабря 1904 года в Китае (пров[инция] Чжэцзян, уезд Нинсян, село Янцзя) в семье рабочего. Отец был каменщиком, работал по найму в г. Нинбо. Мы с матерью жили в деревне. Мать моя была ткачихой-надомницей, выполняла заказы подрядчиков. Два года учился в сельской школе. В 1916 году, из-за тяжёлого материального положения в семье, я был отдан в ученичество одному «земляку» (его фамилия Чу Сан), который имел портняжную мастерскую во Владивостоке. С ним я и приехал в Россию. В 1917 году умерла мать. После окончания ученичества, в 1920 году ездил на родину, чтобы навести[ть] отца. Хотелось не уезжать далеко от отца и устро-

иться на работу в Шанхае, или в каком-нибудь другом городе Китая. Но мне не удалось это сделать и в том же году вернулся во Владивосток. В течение 1920–1924 гг. работал мастером в различных частных портняжных мастерских. С работы был уволен в конце 1924 г. из-за участия в профсоюзной работе и в течение ряда месяцев был безработным. В начале 1925 г. устроился на работу в «Коллективе безработных швейников» при Бирже труда. В мае 1925 года вступил в комсомол и вскоре стал секретарём комсомольской ячейки при китайском клубе им. «1-го мая». В сентябре 1925 года я был направлен на учёбу в Совпартшколу, где проучился до июля 1927 года. После окончания Совпартшколы, с июля 1927 г. по март 1928 [г.] работал во Владивостокском окружном отделе труда в качестве инспектора. В течение 1925–1928 годов, наряду с комсомольской работой, принимал участие и в работе Горсовета. Был избран членом Владивостокского горсовета и его президиума. В декабре 1927 года вступил в партию. А в апреле 1928 года я был назначен заведующим китайской секцией при Владивостокском окружном ВКП (б). В октябре 1929 года я был командирован на учёбу в Москву. Сначала учился на Центральных курсах советского строительства при ВЦИК, а в сентябре 1930 года поступил на учёбу в философское отделение Академии коммунистического воспитания им. Крупской, которое в 1931–1932 годах вошло в состав Коммунистического университета преподавателей общественных наук (КУПОН). По окончании КУПОН в июле 1933 года был отправлен на преподавательскую работу в Дальневосточную китайскую ленинскую школу, где обучались коммунисты из гоминьдановского Китая. Здесь я 6 лет преподавал диалектику, историю Китая. Одновременно, по совместительству, читал курс лекций по диалектике и истмату в Дальневосточном государственном университете во Владивостоке. В июне 1939 года был отозван ЦК партии в распоряжение ИККИ. Во второй половине 1939 г. и первой [половине] 1940 года работал преподавателем и переводчиком на

спецкурсах при ИККИ в одном из домов отдыха ЦК МОПРа. В июле 1940 года был направлен ЦК партии на работу во Всесоюзный радиокомитет в качестве ответственного редактора китайской редакции отдела иновещания. В 1942–1944 годах был в спецкомандировке. С конца 1944 года, без отрыва от основной работы, учился в аспирантуре при Институте философии АН СССР. Весной 1948 года защитил кандидатскую диссертацию по древнекитайской философии. С июля 1948 года работаю в Институте философии АН СССР, сначала младшим, а с 1951 года старшим научным сотрудником. Докторскую диссертацию на тему «Материалистическая мысль в древнем Китае» защитил в январе 1968³⁶ года.

Ян Хиншун

18 сентября 1969 г.

Архив РАН. Ф. 411 (Управление кадров Российской академии наук).

Оп. 58. Д. 2541. Л. 4–5. Автограф.

Примечания

¹ Лао-цзы – древнекитайский философ VI–V вв. до н. э. (См.: Ян Хин-шун. Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение. М., 1950).

² См.: Лаоси. Тао-те-кинг // Вопросы философии и психологии. 1894. Кн. 3 (23). С. 380–408.

³ Кониси Масутаро (в крещении Даниил Петрович) (1862–1940) – японский русист и переводчик, толстовец.

⁴ Сунь Ятсен (1866–1925) – китайский революционер-демократ.

⁵ Чэнь Лифу (1900–2001) – китайский политик, государственный деятель, философ, министр образования Китая (1938–1944).

⁶ АРАН. Ф. 524 (Отдел подготовки научных кадров Академии наук СССР). Оп. 10. Д. 479. Л. 17.

⁷ Ян Хиншун. «Философия жизни» – идеологическое оружие империалистической реакции в Китае // Вопросы философии. 1948, № 1. С. 250–261; *Он же*. Социологические взгляды Чэнь Лифу как идеологическая основа реакционной политики Гоминдана // Философские записки. М.-Л., 1948. Т. II. Против новейших идеологов империалистической реакции. С. 187–195.

⁸ Петров Аполлон Александрович (1907–1949) – учёный-китаевед, историк китайской философии, дипломат, чрезвычайный и полномочный посол СССР в Китае (1945–1948 гг.).

⁹ Дынник Михаил Александрович (1896–1971) – философ, чл.-корр. АН СССР (с 1958 г.).

¹⁰ АРАН. Ф. 1922 (Институт философии АН СССР). Оп. 1. Д. 294. Л. 25–44.

¹¹ Ян Хин-шун. Древнекитайский философ Лао-цзы и его учение. М., 1950. С. 113.

¹² Проблемы Дальнего Востока. 1990, № 2. С. 239.

¹³ Сюнь-цзы (ок. 313 – ок. 238 до н.э.) – китайский философ, последователь Конфуция. (См.: Ян Хин-шун. Фрагменты из сочинений Сюнь-цзы // Вопросы философии. 1955, № 1. С. 150–153).

¹⁴ Фань Чжэнь (ок. 450–515) – китайский философ-материалист. (См.: Ян Хин-шун. Трактат Фань Чжэня «О смертности духа» // Вопросы философии. 1955, № 6. С. 144–148).

¹⁵ Ян Хиншун. О борьбе материализма с идеализмом в древнем Китае // Вопросы философии. 1953, № 2. С. 108–119; *Он же*. Зарождение философии в Китае. Рец. на кн.: Ян Юн-го. История древнекитайской идеологии (Пекин, 1954) // Вопросы философии. 1955, № 1. С. 164–171; *Он же*. Теория познания маоистов // Вопросы философии. 1956, № 1. С. 130–134; *Он же*. Из истории борьбы за победу марксизма-ленинизма в Китае. М., 1957; *Он же*. Предисловие // Ян Юн-го. История древнекитайской идеологии. М., 1957. С. 5–17; *Он же*. Об идеологической борьбе в Китайской Народной Республике // Вопросы философии. 1958, № 6. С. 17–28; *Он же*. Избранные материалы по общественно-политической и философской мысли Китая (1840–1898 гг.). М., 1959 (в соавторстве с Н.Г. Сениным); *Он же*. Материалистическая мысль в древнем Китае. М., 1984.

¹⁶ Иванов К.В. О некоторых закономерностях формирования философской мысли в Китае // Философские науки. 1969, № 5. С. 100–108; *Он же*. К вопросу об идейных истоках маоизма // Вопросы философии. 1969, № 7. С. 42–52.

¹⁷ Го Можо (1892–1978) – писатель, поэт, историк, археолог, государственный деятель, президент Академии наук КНР (с 1949 г.).

¹⁸ Го Можо. Бронзовый век. М., 1959.

¹⁹ АРАН. Ф. 1922. Оп. 1. Д. 1195. Л. 1.

²⁰ Сенин Николай Герасимович (1918–2001) – философ, научный сотрудник Института фило-

софии АН СССР (с 1951 г.), профессор (с 1965 г.).

²¹ Соколов Василий Васильевич (1919–2017) – философ, профессор кафедры истории зарубежной философии философского факультета МГУ.

²² Позднеева Любовь Дмитриевна (1908–1974) – литературовед, профессиональный переводчик китайской литературы.

²³ Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. М., 1972–1973, Т. 1–2.

²⁴ Буров Владилен Георгиевич (род. в 1931 г.) – философ, научный сотрудник Института философии АН СССР (с 1959 г.).

²⁵ Вяткин Рудольф Всеволодович (1910–1995) – историк-китаевед, научный сотрудник Института китаеведения АН СССР (1956–1958), Института востоковедения АН СССР (с 1958 г.).

²⁶ Думан Лазарь Исаевич (1907–1979) – историк-китаевед, научный сотрудник Института востоковедения АН СССР (1930–1940, 1952–1956 и с 1962), Института китаеведения АН СССР (1956–1961).

²⁷ Кривцов Владимир Алексеевич (1921–1985) – историк-китаевед, научный сотрудник Института Дальнего Востока АН СССР (с 1968 г.).

²⁸ Крюков Михаил Васильевич (род. в 1932 г.) – историк-китаевед, этнолог, научный сотрудник Института востоковедения АН СССР (1955–1957), Института этнографии АН СССР (с 1962 г.).

²⁹ Кучера Станислав-Роберт (род. в 1928 г.) – историк-китаевед.

³⁰ Лисевич Игорь Самойлович (1932–2000) – филолог-китаевед, научный сотрудник Института востоковедения АН СССР (с 1963 г.).

³¹ Переломов Леонард Сергеевич (1928–2018) – историк-китаевед, научный сотрудник Института востоковедения АН СССР (1955–1973), Института Дальнего Востока АН СССР (с 1971 г.).

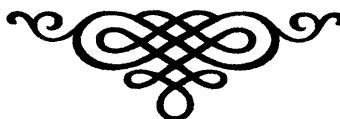
³² Синицын Евгений Павлович (1933–2002) – историк-китаевед, научный сотрудник Института востоковедения АН СССР (1966–1998).

³³ Титаренко Михаил Леонтьевич (1934–2016) – философ-китаевед, директор Института Дальнего Востока АН СССР (с 1985 г.), академик РАН (с 2003 г.).

³⁴ Феоктистов Виталий Фёдорович (1930–2005) – философ, научный сотрудник Института Дальнего Востока АН СССР (с 1968 г.).

³⁵ См.: Проблемы Дальнего Востока. 1990, № 2. С. 239.

³⁶ В тексте ошибочно: «1969».

А.М. Хазанов

ОСВОБОЖДЕНИЕ ИНДИЕЙ ГОА

В самом конце 1961 г. по фашистской диктатуре Салазара был нанесён жестокий удар. Португалия лишилась своих колониальных владений в Индии. Эти территории были расположены на западном побережье полуострова Индостан и представляли собой вклинивавшиеся в индийскую территорию анклавов общей площадью 3983 км². Самой большой из них была Гоа, лежащая примерно в 400 км к югу от Бомбея. Португальские владения, с их морскими портами, отрезали Индию от удобных выходов к морю.

Португальская официальная наука и пропаганда всегда подчеркивали особый характер своих заморских владений в Индии (официально именовавшихся «Португальским государством в Индии»). Он заключался в том, что они, в отличие от английских и французских владений в Индии, существовали четыре с половиной века. Однако это до сих пор существующее утверждение находится в противоречии с исторической действительностью. Фактически 80% территории «португальской» Индии (около 1222 кв. миль из 1532 кв. миль общей площади) были оккупированы португальцами только в конце XVIII века, т.е. примерно в то же время, когда в Индии обосновались англичане и французы. Лишь 20% «португальских» территорий в Индии были захвачены Португалией четыре с половиной века назад¹. Таким образом, даже ссылки адептов португальского колониализма на «исторические» права Португалии на Гоа, Даман и Диу абсолютно несостоятельны.

Другой довод, выдвигаемый португальской пропагандой и официальной наукой для обоснования прав Португалии на часть индийской территории, сводится к тому, что за время длительного португальского господства жители Гоа, Дамана и Диу подверглись значительной ассимиляции и перестали

быть индийцами-индусами, став португальцами-христианами. Однако, согласно переписи 1950 г., общее население португальских владений в Индии составило 637 591 человек, из них лица индийского происхождения – 636 152 человека, или 99,7%. Европейцев и «потомков европейцев» было всего 900 человек².

Гоа, Даман и Диу в основном были населены индийцами, говорящими на языках жителей прилегающих районов Индии. Больше всего распространен язык маратхи или его южный диалект – конкани. Несмотря на насильственное «олузитанивание» жителей колоний, португальский язык не привился среди индийского населения Гоа, Дамана и Диу³. На нём говорит не более 7% населения этих территорий⁴. Столь же несостоятельны утверждения о том, что население Гоа, Дамана и Диу в подавляющем большинстве составляют христиане, а не индусы. Даже согласно официальной переписи населения христианское население колоний насчитывало 234 275 человек, в то время как индусы – 388 488 человек. Кроме того, в колониях проживало около 9 тыс. мусульман и представителей других религий. Таким образом, христианская религия имела влияние менее чем на 40% жителей колоний⁵.

Адепты Салазара до сих пор не перестают уверять, что в Гоа не было расовой дискриминации, поскольку его население – «индо-португальцы» – это «симбиоз двух культур, продукт полной интеграции привычек и обычаев двух далёких народов, блестящей работы, выполненной Португалией»⁶.

На деле в Гоа, Дамане и Диу существовал строгий расовый барьер и практиковались разнообразные формы расовой дискриминации в отношении неевропейского населения. О наличии такого барьера и лживости утверждений об ассимиляции свидетель-

ствуется мизерное число браков между представителями разных рас. Согласно официальной статистике, в 1952 г. было зарегистрировано всего два брака между европейцами и индийцами. На население более чем 600 тыс. человек приходилось всего 447 лиц смешанного происхождения⁷.

Расовая дискриминация ярче всего проявлялась в полном отстранении индийцев от участия в управлении. За всё время португальского господства Гоа не знала губернатора-индийца. Лишь в середине 50-х годов при губернаторе был учреждён законодательный совет. Он состоял из 23 членов, в том числе 18 выборных и 5 назначаемых. Но из 18 выборных членов лишь 11 избирались на основе избирательного права для взрослых, а 7 «избирались» различными учреждениями, где заправляли колонизаторы⁸.

Итак, выборное большинство было фикцией, очевидным трюком салазаровской диктатуры. Индийцы в Гоа имели весьма урезанные права. Им запрещалось служить во флоте, а в армии они не могли продвигаться дальше чина капрала. Расовая сегрегация приняла столь большие масштабы, что специальным декретом от 19 января 1941 г. офицерам португальской армии предписывалось выбирать себе жён только среди дочерей европейцев⁹.

Врачам, получившим квалификацию в Гоа, запрещалось практиковать в Португалии, Анголе и Мозамбике; даже въезд гоанцев в «португальскую» Африку был сильно ограничен¹⁰.

Португалия довела свои колонии в Индии до состояния крайней нищеты, разрухи и голода. Несмотря на плодородные земли и значительные природные ресурсы, Гоа не могла обеспечить даже половины потребностей населения в продовольствии¹¹. В колонии по существу отсутствовала промышленность. Португалия рассматривала свои индийские колониальные владения только как стратегически выгодные пункты на важнейших морских путях, связывающих Дальний Восток и Индию с Европой.

Единственная отрасль промышленности «португальской» Индии, получившая неко-

торое развитие – горнодобывающая промышленность, – была отдана по существу в полную собственность иностранных монополий. В Азии португальское правительство проводило ту же политику, что и в Африке: идя на значительные экономические уступки иностранным монополиям, оно надеялось превратить западных союзников в гарантов неприкосновенности своих колониальных владений.

В Гоа существовали значительные залежи железных и марганцевых руд. В 1954 г. добыча железной руды составила 1 380 650 т, марганца – 105 919 т¹². Главную роль в эксплуатации железных и марганцевых рудников играл американский и японский монополистический капитал. Американско-японские тресты «Кокан Когио» и «Ниппон Кокан», связанные с «Файнэншл Экспорт Бэнк оф Джапан», прибрали к рукам все наиболее прибыльные рудники.

В горнорудной промышленности было занято 75 тыс. человек. Работы на рудниках велись допотопным способом: люди долбили породу мотыгами и переносили её в корзинах. Не существовало никакой охраны труда, широко использовался дешёвый детский труд¹³. Экономика колонии полностью зависела от экспорта железных и марганцевых руд. С 1949 по 1952 г. экспорт железа возрос с 49 188 т до 469 596 т. Экспорт марганца составил в 1947 г. 10 тыс. т стоимостью 4 тыс. рупий, а в 1953 г. – 207 361 т стоимостью 29 235 453 рупий¹⁴.

Лёгкая и пищевая промышленность колонии была представлена мыловаренным и сахарным заводами и в особенности предприятиями по добыче соли из морской воды. Большая часть продукции горнодобывающей промышленности, рыболовства и солеваренного производства экспортировалась в Индию, Западную Германию, Японию и США. Типичным примером колониальной эксплуатации Гоа была деятельность «Банко насионал ултрамарино». Этот банк не только обладал исключительным правом денежной эмиссии, но также господствовал в коммерческой, промышленной и сельскохозяйственной областях. В одном только

1954 г. этот банк получил в Гоа прибыль в 10 тыс. конто¹⁵.

Сельское хозяйство Гоа было обречено на полную деградацию и застой. Население страдало от засух. За весь период португальского колониального господства было построено всего два ирригационных канала, но они не могли обеспечить водой всё население. «Для нашего сельского хозяйства характерна крайняя отсталость; оно не производит того, что необходимо для удовлетворения наших потребностей», – заявил в 1949 г. с трибуны Национальной ассамблеи депутат от Гоа Фроилано де Мело¹⁶.

Торговый баланс колонии постоянно сводился с дефицитом. В 1955 г. её импорт в четыре раза превышал экспорт. Такое ненормальное превышение импорта над экспортом лишний раз свидетельствовало о том, что как экономический район Гоа не могла существовать обособленно¹⁷. Португалия навязала Гоа участие в так называемом таможенном союзе португальских территорий. Все выгоды от взимания пониженных пошлин в межколониальной торговле получала метрополия. В то же время были прерваны естественные внешнеторговые связи колонии. Например, раньше Гоа импортировала дешёвый сахар с соседней Явы, но после вступления в таможенный союз она была вынуждена ввозить сахар из далёкого Мозамбика по более высокой цене¹⁸.

Слабое развитие экономики и тяжёлые условия жизни коренного населения стали причинами массовой эмиграции из Гоа в Индию и даже в африканские страны (в Кению, Танганьiku, Мозамбик)¹⁹.

Искусственное обособление трёх территорий от Индии оказывало самое пагубное влияние на их экономическую жизнь. Гоа, Даман и Диу на протяжении всей своей истории поддерживали тесные экономические связи с Индией и стали экономически её интегральной частью. Однако на Индию, по официальным данным, в 1955/56 г. приходилось около 20% импорта и свыше 40% экспорта «португальской» Индии. В то же время доля Португалии и её колоний в торговле Гоа составляла лишь 7,6%, а доля собствен-

но Португалии – 10% в импорте и 1% в экспорте²⁰.

Экономическая жизнь Гоа, Дамана и Диу вплоть до разрыва экономических связей с Индией, вызванного резким ухудшением отношений между Португалией и Индией, в значительной степени зависела от транзитной торговли, большая часть которой приходилась на долю Индии. Через порты Мармагао, Даман и Диу из Индии вывозились хлопчатобумажные ткани, хлопок-сырец, зерно, минеральное сырьё и ввозились в Индию промышленное оборудование, химикалии, продовольственные товары и т.д.²¹.

Единственная существующая в Гоа железная дорога соединяла крупнейший порт Мармагао с внутренними районами Индии и обслуживала главным образом индийские морские перевозки. Более 80% объема грузооборота порта направлялось в Индию²².

Экономические связи Гоа с Индией были столь тесными, что вплоть до обострения отношений между Португалией и Индией в колонии находились в обращении индийские деньги. Эти же деньги были единственной валютой, использовавшейся для внешнеторговых операций²³.

В 1951 г. денежные переводы из Индии в Гоа составили 68 млн рупий, из Гоа в Индию – 46 млн рупий, в то время как из Португалии в Гоа – только 4,1 млн и из Гоа в Португалию – 11,6 млн рупий. Весьма любопытно также, что к концу 50-х годов более 100 тыс. гоанцев работали в различных городах Индии, главным образом в Бомбее²⁴.

Все сказанное приводит к неизбежному выводу о том, что в историческом, культурном и экономическом отношениях Гоа, Даман и Диу составляли нераздельную часть Индии. «Гоа, – писал индийский журналист Дж. Эвагрио, – может быть португальской только по праву, в силу которого Португалия была мавританской до 1140 г. или испанской в 1640 г. – по праву завоевания и оккупации»²⁵.

Португальское владычество не только ущемляло национальный суверенитет Ин-

дии, оскорбляло национальные чувства индийцев, наносило большой экономический и политический урон Индии, но и представляло для неё прямую военную угрозу. После вступления Португалии в НАТО и подписания в начале 1951 г. американо-португальского соглашения о взаимном обеспечении безопасности американские империалисты начали превращать Гоа в свою военную базу. Они рассчитывали использовать эту территорию как военный плацдарм для оказания давления на Индию и для борьбы против национально-освободительного движения в Азии. В середине декабря 1957 г. стало известно, что США заключили с Португалией секретное соглашение, предусматривающее оказание Вашингтоном всемерной помощи португальскому правительству в сооружении новых военных баз в Гоа и Дамане, а также на острове Тимор²⁶.

Тотчас после заключения этого соглашения США приступили к строительству на территории Гоа, Дамана и Диу аэродромов, укреплений и других военных объектов. В индийской печати в то время часто публиковались сообщения об участии США в военных приготовлениях Португалии, об использовании территории Гоа как пункта для военных демонстраций в Юго-Восточной Азии. Гоа была наводнена американскими советниками. В гоанские порты то и дело заходили американские, английские и западногерманские суда, доставлявшие не только товары, но и оружие²⁷. На американские средства и под руководством американских специалистов строились военные аэродромы в районе порта Мармагао и на плато Бамболим, реконструировался и укреплялся главный порт Гоа – Мармагао. В 1960 г. индийская общественность с негодованием узнала о планах Пентагона построить в Гоа американскую ракетную базу.

В Гоа было сконцентрировано более 15 тыс. солдат, снабжение которых взял на себя ряд португальских и иностранных фирм. По словам выдающегося борца за свободу Гоа Браганса Кунья, эта колония была «превращена в военный лагерь с тысячами европейских и африканских солдат, экипирован-

ных современным оружием, поставляемым им НАТО, с военно-воздушной базой»²⁸.

«Проблема ликвидации иностранного господства в Гоа, – писала индийская газета “Дели Таймс”, – стала ещё более неотложной потому, что эти небольшие португальские территории на западном побережье Индии сейчас являются очагом международных интриг и контрабанды и превращаются в военные базы при активном потворстве других империалистических государств-членов НАТО, в которое входит и Португалия... Гоа представляет собой военный лагерь, где сконцентрирован военный персонал, оснащённый новейшим оружием НАТО. Гоанцы превращены в рабов в своих собственных домах... Свобода Индии не будет полной до тех пор, пока империалистические армии будут находиться на индийской территории – в Гоа, Дамане и Диу»²⁹.

Португальские колонизаторы превратили Гоа в центр интриг и провокаций против Индии, создавали напряжённое положение на границе и даже подвергали обстрелам её территорию. Как заявил в Народной палате Индии парламентский секретарь Министерства иностранных дел Садатх Алихан, только в течение сентября-октября 1957 г. португальские войска в Гоа 29 раз нарушали индийскую границу³⁰.

Подписание американо-португальского соглашения о военных базах осложнило проблему Гоа. Если до этого соглашения правительство Индии выступало за освобождение Гоа мирными средствами, то начиная с 1957 г. оно не исключало и насильственных методов освобождения территории. 1 октября 1957 г. индийская газета «Индиан экспресс» писала, что возможность превращения Гоа в базу НАТО делает всю эту проблему ещё более злободневной, поскольку вопрос, который раньше был лишь предметом спора между Индией и Португалией, может перерасти в часть мирового конфликта.

Позицию индийского правительства по вопросу о Гоа сформулировал в 1960 г. тогдашний министр обороны Кришна Менон: «Гоа – наша территория, она должна быть освобождена нами, это часть нашего неза-

вершенного дела. Будет ли Гоа освобождена насильственными средствами или средствами убеждения — это вопрос, который мы должны решить сами»³¹.

Через год индийское правительство открыто заявило о своём решении прибегнуть к вооружённой силе для освобождения незаконно удерживаемой Португалией части индийской территории. 16 августа 1961 г. премьер-министр Индии Джавахарлал Неру заявил: «Возможно, придёт время, когда мы решим послать туда армию. Когда наступит такое время, мы предпримем открытые, а не тайные или скрытые усилия»³².

Усилия Индии, стремившейся к освобождению Гоа от иноземного гнёта, смыкались с освободительной борьбой, которую на протяжении всего периода португальского господства вело индийское население Гоа, Дамана и Диу.

Ещё в 1928 г. возник Национальный конгресс Гоа — партия, возглавившая освободительную борьбу в «португальской» Индии и работавшая в тесном контакте с Индийским национальным конгрессом. В 30-х годах Национальный конгресс Гоа провёл кампанию «ненасильственного сопротивления» (сатьяграхи), используя одну из получивших широкое распространение форм освободительной борьбы индийского народа под руководством Индийского национального конгресса. Крупные выступления гоанцев в форме кампании гражданского неповиновения прошли в 1946 г., вскоре после окончания Второй мировой войны. Португальские власти обрушили на участников освободительного движения град репрессий. Руководящие деятели движения — Браганса Кунья, Какодкар, Хегде и другие — были брошены в тюрьмы.

Завоевание Индией независимости в 1947 г. послужило толчком к новому подъёму освободительного движения в Гоа, влив в него свежие силы. В то же время на пути этого движения возникли новые серьёзные трудности. Португальские власти стали спешно наращивать вооружённые силы в колонии. Если до независимости Индии войска, расквартированные в Гоа, не превышали 1 тысячи, то уже к 1950 г. их число

достигло 10 тыс. В одном только 1948 г. в Гоа было ввезено оружия и военного снаряжения на 42 тыс. рупий. В 1951 г. ввоз оружия увеличился в 70 раз и составил в стоимостном выражении 3 млн рупий³³.

Стремясь задушить освободительное движение в Гоа, португальские власти прибегли к массовому террору, вынося суровые приговоры всем, кто подозревался в сочувствии этому движению. Говоря об этом периоде, один из лидеров освободительного движения в Гоа Браганса Кунья отмечал: «Плохое обращение с нашими товарищами сменилось теперь жестокостью, садизмом и произволом. Приговоры от 4 до 8 лет тюремного заключения теперь сменились приговорами от 15 до 28 лет, вместо избиваний и бритья головы стали прибегать в отношении наших волонтеров к револьверным и ружейным выстрелам, мучить их до смерти или проламывать им череп. Наши протесты, как и ноты протеста индийского правительства, не оказывают никакого влияния на упрямое правительство Португалии»³⁴.

Несмотря на массовый террор, волны освободительного движения в Гоа вздымались всё выше. Вдохновляемые успехами независимой Индии и поддерживаемые индийской и мировой прогрессивной общественностью гоанские патриоты развернули активную борьбу под лозунгом ликвидации португальского колониального господства и воссоединения с матерью-родиной Индией. Они устраивали тайные митинги, распространяли листовки, вели большую агитационную работу в массах. 18 июня 1954 г. во многих деревнях Гоа были вывешены индийские национальные флаги, а на стенах домов появились надписи: «Вон из Гоа!». 15 августа — в День независимости Индии — 42 гоанца из Индии перешли границу Гоа, неся в руках индийский флаг и не обращая внимания на нацеленные на них ружья и пулемёты³⁵.

Ровно через год — 15 августа 1955 г. — гоанские и индийские патриоты предприняли поход на главный город Гоа — Панджиме, применив ненасильственные гандистские методы борьбы³⁶. Несмотря на мирный характер демонстрации, португальские войска

открыли огонь по толпе. Около 30 человек было убито и сотни ранены.

После варварского расстрела мирной демонстрации в Гоа Индия прервала всякие официальные контакты с Португалией, отозвала своего консула из Гоа и потребовала от Португалии закрыть консульства в Бомбее и Мадрасе³⁷. Португальские фашисты обрушили на маленькую колонию новые репрессии. Только в 1955 г. они арестовали более 3 тыс. человек. За период с 1946 по 1957 г. было брошено в тюрьмы несколько тысяч гоанцев, 13 лидеров освободительного движения сосланы на острова Зеленого Мыса, в Анголу и Португалию, около 300 патриотов осуждены на длительные (до 28 лет) сроки тюремного заключения, 87 человек расстреляны или замучены до смерти³⁸.

В феврале 1957 г. португальские колонизаторы совершили чудовищное злодеяние: они привязали в Понде нескольких гоанских патриотов к «джипу», проволокли их около двух миль, а затем облили керосином и подожгли. Когда этот страшный факт стал известен международной общественности, португальские официальные лица выступили с заявлениями, в которых отрицали подобный инцидент. Однако им не удалось замести следы преступления. В начале 1961 г. английская газета «Гардиан» опубликовала письмо Питера Д'Коста из Бомбея, в котором он сообщал: «Я был в Понде в то время и сам всё видел. Я удивлён, что португальское посольство в Лондоне отрицает инцидент, свидетелем которого были сотни людей... Почему португальцы так боятся позволить независимым международным юристам провести расследования в Гоа?»³⁹.

Начало освободительного восстания в Анголе тотчас же отозвалось в Гоа. «Восстание в Анголе и недавний эпизод с захватом в открытом море лайнера “Санта-Мария” вдохновили гоанских националистических деятелей, находящихся в подполье, на борьбу за независимость», – писала газета «Индиан экспресс» 5 мая 1961 г.

Вскоре после известий о восстании в Анголе гоанские патриоты совершили напа-

дение на два португальских военных поста и захватили большую партию оружия⁴⁰.

Португальское правительство, напуганное ростом освободительного движения в колониях, объявило призыв в армию лиц в возрасте от 18 до 36 лет. У португальцев, как писала «Индиан экспресс», вызвало особую тревогу то, что в связи с восстанием в Анголе они перебросили из Гоа в африканские владения около 17 тыс. солдат, значительно ослабив свою армию в Гоа. По словам той же газеты, гоанская молодежь не желала служить в колониальной армии и всячески уклонялась от воинской повинности⁴¹.

Освободительная борьба гоанцев за ликвидацию колониального гнёта и воссоединение с Индией выдвинула много героев. Одним из первых в этой плеяде должно быть названо имя Тристана Браганса Кунья, которого справедливо называют отцом гоанского национализма. С 1926 г. он активно участвовал в национально-освободительном движении в Гоа. В своих блестящих публицистических статьях он разоблачал сущность и методы португальского колониализма, выступал за организацию такого освободительного движения, которое было бы тесно связано с национально-освободительной борьбой всего индийского народа. Браганса Кунья был основателем Национального конгресса Гоа, одним из организаторов развернутой Национальным конгрессом Гоа кампании гражданского неповиновения. В июле 1946 г. он был арестован и брошен в тюрьму-крепость Агуада, а затем отправлен в Португалию. В 1950 г. его освободили из тюрьмы, но держали в Лиссабоне, отказав в праве выезда. Однако в 1953 г. Кунья сумел ускользнуть от ищеек Салазара. Он бежал в Париж, а оттуда перебрался в Индию, где снова активно включился в борьбу за освобождение Гоа. Умер Браганса Кунья 26 сентября 1958 г., так и не дожив до дня освобождения своей родины. В 1959 г. Всемирный Совет Мира в Стокгольме посмертно наградил Б. Кунья Международной премией мира. «История борьбы за свободу Гоа – это история, которую все мы должны пом-

нить... — писал Дж. Неру. — Следует помнить, что эта маленькая территория дала сравнительно большое число мужчин и женщин, которые пожертвовали в этой борьбе многим. Среди них выделяется имя д-ра Т. Браганса Кунья. Помня о нём, мы всегда будем помнить дело, которому он служил и ради успеха которого он работал»⁴².

Освободительная борьба жителей Гоа пользовалась сочувствием и поддержкой всей прогрессивной мировой общественности. Огромную поддержку населению Гоа в его законном стремлении освободиться от колониального рабства и воссоединиться с Индией оказывали демократические круги в самой Португалии. Наиболее решительную и твердую позицию занимала в вопросе о Гоа Португальская коммунистическая партия. Она последовательно и энергично отстаивала лозунг о праве на самоопределение для всех колоний и выступала за проведение немедленных переговоров с Индией о воссоединении с нею Гоа, Дамана и Диу. Компартия Португалии стала организатором широкой кампании против отправки войск в Гоа и против военной истерии в Португалии в связи с «гоанским вопросом». В своём заявлении от 1 мая 1954 г. компартия разоблачила агрессивную и преступную политику Салазара в вопросе о Гоа и указала на те трагические последствия для Португалии и её народа, к которым могла привести эта политика. Большое место занял вопрос о Гоа в работе V съезда Португальской коммунистической партии. Съезд решительно высказался за ликвидацию колониального контроля Португалии над частью территории Индии. В политическом отчете ЦК ПКП съезду указывалось: «Действительные интересы народов Гоа и Португалии требуют, чтобы населению Гоа была предоставлена свобода самому решить вопрос о своей судьбе путём действительно свободного народного волеизъявления. Такова позиция Португальской коммунистической партии, занятая ею с самого начала в защиту интересов народа Португалии и Гоа»⁴³.

В специальной резолюции по проблеме колоний, принятой съездом, было записано:

«V съезд считает правильной линию, защищаемую ЦК в отношении проблемы Гоа, и ещё раз заявляет, что коммунистическая партия будет требовать мирного разрешения проблемы Гоа путём переговоров, признавая за народом Гоа право свободно определить свою судьбу»⁴⁴.

В поддержку справедливых требований народа Гоа выступили и другие демократические организации Португалии. Так, Национально-демократическое движение, вокруг которого группировались оппозиционно настроенные к Салазару демократические круги, в своих подпольно издаваемых брошюрах и листовках заявляло, что «разногласия с Индийским Союзом должны быть решены путём переговоров и путём удовлетворения законных чаяний народа Гоа, Дамана и Диу»⁴⁵.

Поддержка справедливых требований населения Гоа была одной из главных причин репрессивных мер, предпринятых Салазаром в отношении Национально-демократического движения. Все члены его центрального комитета были арестованы. 18 июня 1957 г. в Порту начался суд над председателем Национально-демократического движения выдающимся учёным-математиком проф. Руи Луисом Гомесом. Вместе с ним на скамью подсудимых сели четыре других видных лидера оппозиции. Четверо подсудимых были приговорены к двум годам, один к десяти месяцам тюрьмы.

С резкой критикой политики Салазара выступала также другая оппозиционная организация — Португальское молодёжное движение за демократическое единство. В изданном ею манифесте содержалось требование, «чтобы конфликт в Гоа был решён мирными средствами» и чтобы «португальское правительство провело с индийским правительством такие переговоры, которые после обсуждения точек зрения обеих сторон могли бы разрешить конфликт дружественным путём»⁴⁶.

Борьба за предоставление гоанцам права самим решить свою судьбу охватывала всё более широкие слои населения Португалии. Она всё больше связывалась с борьбой про-

тив фашистской диктатуры Салазара. Лозунг освобождения Гоа становился одним из главных лозунгов, написанных на знамени антифашистов, под которое становились всё новые тысячи противников диктаторского режима Салазара независимо от их классовой, политической и религиозной принадлежности.

Переброска большого количества войск в Гоа, лихорадочные военные приготовления в стране, непомерные расходы на вооружение не оставляли сомнений в том, что Салазар готов пойти на военный конфликт с Индией. Поэтому требование отказаться от агрессивного курса и решить проблему Гоа путём переговоров с Индией стало всеобщим, охватив самые широкие слои населения Португалии. Рабочие нескольких фабрик в Лиссабоне вместе с банковскими и другими служащими организовали несколько митингов в пользу мирного решения гоанского вопроса. Такие же митинги проходили в городах Сакавем, Повоа, Аландра, Амадора, Келуз и др. В Порту сторонники мирного решения вопроса о Гоа направили правительству обращение, содержавшее требование начать переговоры с Индией. Тысячи таких писем и телеграмм приходили в Лиссабон из Торре де Клеригос, Пиаса, Вале де Верго. В Пиасе тысячи людей вышли на улицу, чтобы помешать отправке в Гоа пяти солдат, завербованных в этом городе. С криками «Долой войну!» толпа остановила автобус и заставила солдат вернуться домой. При отправке в Гоа военного судна «Серпа Пинто» с солдатами на борту толпа их родственников и друзей с криками «Негодяи, они посылают их на войну! Оставьте Гоа индийцам!» прорвала полицейский кордон. Несколько рекрутов прыгнули за борт, пытаясь бежать, но были пойманы и принуждены вернуться. Когда к солдатам многих воинских частей обращались с вопросом, кто желает добровольно отправиться в Гоа, ни один человек не выходил вперёд. Чтобы создать видимость «народной поддержки» политики Салазара, правительство пыталось инсценировать «патриотические» манифестации, однако эта затея с

треском провалилась. Во время выступлений официальных ораторов толпа кричала: «Пошлите в Индию представителей для переговоров!»⁴⁷.

Правительство Индии много раз предлагало португальскому правительству начать мирные переговоры. Но правительство Салазара нагло отвергало даже идею переговоров. Более того, в ответ на мирные предложения Индии оно угрожало применением силы, намекая, что в случае военного конфликта Индии придётся иметь дело не с одной Португалией, а со всем блоком НАТО.

Между тем в начале 1961 г. в Гоа, Дамане и Диу началось повстанческое партизанское движение, направленное против португальских колонизаторов. Во главе этого движения встал Военный совет, состоявший из представителей патриотических организаций Гоа, Дамана и Диу. Многие организации и частные лица, выражая настроения прогрессивной общественности всего мира, требовали от правительства Индии оказать активную вооружённую помощь повстанческому движению и помочь ему освободить Гоа от португальского колониального владычества.

Комитет африканских освободительных организаций в Лондоне обратился к Дж. Неру со следующей телеграммой: «Мы серьёзно встревожены вашими колебаниями в отношении предоставления эффективной помощи Гоа. От имени 39 организаций, входящих в наш комитет, и народов Африки мы призываем вас немедленно двинуться в Гоа, используя всю мощь вашей армии, чтобы спасти жизнь сражающихся гоанцев. Африка с вами»⁴⁸.

В начале декабря 1961 г. индийское правительство официально заявило о своём намерении решить проблему Гоа военным путем. Выступая 7 декабря в индийском парламенте, Дж. Неру заявил: «В данный момент я не могу сказать, к чему это приведёт, за исключением того, что в конечном счёте это должно неизбежно привести к освобождению Гоа»⁴⁹.

В ответ Салазар поспешил обратиться за помощью к своим союзникам по НАТО.

11 декабря правительству Англии было послано специальное послание. В нем цитировался Виндзорский договор 1899 г., по которому Англия дала согласие защищать заморские территории Португалии от её тогдашних и будущих врагов. Португальское правительство просило Англию разрешить использовать её базы, расположенные между Португалией и Гоа, для заправки горючим судов и для поддержания контактов с Гоа.

Английское правительство было заинтересовано в сохранении Гоа под португальским контролем, но в то же время не могло не считаться с тем фактом, что открытая поддержка Салазара в этом вопросе могла бы осложнить его и без того достаточно сложные отношения с Индией и другими странами Содружества. Исходя из этих соображений, оно отклонило просьбу Салазара о разрешении использовать британские базы и обещало лишь «ограниченную помощь» в вопросе о Гоа. Впоследствии Салазар так оценивал реакцию Лондона на его послание: «Португальское правительство... просило британское правительство указать, какие меры оно могло бы предпринять для кооперации с португальскими силами, чтобы остановить индийскую агрессию. Ответ правительства её величества, который был вскоре получен, состоял в сущности в следующем: в случае нападения на Гоа неизбежно последуют ограничения в той помощи, которую британское правительство сможет оказать португальскому правительству в его борьбе с одним из членов Содружества»⁵⁰.

Гораздо более благоприятный отклик получила просьба Салазара в Вашингтоне. США активизировали усилия по оказанию помощи своему младшему партнеру по НАТО. Посольство США в Индии развернуло лихорадочную деятельность, стремясь отговорить Неру от решительных шагов и помешать вступлению индийских войск в Гоа. 13 декабря президент США Дж. Кеннеди направил личное послание премьер-министру Неру, в котором «выражалась надежда», что Индия не прибегнет к применению

силы в Гоа. 15 и 17 декабря посол США в Индии Джон К. Гэлбрэйт предложил правительству Индии помощь США в поисках мирного решения проблемы и просил отложить военную акцию хотя бы на шесть месяцев⁵¹.

Индийское правительство дало достойную отповедь фарисейской «миротворческой» миссии американского правительства, которое рассчитывало выиграть время, чтобы помочь Салазару укрепить обороноспособность Гоа. Посольство Индии в США направило правительству США следующее послание: «Индия удивлена тем, что её друзья, которые молчали в течение долгих четырнадцати лет, неожиданно проявили интерес к тому, чтобы убедить Индию согласиться на шестимесячный период дальнейших переговоров. Послание правительства США дошло до правительства Индии только за шесть часов до того, как началась акция в Гоа. Когда правительство Индии решило навести справки, благоприятно ли реагировало португальское правительство на посредничество США и был ли им проявлен позитивный подход, правительство Индии узнало, что Португалия не обнаружила такого положительного подхода. В этих условиях для Индии не оставалось ничего другого, как начать осуществление своей программы применения минимальной силы для освобождения Гоа от гнёта Португалии»⁵².

18 декабря 1961 г. индийские войска, поддержанные танками и броневиками, перешли границу и вступили на территорию Гоа, Дамана и Диу. Индийская авиация подвергла бомбардировке аэродром в Панджме. Индийские самолеты, летавшие над Гоа, сбрасывали листовки, объясняющие гоанцам, что цель индийской военной акции – освобождение Гоа, Диу и Дамана и воссоединение их с Индией. Одновременно военно-морские силы Индии атаковали португальские укрепления на острове Анджидив. Через 36 часов после начала индийской военной акции португальские войска капитулировали.

19 декабря над Гоа, Даманом и Диу был поднят индийский флаг, и Индия формально

вступила в управление этими территориями. Окончилась одна из самых мрачных страниц в истории колониализма.

Справедливая акция Индии, явившаяся самым сильным ударом по империи Салазара за весь послевоенный период, вызвала у португальских колонизаторов приступ бесильной ярости. Обуреваемое жадой мести, португальское правительство отдало приказ об интернировании всех индийских резидентов в своих колониях и конфискации их собственности. Около 3 тыс. индийцев, живших главным образом в Мозамбике, были интернированы. Это обстоятельство стало важным фактором, повлиявшим на решение индийского правительства о судьбе и условиях репатриации военнопленных португальских войск, взятых в плен в Гоа⁵³.

Не без оснований рассчитывая получить поддержку от своих западных союзников, Португалия не постеснялась подать жалобу в Совет Безопасности ООН. В ней содержались уверения, что «заморские территории» составляют интегральную часть Португалии и что Индия совершила агрессию против самой Португалии.

Как и следовало ожидать, союзники Португалии по НАТО – США, Англия, Франция и Турция – энергично поддерживали португальскую жалобу. Все они критиковали Индию за применение оружия. США и Англия пытались обвинить Индию и другие антиколониальные страны в том, что «они оправдывают применение силы под предлогом ликвидации колониализма»⁵⁴.

Позиция Запада была выражена в проекте резолюции, представленном США, Англией, Францией и Турцией. Эта резолюция подвергла критике действия Индии в Гоа на том основании, что они якобы нарушили Устав ООН и угрожали существованию этой международной организации.

Однако попытки западных держав использовать Совет Безопасности для сохранения португальского колониализма в Индии натолкнулись на решительное сопротивление Советского Союза и афро-азиатских государств. Афро-азиатская группа потребовала от Совета Безопасности отклонить жало-

бу Португалии на том основании, что акция против Гоа имела антиколониальный характер и ставила своей целью освобождение исконных индийских территорий от варварского колониального гнета Португалии.

Советский представитель Зорин в своём выступлении квалифицировал индийскую акцию как значительный прогресс в деле ликвидации колониализма и поддержал предложенную афро-азиатскими странами резолюцию. Советский представитель, в частности, заявил: «Наша позиция заключается в том, что мы можем открыто заявить, что мы поддерживаем народ Индии и народ Гоа, которые борются за своё освобождение от колониального господства Португалии»⁵⁵.

Советский Союз как постоянный член Совета Безопасности использовал право вето для того, чтобы отклонить резолюцию США, Англии, Франции и Турции. Планы империалистов, стремившихся помочь своему партнеру по НАТО, были, таким образом, окончательно сорваны. Выступая после голосования, советский представитель заявил: «Советский Союз гордится тем, что он помешал пройти резолюции, которая фактически была бы равносильна поддержке колониальных держав, и прежде всего такой державы, как Португалия, которая своими действиями дискредитирует ООН. Те, кто защищают Португалию, защищают не ООН, а защищают колониализм – самое позорное явление XX века»⁵⁶.

Провал западной резолюции в ООН вызвал новый приступ ярости в Лиссабоне. Выступая 3 января 1962 г. в Национальной ассамблее, Салазар угрожающе заявил: «Я не знаю, будем ли мы первой страной, которая покинет ООН, но мы безусловно будем в числе первых»⁵⁷.

Потеря Гоа, Дамана и Диу явилась началом конца португальской колониальной империи. Она вдохновила национальные силы Анголы, Мозамбика, Гвинеи и других португальских колоний на активную борьбу за своё освобождение.

В то же время освобождение Гоа породило ряд противоречий в стане колонизаторов и прежде всего среди членов НАТО.

Португалия была не удовлетворена действиями своих союзников, полагая, что они не приняли достаточно эффективных мер для спасения её колонии в Индии. Салазар критиковал США и Англию за отказ оказать вооружённую поддержку, ибо в правящих кругах Лиссабона отдавали себе отчёт в том, что этот отказ нанёс сильный удар не только по португальскому колониализму, но и по фашистскому режиму Салазара в целом.

Примечания

¹ *Cunha T.B.* Goa's Freedom Struggle. Bombay, 1961. P. 331.

² «Anuário estatístico 1954». Lisboa, 1955. P. 463.

³ Антонова К.А., Кузьмин С.А. Португальские колонии в Индии // Последние колонии в Азии. М., 1958. С. 76.

⁴ *Telmo P.* Ce que Salazar n'a pas dit... Paris, 1956. P. 6.

⁵ См. *Cunha T.B.* Goa's Freedom Struggle. P. 332; *Telmo P.* Ce que Salazar n'a pas dit... P. 7. По сообщению португальской газеты, индусы составляли в Гоа 57%, а христиане – 42% населения («Diário da Manhã», 31.I.1967).

⁶ «Diário da Manhã», 17.XII.1966.

⁷ *Telmo P.* Ce que Salazar n'a pas dit... P. 6.

⁸ *Azevedo C.* Salazar's Bluff Called. Delhi, 1956. P. 52.

⁹ Ibid. P. 50.

¹⁰ Ibid.

¹¹ «Азия и Африка сегодня». 1961, №8. С. 21.

¹² «Anuário estatístico 1954». P. 467.

¹³ «Азия и Африка сегодня». 1961, №8. С. 21.

¹⁴ *Telmo P.* Ce que Salazar n'a pas dit... P. 4.

¹⁵ Ibid.

¹⁶ Ibid. P. 8.

¹⁷ Антонова К.А., Кузьмин С.А. Португальские колонии в Индии. С. 79.

¹⁸ *Azevedo C.* Salazar's Bluff Called. P. 49.

¹⁹ *Cunha T.B.* Goa's Freedom Struggle. P. 333; *Telmo P.* Ce que Salazar n'a pas dit... P. 9.

²⁰ *Gaitonde P., Mani A.* The Goa Problem. New Delhi, 1956. P. 17; *Evagrio G.* Salazar's Rule in Portugal and the Goa Case. P. 37.

²¹ См. Антонова К.А., Кузьмин С.А. Португальские колонии в Индии. С. 81.

²² Там же.

²³ *Cunha T.B.* Goa's Freedom Struggle. P. 333.

²⁴ *Evagrio G.* Salazar's Rule in Portugal and the Goa Case. P. 37.

²⁵ Ibid.

²⁶ «Международная жизнь». 1958, №2. С. 127.

²⁷ «Азия и Африка сегодня». 1961, №8. С. 25.

²⁸ *Cunha T.B.* Goa's Freedom Struggle. P. 376.

²⁹ Цит. по: «Азия и Африка сегодня». 1961, №8. С. 25.

³⁰ См. «Международная жизнь». 1958, №2. С. 128.

³¹ Цит. по: *Malaviya H.D.* The Goa Problem. New Delhi – Bombay, 1961. P. 41.

³² «The Times of India», 18.XII.1961.

³³ См. *Sardesai S.G.* Forward to the Liberation of Goa. Delhi, 1955. P. 5.

³⁴ *Cunha T.B.* Goa's Freedom Struggle. P. 322.

³⁵ Антонова К.А., Кузьмин С.А. Португальские колонии в Индии. С. 90.

³⁶ Goa. Portuguese Colonial Policy, Indian Campaign. New York, 1962. P. 6.

³⁷ Ibid.

³⁸ См. *Fryer P., Pinheiro P.* Oldest Ally... London, 1961. P. 176.

³⁹ «The Guardian», 12.I.1961.

⁴⁰ «Indian Express», 5.V.1961.

⁴¹ Ibid.

⁴² Предисловие Дж. Неру к книге: *Cunha T.B.* Goa's Freedom Struggle. P. III.

⁴³ V съезд Португальской коммунистической партии. М., 1959. С. 55.

⁴⁴ Там же. С. 258.

⁴⁵ *Cunha T.B.* Goa's Freedom Struggle. P. 404.

⁴⁶ Ibid. P. 405.

⁴⁷ Ibid. P. 407.

⁴⁸ Цит. по: *Оганисьян Ю.* 500 лет под пиратским флагом. М., 1965. С. 174.

⁴⁹ Goa. Portuguese Colonial Policy. Indian Campaign. New Delhi, 1962. P. 11.

⁵⁰ Ibid.

⁵¹ Ibid. P. 12.

⁵² Ibid. P. 13.

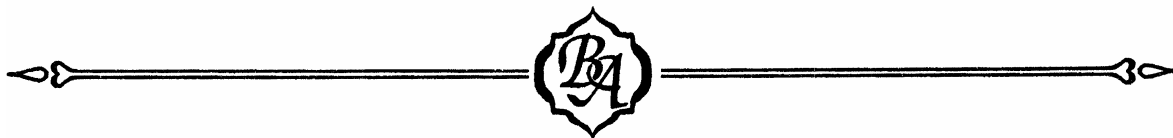
⁵³ Ibid. P. 14.

⁵⁴ Ibid. P. 15-16.

⁵⁵ «Mr. Zorin, USSR, Verbatim Record of the 98-7th Meeting of the Security Council, 18.XII.1961. U. N. Document S/PV 987», New York. P. 67.

⁵⁶ «Mr. Zorin, USSR, Verbatim Record of the 98-8th Meeting of the Security Council, 18.XII.1961. U. N. Document S/PV 988». New York. P. 92-95.

⁵⁷ Цит. по: Goa. Portuguese Colonial Policy. Indian campaign. P. 3.

НАШИ АВТОРЫ

БЕЛЯКОВ Владимир Владимирович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: beliakov2007@yandex.ru

БУХЕРТ Владимир Генрихович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Архива РАН. E-mail: buhert-1955@mail.ru

КАДЫРБАЕВ Александр Шайдатович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: kadyr_50@mail.ru

ЛАПИН Павел Андреевич – кандидат исторических наук, первый секретарь Посольства России в Китае. E-mail: waijiao2000@mail.ru

МАРАХОНОВА Светлана Ивановна – кандидат исторических наук, бывший научный сотрудник Института восточных рукописей РАН. E-mail: svetochka101@yahoo.com

МОСАКИ Нодар Зейналович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: nodarmossaki@gmail.com

НОРИК Борис Вячеславович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: boris.norik@mail.ru

ПРОЖОГИНА Светлана Викторовна – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: nvprozhoguina@mail.ru

ХАЗАНОВ Анатолий Михайлович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: orientalarchive@yandex.ru

ЦВИЖБА Лариса Исиновна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: laratas@mail.ru

ШМИДТ Вальдемар – магистр истории, Университет Регенсбург, Германия, E-mail: wolodjaschmidt@gmx.de